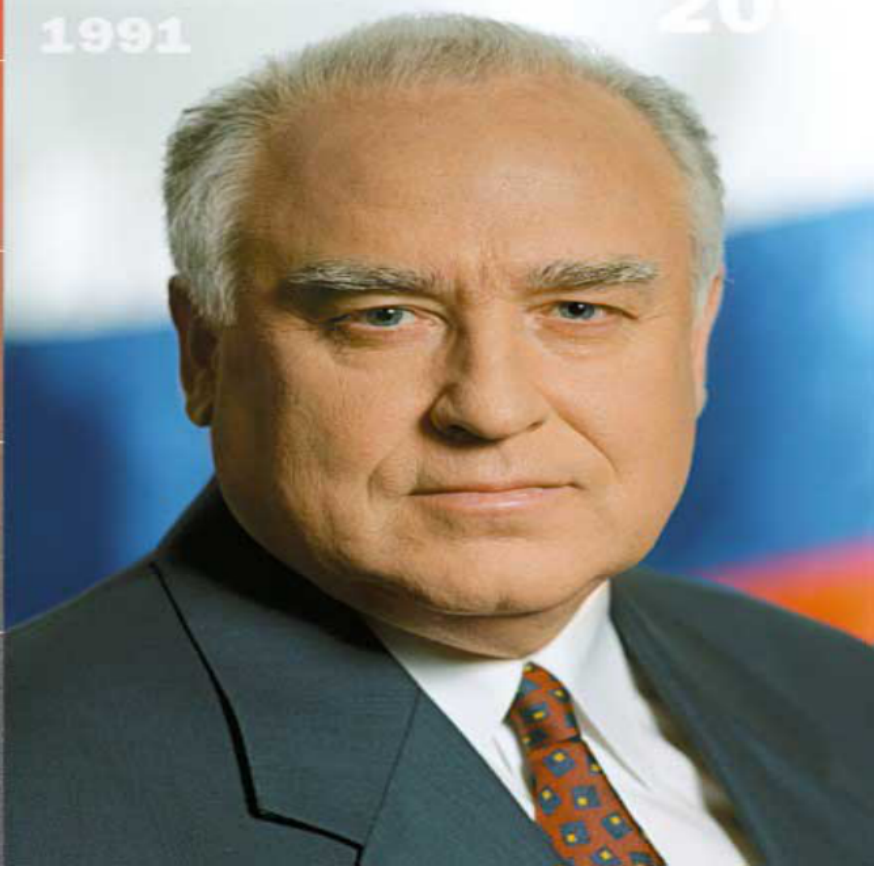
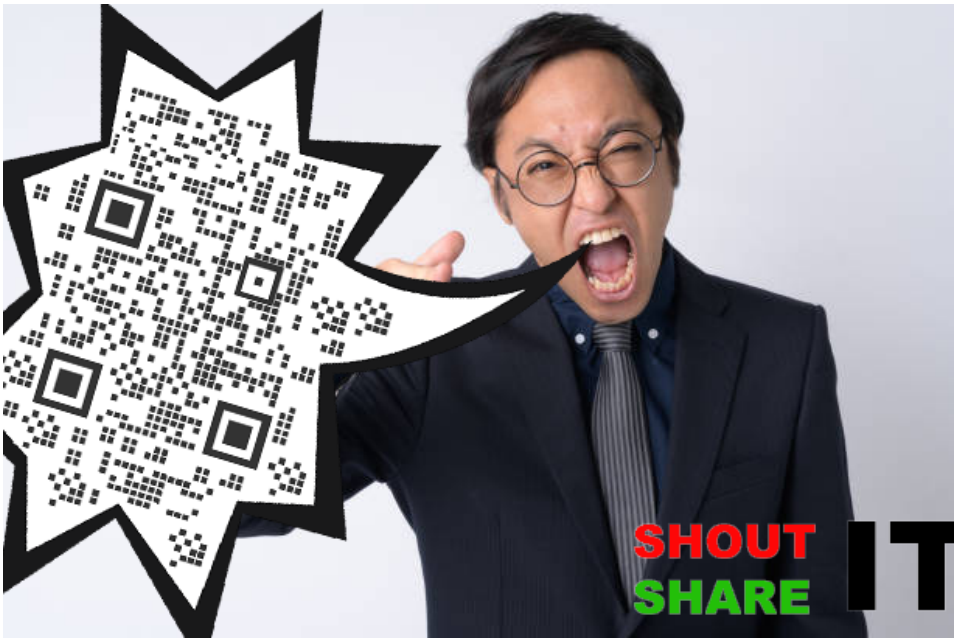
библиотека **Коммерсантъ**

Как Черномырдин спасал Россию



… 1989 · 1992 · 1995 · 1996 · 1999 · 2000 · 2001

Спасение Газпрома | Спасение рынка | Спасение рубля | Спасение Ельцина | Спасение Путина | Спасение Медведева | Спасение Украины


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Главным содержанием даже не карьеры — жизни — Виктора Степановича Черномырдина оказалась работа спасателя. Он был главным спасателем страны еще до того, как в его правительстве появилось МЧС, и не переставал им быть никогда. Именно он создал крупнейшую в мире газовую корпорацию «Газпром», а затем стал первым избранным председателем правительства новой России. И это он проявил простое человеческое благородство, не использовав реальную возможность узурпировать власть в момент болезни президента Бориса Ельцина. Он примирил Россию и Европу в период Югославской войны 1999 года, а затем, будучи российским послом на Украине во времена взаимного политического отторжения двух братских стран, стал почти национальным украинским героем.

В памяти россиян он остался «тем премьером», который любил играть на баяне, охотиться на медведей и рулить комбайном. Его называли «Степанычем» и, наверное, даже любили за уникальное, непостижимое чувство юмора и за его неподражаемые, ставшие крылатыми фразы — «хотели как лучше, а получилось как всегда», «какую партию ни строй, все равно КПСС получается», «отродясь не бывало, и вот опять», «лучше водки хуже нету»…

А это означает, что Виктор Степанович Черномырдин вошел в историю современной России не только как государственный деятель, но и как герой анекдотов. То есть навсегда.

Для широкого круга читателей.

- В. Дорофеев, А. Соловьев, В. Башкирова
  - От издателя
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13

- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
-
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Приложения
  - Точка, абзац. Черномырдин о Черномырдине
  - Биография
- Источники
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

В. Дорофеев, А. Соловьев, В. Башкирова
Как Черномырдин спасал Россию

В 1995 году ЦРУ направило в Белый дом секретный доклад, основанный на собственном обширном досье, в котором были перечислены факты, свидетельствовавшие о коррумпированности Виктора Черномырдина. Согласно даннът ЦРУ, за время пребывания в должности председателя правительства РФ Черномырдин скопил на своих личных счетах миллиарды долларов. Когда секретный доклад о Черномырдине попал к вице-президенту Альберту Гору, тот отправил его назад с емкой резолюцией:

«Bullshit!» — «Херня!»

«Виктор Степанович работал со мной бок о бок шесть лет, а потом я его сдал… Сдал его! А он теперь сидит здесь (празднование 75-летия Б. Н. Ельцина. — Ред.).

Он не обиделся, потому что понял…»

Б. Н. Ельцин

От издателя

Никто точно не скажет, что именно сделал Виктор Степанович Черномырдин (далее — ЧВС или Степаныч) для процветания России. Но многие запомнили, что экс-премьер носил вязаные кофты, любил играть на баяне и рулить комбайном.

Вряд ли кто уже знает, что поделывал ЧВС в Америке, встречаясь с вице-президентом Альбертом Гором. Но кто-то вспомнит, что однажды зимой в Ярославской области Черномырдин убил на охоте медведицу.

Речи Черномырдина, как правило, утрачивали смысл сразу же после выключения микрофона. Но страна не скоро забудет придуманные им афоризмы вроде «лучше водки хуже нету».

Вместе с ним страна требовала, чтобы чеченский террорист Басаев «говорил громче». Вместе со Степанычем, который «не за базар, а за рынок», страна познавала азы капиталистической экономики. Он знакомил население России с ее новой экономической географией: «В Якутии банкиры не нужны, там копать надо». Посвящал в самые сокровенные государственные тайны: «Мы правительство, нам думать не надо». Вместе с ним многие, «к сожалению, не читали книг»: «подписываемые документы прочесть бы успеть», и повторяли со вкусом: «Все это абсурд, но мне придется это выполнять», «Я не знаю случая, когда нам надо, а не получается».

До всенародной славы ему оставалось совсем чуть-чуть: стать либо президентом, либо героем анекдотов. Последнее надежнее.

Глава 1
Спасение «Газпрома»
Наследник СССР

Правительства многих республик откровенно саботировали решения союзного кабинета министров, объявляя их вмешательством в свои внутренние дела. Только «Газпром» пока еще надежно контролировал все свои трубы и месторождения на территории всего СССР.

Спасать Россию Виктор Степанович Черномырдин начал еще в 1989 году. Будучи министром газовой промышленности СССР, Черномырдин добился преобразования министерства в Государственный газовый концерн (ГГК) «Газпром», который монополизировал 95 % добычи природного газа и 100 % серы страны. На тот момент Советский Союз еще держался, но стремительно терял всех своих сателлитов в Восточной Европе. Варшавский договор рушился, советские войска покидали подконтрольные территории, и только газпромовские трубы оставались агентами большевистского влияния за рубежом.

Виктор Черномырдин был практиком, крепким хозяйственником — и обладал невероятным, каким-то звериным чутьем на перемены. Вот как об этом вспоминал бывший и. о. председателя правительства России Егор Гайдар в книге М. Зыгаря и В. Панюшкина «Газпром: новое русское оружие» (отрывок из которой был опубликован в журнале «Власть»):

«Егор Гайдар, бывший и. о. премьер-министра, если спросить его, как и зачем Черномырдин создал “Газпром” из советского газового министерства, отвечает: “Черномырдин не глупый. Он понимал, что старая министерская система управления разваливается. Советское министерство — это была система, жестко привязанная к авторитарной власти. Министерство жило, пока выполнялись команды. Для того чтобы выполнялись команды, нужна вооруженная власть. Каждый человек должен был понимать, что, если он не станет выполнять команд, вооруженная власть посадит его в тюрьму или убьет. Как только вооруженная власть ослабла, управлять командными методами

стало невозможно. А она ослабла к середине 80-х годов. И Черномырдин придумал, что ради сохранения газовой отрасли заставлять людей работать можно не силой, а из интереса. Он придумал, что человек будет работать не потому, что его иначе посадят в тюрьму, а потому, что ему кажется, будто ему самому выгодно выполнять указания, полученные от начальства"».

На самом деле словом «придумал» Гайдар описывает сложнейшую реорганизацию огромной структуры, которая и сейчас-то насчитывает полмиллиона человек, а в советское время включала в себя на треть больше. Прежде чем начать реформы, Черномырдин стал возить своих подчиненных на Запад, в Германию и Италию.

«Я в то время говорил, — вспоминал Черномырдин, — что мы должны систему такую сделать, чтобы, даже если дурак придет, и он не смог бы ее разрушить. Мы изучали все системы мира и брали все лучшее: и по технологиям, и по оборудованию. Чтобы невозможно было ее сломать, система должна быть дуракообразной!»

За образец для подражания он взял ENI — итальянскую государственную газовую компанию.

«Главным препятствием, — замечал Черномырдин, — был Рыжков».

Николай Иванович Рыжков. Предпоследний председатель Совета министров СССР. В историю этот главный экономист перестройки вошел в том числе благодаря своему публичному заявлению, будто он плачет по ночам, когда думает о том, как растут цены. Газеты потом долго выходили с карикатурами на плачущего Рыжкова. Рыжков плакал, а цены его не слушались, и Рыжков не понимал, что цены не будут слушаться уже никогда. Однако в 1989 году, когда Черномырдин превращал свое министерство в концерн, решение зависело от Рыжкова.

Черномырдин рассказывает, что приходил к Рыжкову со своей идеей газового концерна несколько раз. Рисовал схемы, объяснял, говорил, говорил, говорил до позднего вечера. В конце одного из таких разговоров Рыжков спросил:

«— То есть я понял, что ты министром не хочешь быть? — он все еще верил, что нет лучше занятия, чем быть в Советском Союзе министром.

— Нет, не хочу, — отвечал Черномырдин.

— И не будешь членом правительства? — недоумевал Рыжков. — И понимаешь, что лишаешься всего? Дачи, привилегий?

— Да, понимаю.

— Сам?

— Сам. Пойми, Николай Иваныч, не надо сейчас уже быть министром. Мы сделаем компанию.

Рыжков сомневался.

— У тебя сейчас сколько замов? — спрашивал он.

— Три первых и восемь простых, — отвечал Черномырдин.

— Ну вот, если я тебя отпущу сейчас, ты завтра возьмешь себе двадцать заместителей!

— Почему? Не надо мне двадцать. Два — и хватит».

Черномырдин уехал от Рыжкова за полночь, оставив председателя Совета министров в полной уверенности, что министр газовой промышленности сошел с ума. Черномырдин ехал в министерство, где его ждали два зама, посвященных в замысел: Рем Вяхирев и Вячеслав Шеремет. Уже в машине раздался звонок: «Завтра вопрос о преобразовании Министерства газовой промышленности в госконцерн будет обсуждаться на президиуме Совета министров». Остаток ночи… Черномырдин, Вяхирев и Шеремет думали как представить свою авантюру президиуму. Черномырдину удалось заранее договориться только с зампредом Совета министров Батаниным. Тот пообещал: «Я и помогать не буду, потому что я против, но и возражать не стану».

И слово свое сдержал. Речь Черномырдина в Совмине выслушали молча. Реакция остальных членов правительства была недоуменной. И вдруг слово взяла Александра Бирюкова, зампред Совмина, курировавшая легкую промышленность.

«Я выслушала все, что сейчас докладывал министр, — так запомнил ее слова Черномырдин, — и я ничего не поняла из того, что он говорил. Но хочу сказать: а почему бы нам не попробовать? Чего мы боимся? Мы его хорошо знаем, к нему никогда никаких претензий не было. Если у него не получится — мы ему голову оторвем и вернем все на свои места».

Совету министров СССР, как и Советскому Союзу, оставалось существовать менее двух лет. А члены президиума верили, будто могут еще кому-то оторвать голову и что-то вернуть. На самом деле они не могли уже ничего. Вскоре после того как «Газпром» перестал быть министерством, председатель Совета министров СССР Рыжков выступил на заседании Верховного совета и заявил с трибуны, что все цены в СССР искусственно занижены и их нужно повысить минимум в два раза, а на хлеб — и вовсе в три. В считаные часы по всей стране товары пропали с прилавков. Была введена карточная система. А 26 декабря 1990 года 61-летний Рыжков ушел на пенсию. На посту советского премьера его сменил Валентин Павлов. Павлов в надежде справиться с экономическим кризисом попытался было провести денежную реформу, но выйти из кризиса реформа не помогла, а только

озлобила людей, потерявших на этой реформе деньги.

СССР быстро распадался. Правительства многих республик откровенно саботировали решения союзного кабинета министров, объявляя их вмешательством в свои внутренние дела. Только «Газпром» пока еще надежно контролировал все свои трубы и месторождения на территории всего Советского Союза. А возглавлявший его Черномырдин был последним наследником СССР.

Дело спасения России Черномырдин в ранге председателя правления ГГК «Газпром» продолжил, разработав план по сохранению контроля над наиболее важной частью своего хозяйства в разваливавшемся Советском Союзе. В первую очередь речь шла о газотранспортных системах России, Украины и Белоруссии. Однако объединение сорвалось, и «Газпром» остался исключительно российским предприятием.

В конце весны 1991 года «Газпром» предпринял попытку внедриться на европейский газовый рынок, куда экспортировалось около 100 млрд кубометров газа в год. Скооперировавшись с немецкой химической компанией BASF, «Газпром» собрался принять участие в приватизации берлинской фирмы Verbundnetz Gas AG. До объединения Германии ей принадлежали все газораспределительные сети ГДР. «Газпром» рассчитывал купить 25,1 % акций Verbundnetz Gas и тем самым снизить свою зависимость от Ruhrgas, который диктовал «Газпрому» цены при заключении экспортных контрактов. Идея покупки акций Verbundnetz Gas горячо поддерживалась правительством СССР, и председатель Государственной внешнеэкономической комиссии Степан Ситарян обратился к министру экономики ФРГ Хельмуту Хаусману с просьбой об оказании необходимого содействия российской компании. Но немцы отказали «Газпрому» даже в праве участвовать в тендере. Акции Verbundnetz Gas AG купил Ruhrgas.

19 августа 1991 года советская власть предприняла последнюю попытку сохранить себя. Вице-президент СССР Янаев, председатель КГБ Крючков и министр обороны Язов попытались совершить переворот и отстранить от власти президента СССР Михаила Горбачева. Их поддержал и премьер Павлов. Попытка провалилась, причем противостоял заговорщикам не президент Горбачев, взятый под домашний арест на своей крымской даче, а будущий президент России Борис Ельцин, сумевший организовать сопротивление на улицах Москвы и получивший поддержку народа, а потом и армии.

Фактически с этого момента Советский Союз перестал существовать вместе со всеми своими министерствами. Но роль

«Газпрома» не только не ослабла, но, напротив того, усилилась: лишь он и ядерная кнопка оставались реальными факторами могущества Кремля.

В сентябре 1991 года «Газпром» создал с немецкой компанией Wintershall два совместных предприятия: WIEH (по продаже газа) и Wingas (по его транспортировке). Они до сих пор покупают российский газ дешевле, чем Ruhrgas.

В ноябре при участии «Газпрома», его дочернего предприятия «Астраханьгазпром» и «Агропромхима» возникло одно из первых в России СП — советско-американская фирма «Газ-Агро-Фрипорт». В СП, которое ориентировано на переработку и экспорт серы («Астраханьгазпром» занимал второе место в мире по добыче серы. — Ред.), инвестирована из бюджета огромная по тем временам сумма — 1,8 млн руб. Со стороны США в СП участвовали малоизвестные фирмы Freeport и McMoran. Спустя некоторое время американцы открыли у себя большое месторождение серы, и СП приказало долго жить.

Юридически Советский Союз перестал существовать в декабре 1991 года, когда президенты России и Украины Борис Ельцин и Леонид Кравчук и председатель Верховного совета Белоруссии Станислав Шушкевич подписали Беловежское соглашение.

К этому моменту под руководством Черномырдина концерн, по тогдашним оценкам, как минимум утроил объем контролируемого им капитала и был чемпионом мира по добыче природного газа (более 800 млрд кубометров в год), владел несколькими тысячами скважин и десятками подземных хранилищ, 270 промысловыми установками комплексной подготовки газа и сетью газопроводов в 160 тыс. км, 350 компрессорными станциями.

Беловежское соглашение привело к тому, что «Газпром» в одночасье потерял треть трубопроводов, треть месторождений и четверть мощности компрессорных станций. Но продолжал существовать, чего нельзя сказать о его родине.

В 1992 году правительство Егора Гайдара предприняло попытку ввести в газовую отрасль элементы конкуренции.

В феврале впервые высказывается идея создать независимые добывающие компании, поставляющие газ в контролируемую из центра газотранспортную систему. Министр топлива и энергетики Владимир Лопухин пытается воплотить идею в жизнь и наживает себе врага в лице Виктора Черномырдина, убежденного сторонника сохранения «Газпрома» как единой компании.

В апреле правительство принимает постановление,

разрешающее концерну «Газпром» оставлять 38 % валютной выручки за рубежом. А в мае Егор Гайдар распоряжается проверить документацию «Газпрома» на предмет состояния валютных счетов и проводок по ним.

В конце мая «Газпром» наглядно демонстрирует свои лоббистские возможности. Сразу после окончания проверки счетов министр-гайдаровец Владимир Лопухин отправлен в отставку, а его место 30 мая занимает Виктор Черномырдин, одновременно возведенный в ранг вицепремьера по ТЭКу. Бразды правления в «Газпроме» он передает своему первому заму и старому оренбургскому приятелю Рему Вяхиреву.

Уже на следующий день президент Борис Ельцин подписывает два указа: № 538 «Об обеспечении деятельности единой системы газоснабжения» и № 539 «По освоению новых газовых месторождений на полуострове Ямал, в Баренцевом море и на шельфе острова Сахалин». Таким образом, весь газовый рынок переходит под полный контроль «Газпрома», а имущественный газовый комплекс страны — в хозяйственное ведение концерна. Указом № 539 «Газпрому» передаются без конкурса лицензии на газовые месторождения в наиболее перспективных районах. К 1995 году «Газпром» владеет лицензиями на 81 месторождение, на которые приходятся 68,5 % всех газовых запасов страны.

Еще через день правительство принимает пакет постановлений по развитию нефтегазовой отрасли. «Газпрому» дано эксклюзивное право госзаказа для осуществления поставок газа на экспорт по межправительственным договорам. 45 % валюты, полученной от этих поставок, остается в распоряжении концерна, оборот по этим операциям освобожден от пошлин.

В июле правительство берет на себя повышенные обязательства занять на Западе $8,7 млрд на развитие «Газпрома». Для выплаты долга правительство рекомендует Центральному банку разрешить «Газпрому» открывать счета в иностранных банках.

Осенью учрежденный «Газпромом» банк «Империал» выкупает у ЦБ пакет акций East-West United Bank — бывшего совзагранбанка в Люксембурге, через который проходят платежи за весь экспортируемый в Европу газ и значительную часть нефтепродуктов, экспортируемых «Роснефтегазом». Созданная Виктором Черномырдиным империя получает не только конкурентные преимущества. На «Газпром» возлагаются функции большой политической значимости — расплачиваться своей продукцией за содержание российских войск в странах Балтии.

В ноябре создается акционерное общество «Росшельф» с 20-

процентной долей «Газпрома» для разработки крупнейших шельфовых месторождений — нефтяного Приразломного в Печорском море и третьего в мире по величине Штокмановского месторождения газа в Баренцевом море (с запасами более 3 трлн кубометров газа). Годовой валютный доход от реализации газа с месторождений запланирован в размере $7 млрд. Оба проекта до сих пор заморожены — ведутся лишь подготовительные работы по их возобновлению.

В ноябре Борис Ельцин подписывает указ № 1333 «О преобразовании государственного газового концерна ''Газпром" в РАО 'Газпром"». Аббревиатуры РАО удостоились только три российские компании — «Единая энергетическая система», «Норильский никель» и «Газпром». Согласно указу, добывающие и транспортные компании газовой отрасли преобразовываются в дочерние предприятия «Газпрома» со стопроцентным контролем. Вспомогательные и сервисные компании обретают статус дочерних акционерных обществ с долей «Газпрома» 51 % и более акций. Уставный капитал РАО «Газпром» составлял 236,7 млрд руб. — без учета переоценок основных фондов.

Акционирование «Газпрома», опекаемого Виктором Черномырдиным, утверждено по плану руководства газовой компании. При этом 40 % его акций закреплены в федеральной собственности до 1999 года с передачей «Газпрому» права голосовать 35 % акций из этого пакета. 28,7 % предназначается для продажи за приватизационные чеки на закрытых аукционах, 15 % — для трудового коллектива «Газпрома», 10 % зарезервировано для последующей продажи «Газпромом» на зарубежных фондовых биржах, 5,2 % — для населения Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), 1,1 % передается «Росгазификации».

Глава 2
Спасение рынка
«Достойный преемник Гайдара»

«Я как раз за рынок. А то, что мы хотим опутать нашу державу лавками и на базе этого поднять экономику, да еще улучшить благосостояние, — думаю, что этого не получится». За первые два дня своего премьерства Черномырдин произнес больше клятв о приверженности рынку, чем Гайдар за год.

14 декабря 1992 года на VII съезде народных депутатов РСФСР в результате рейтингового голосования по кандидатурам, представленным на пост председателя республики, Виктор Черномырдин стал премьером.

Поначалу голоса распределились таким образом: большинство голосов получили секретарь Совета безопасности Юрий Скоков (637 — «за», 254 — «против») и вице-премьер, министр топлива и энергетики Виктор Черномырдин (621 и 280 голосов соответственно). Исполняющий обязанности председателя правительства Егор Гайдар получил 400 голосов «за», 492 «против» и выбыл. Борис Ельцин отказался предлагать съезду кандидатуру Скокова, тем самым согласившись с назначением Виктора Черномырдина. Он и был утвержден съездом на посту премьера — в итоге за него проголосовал 721 депутат. Президент и депутаты, таким образом, сошлись во мнении, что России пора иметь премьера-практика.

Тем паче, что какой-то ярко выраженной политической позиции у Черномырдина вообще не было, а все необходимые ритуалы выражения личной преданности он выполнял неукоснительно. Для левой оппозиции испытывать неприязнь к Черномырдину было бы просто смешно — бывший инструктор ЦК КПСС и союзный министр своими повадками мог вызывать у ее представителей только восхищение. У «рыночных» (или, если угодно, прозападных) группировок российской элиты тем более имелись все основания считать своим «русского Рокфеллера», как называла Черномырдина российская пресса в 1992 году — когда

он стал премьером.

Тем самым борьба, которую вели представители промышленного директората и руководители-аграрники против «правительства ученых-теоретиков», закончилась победой практиков. Именно тогда, в декабре 1992 года, впервые заработала схема «президент на кнопке (имеется в виду ядерная кнопка. — Ред.) — премьер на вентиле».

Внимание общественности был приковано к первому серьезному шагу нового премьера, который в соответствии с указом президента «О Совете министров — Правительстве Российской Федерации» он должен был сделать после назначения. Речь шла о представлении президенту кандидатур будущих членов нового правительства. Сам факт присутствия в кабинете тех или иных лиц рассматривался как сигнал, следует ли ожидать в будущем резкой смены экономического курса, или же премьер сохранит по крайней мере видимость преемственности экономической политики.

Симптоматично, что при всем разбросе в оценках нового главы правительства и прогнозах его будущего курса практически все эксперты сходились во мнении о неизбежности серьезных корректив экономической политики. Само по себе это говорило о том, что смена премьер-министра не была случайной. Не было случайным и избрание именно Черномырдина. При обсуждении возможных преемников Гайдара на случай, если развитие событий привело бы к неизбежности его отставки, президенту назывались прежде всего две кандидатуры — Георгия Хижи и ЧВС (так Черномырдина начали называть практически сразу после его назначения премьер-министром). Первого активно поддерживал Верховный Совет, а точнее, лично его председатель, а Черномырдин был с самого начала кандидатурой именно президента.

Влияние Черномырдина на экономические (и кадровые) взгляды президента на протяжении 1992 года неуклонно возрастало: не в последнюю очередь благодаря тому, как на фоне общего кризиса российской экономики становился все заметнее коммерческий успех детища премьера — концерна «Газпром». Свидетельством тому стало назначение Черномырдина весной не только министром топлива и энергетики, но и заместителем председателя правительства, курирующим топливно-энергетический комплекс. Назначение это было тем более знаменательным, что впервые с момента прихода команды Гайдара на таком высоком посту оказался не просто старый «номенклатурный аппаратчик», а представитель высшей советской элиты — бывший министр союзного правительства.

Очевидно, что без личного участия Ельцина такое назначение состояться не могло.

Поэтому вопрос следовало бы ставить так: каким образом новый премьер будет формировать свое правительство? Произведет ли смену его состава сразу, в отведенные ему указом президента сроки, или предпочтет тактику постепенного «выжимания» членов прежнего кабинета? При этом уже самые первые высказывания Черномырдина не оставляли сомнения, что работать со старым составом он не будет. По его словам, основным качеством будущего правительства должен стать профессионализм, под которым он понимал знание не только экономической теории, но и практики управления. Последнее как раз менее всего было присуще «кабинету ученых» Гайдара.

Ни один премьер в России не имел такого устойчивого положения, как Черномырдин. Помимо хороших отношений с президентом и авторитета среди директорского корпуса, он пользовался поддержкой подавляющего большинства членов парламента и влиятельных центристских сил. Тот факт, что он был утвержден в своей должности съездом, делал его относительно независимым не только от президента, но даже и от самого Верховного Совета. И тем не менее мало кто ожидал, что Черномырдин сразу пойдет на такой резкий шаг, как отстранение гайдаровской команды от власти.

Помимо чисто субъективной неготовности президента в тот момент проводить существенные кадровые перестановки в правительстве, были и объективные причины, по которым премьер мог воздержаться от «массовых увольнений». Подобный шаг вызвал бы болезненную реакцию перешедших в оппозицию рыночных радикалов и изначально поддерживавших их политических движений, прежде всего «Демократической России», сыгравших решающую роль в победе Ельцина на выборах в 1990 и 1991 годах. Как результат, обострившаяся политическая борьба лишила бы государство перспективы сохранения политической стабильности, которая является условием продолжения экономических преобразований.

С другой стороны, настороженно встретивший смену российского премьера Запад однозначно связывал прозападную ориентацию России с именем Гайдара. Уход вслед за ним и его команды мог привести к тому, что основные кредиторы России заняли бы выжидательную позицию. А это было чревато замораживанием жизненно необходимых для страны продовольственных кредитов.

Персональный состав Совета министров был утвержден 21 декабря 1992 года.

Сначала прошли переговоры «в узком кругу» при участии Бориса Ельцина, Виктора Черномырдина и вицепремьера Владимира Шумейко. Основным принципом формирования кабинета была объявлена «преемственность» в проведении экономических реформ и в персональном составе нового кабинета. Затем консультации продолжились уже в расширенном составе. Помимо Виктора Черномырдина и Владимира Шумейко, в них приняли участие вице-премьеры Анатолий Чубайс, Александр Шохин и министр экономики Андрей Нечаев. После завершения этих консультаций стало известно, что кроме Шумейко и Чубайса, ранее подтвердивших свое согласие работать с Черномырдиным, в новом правительстве остается и Александр Шохин.

До 1992 года все российские правительства были переходными. Настоящий кабинет первым создал Виктор Черномырдин.

Первое правительство, которое возглавил Черномырдин, было самым большим — узнать точно, сколько России нужно министров, в 1992 году было неоткуда, а запас карман не тянул. В первый кабинет входило 65 человек — 38 членов Совета министров, 7 руководителей федеральных ведомств (ГТК, Центробанка и др.) и 20 председателей Советов министров республик в составе России. Однако после принятия новой российской Конституции в декабре 1993 года количество портфелей было сокращено более чем вдвое. В составе кабинета помимо премьера осталось всего 28 министров и вицепремьеров. Впоследствии правительственная команда вновь увеличилась. В первом правительстве Черномырдина была всего одна женщина — министр социальной защиты Элла Памфилова. Злые языки говорили, что ее появление в правительстве было обусловлено теми же причинами, что и включение Валентины Терешковой в отряд космонавтов.

У рядовых министров не было почти никаких прав. Они даже не могли вызвать к себе ни одного другого члена правительства. Такая роскошь была позволена только вице-премьерам. Их количество тоже неоднократно менялось. Меньше всего их было в правительстве образца декабря 1993 года — четверо.

В январе 1993 года Минтопэнерго возглавил Юрий Шафраник. По его инициативе с 1 февраля цена на газ была увеличена в 3,6 раза.

В феврале «Газпром» впервые «отключил» Украину от газа за неуплату. Ограничение поставок длилось всего сутки. Газовый долг Украины превышал к тому времени уже 138 млрд руб., но на угрозы Москвы Киев отвечал, что перекроет трубу, по которой

Россия поставляет газ в Западную Европу.

Уже в феврале 1993 года российские лидеры сделали ряд заявлений, которые, несмотря на преимущественно политический характер, могли служить «точкой опоры» для прогноза вектора структурной перестройки управления экономикой. О неизбежности этой перестройки впервые всерьез заговорили в кругах, близких к главе правительства. Эксперты полагали, что новое правительство, в отличие от гайдаровского, подобный шаг постарается сделать без лишнего шума, и в связи с этим реформа структур исполнительной власти будет, вероятно, проводиться постепенно и в несколько этапов. В итоге российский Совмин может стать очень похожим на союзный, что, однако, было бы лишь отражением реалий экономики, 95 % которой приходилось на государственный сектор.

Мгновенно получило огласку в правительственных кругах заявление премьера, в котором он впервые явно противопоставлял свой кабинет предыдущему. С одной стороны, слова «мы не правительство-камикадзе, а нормальное российское правительство» недвусмысленно дали понять, что Виктор Черномырдин желает завершить продолжающийся полтора года «революционный период», болезненно переживаемый аппаратом. С другой стороны, совпав по времени с установочным заявлением президента о необходимости сосредоточиться на решении прежде всего экономических задач, слова премьера означали для посвященных неизбежность еще одной структурной перестройки системы управления народным хозяйством.

Перенос фокуса внимания высшего руководства с решения политических на решение экономических проблем означало неизбежность реформы управления прежде всего потому, что гайдаровская структура не позволяла реально контролировать ситуацию в экономике. Выступая под лозунгом «восстановления управляемости» народного хозяйства, новые идеологи реформы в кабинете Черномырдина указывали на неудачный опыт структурной перестройки правительства, предпринятой осенью-зимой 1991 года. Тогда была сделана попытка, по словам Геннадия Бурбулиса, превратить министерства в «базовый уровень реформы». Помимо чисто политической задачи сломать хребет союзному Совмину, такая концепция предполагала большую оперативность в доведении реформаторских заданий до низовых структур аппарата и предприятий. Априори ее авторы полагали, что именно бюрократическая иерархия является главным виновником «пробуксовки» реформы.

Уже первый месяц реализации управленческой концепции «министр — зампред» показал необходимость усиления

координационных функций на высшем уровне Совета министров. Сосредоточенные в новой структуре — аппарате правительства — отраслевые отделы на глазах теряли связь с министерствами, которые, в свою очередь, стали наступать друг другу на пятки. Со временем начали нарастать противоречия и между вновь формирующимися ведомственными интересами. Решать задачи перспективного характера, опираясь на аппараты отраслевых министерств, оказалось невозможно. Провал практически всех (и без того немногочисленных) централизованных программ служил иллюстрацией прогрессировавшего процесса «атомизации управления». Воссозданный специально для координации макрозадач институт вицепремьеров не смог переломить эту тенденцию, поскольку зампреды со своими малочисленными секретариатами были оторваны не только от аппарата правительства, но и от аппаратов министерств, и в результате, по словам помощника одного из них, «заместители главы кабинета стали последними, кто узнает, что же на самом деле происходит». Лишенные собственных каналов информации, они стали заложниками ведомств, поскольку из-за скорости оборота документов внутри Совмина отраслевые отделы полностью утратили оперативность.

Реформа структуры управления, как ожидалось, состоялась в направлении усиления координирующих функций аппарата Совмина.

Курс, которым Черномырдин собирался вести Россию, был сформулирован практически сразу после назначения: «Я как раз за рынок. А то, что мы хотим опутать нашу державу лавками и на базе этого поднять экономику, да еще улучшить благосостояние, — думаю, что этого не получится». За первые два дня своего премьерства Черномырдин произнес больше клятв о приверженности рынку, чем Гайдар за год.

В своей первой речи в новом качестве Виктор Черномырдин заявил, что он является сторонником «глубоких реформ, но — против обнищания народа». По его словам, реформа экономики должна была проводиться совместными усилиями «президента, правительства и съезда».

Говоря о приоритетах в политике правительства в российской аудитории, премьер указывал, что главное — остановить спад производства, оказать финансовую помощь предприятиям со стороны государства, восстановить управление госсектором, защитить госсобственность от незаконной распродажи.

Выступая же перед западной аудиторией (в январе 1993 года на Всемирном экономическом форуме в Давосе; поездка туда стала первым официальным визитом главы правительства за

границу), он говорил о том, что «обратного пути нет»; что «без иностранных инвестиций не обойтись» и что «необходима финансовая стабилизация». По его словам, он «хотел бы развеять атмосферу недоверия, которая складывается на Западе вокруг нового кабинета России. Новый премьер, как он выразился, «не только за реформы, но и за их углубление и расширение» и не видит другого пути для дальнейшего развития России. Не ограничиваясь общими фразами, премьер-министр призвал западных бизнесменов активнее инвестировать в российскую промышленность, в первую очередь нефтегазовую.

Выступление Черномырдина было сразу же названо «сенсационным». Поначалу фигура Виктора Черномырдина вызывала на Западе некоторую настороженность, и наблюдатели с самой большой тщательностью присматривались к его даже второстепенным распоряжениям (как, например, запрет носить джинсы в аппарате правительства) с точки зрения их соответствия рыночным реформам. Однако как только премьер-министр России покинул трибуну в зале заседаний в курортном Давосе, его сразу окрестили «достойным преемником Гайдара».

Новая программа правительства России, которую премьер-министр озвучил в августе 1993 года на расширенном заседании кабинета, также вызвала большой интерес на Западе. По словам министра финансов Бориса Федорова, программа, которая была написана лично премьером (а не Федоровым и Чубайсом), в тот момент убедила Запад, что с курса реформ Россия не сойдет.

Одной из первых новую программу проанализировала New York Times, расценив ее как «победу ориентированного на рыночную экономику крыла правительства». Газета подчеркивала, что Черномырдин как промышленник не поддержал попытку министра экономики и первого вице-премьера Олега Лобова «в советском стиле возродить основные принципы централизованного планирования». Цели же правительственной программы американские наблюдатели оценивали как благородные. Это относилось к обузданию инфляции (до 7 % в месяц), стабилизации производства и сокращению бюджетного дефицита (до 10 % валового национального продукта) уже к середине 1994 года.

Правда, некоторые западные экономисты высказывали беспокойство по поводу реальности поставленных задач, что могло отразиться и на предоставлении Москве кредитов и другого финансового содействия. Западные эксперты также отмечали, что Черномырдин поручил своим главным оппонентам — Лобову, Федорову и Чубайсу — представить конкретные предложения по правительственной программе. Это было

расценено как стремление премьера примирить несовместимые экономические программы — подобно тому, как пытался сделать это Михаил Горбачев.

В январе 1994 года Черномырдин выступил в Давосе во второй раз. Российский премьер вновь не преминул воспользоваться давосской трибуной, чтобы заверить участников встречи — лидеров ведущих государств и крупнейших представителей мирового бизнеса — в неизменности курса российских реформ.

По мнению западных наблюдателей, выступление Черномырдина, как, впрочем, и его облик (премьер выглядел «слегка загоревшим и элегантно-спортивно одетым»), произвело на участников встречи благоприятное впечатление. Премьер убеждал собравшихся в необратимости курса реформ. Виктор Черномырдин также подчеркнул, что интеграция России в мировую экономику может быть ускорена ее полноправным участием в ведущих международных экономических и политических институтах, в том числе ЕС.

В октябре 1994 года эксперты «Ъ» оценили итоги почти двухлетней работы кабинета Черномырдина следующим образом. Темпы инфляции снизились с уровня 20–30 % до примерно 5 % в месяц. Не удалось предотвратить промышленный спад — он составил примерно 21–23 %. Массовая безработица ликвидирована — численность официально зарегистрированных безработных не превышала 2 млн человек. Стихийный характер структурной политики привел к упрощению структуры промышленного производства. Эксперты также указывали на создание динамично растущей цивилизованной банковской системы: с начала 1993 года число коммерческих банков увеличилось почти в 100 раз, а их объявленный уставный фонд — в 19 раз. Правда, инвестиционная активность была низка — за два года объем инвестиций сократился почти на 40 %. Были созданы многие элементы рынка ценных бумаг, в особенности сектора государственных ценных бумаг, что позволило правительству заявить об отказе в 1995 году от заимствований Центрального банка. С другой стороны, отмечалась нерациональность налоговой политики и одновременно — неумение добиться собираемости налогов, по показателям сопоставимой с цивилизованными странами. Эксперты также указывали на существенное повышение в валовом внутреннем продукте доли услуг (более 50 %) и стабильно положительное сальдо торгового баланса.

Задуманная в 1994 году Виктором Черномырдиным новая правительственная реформа должна была привести к повышению

роли министерств, федеральных ведомств, крупных промышленных компаний. В этом случае, по мнению Черномырдина, «вопросы будут решаться эффективнее, быстрее». В то же время премьер выступил за уменьшение числа вице-премьеров, сославшись на то, что в бытность свою министром газовой промышленности СССР он сократил число своих заместителей с 11 до 2 «без ущерба для дела».

Поскольку заявление Черномырдина прозвучало в период распределения полномочий между вице-премьерами, то было очевидно, что их селекция определялась кругом их обязанностей. Согласно проекту, наиболее широкими полномочиями должны были обладать первый вице-премьер Олег Сосковец (контроль над внутренней и внешней экономической политикой) и Юрий Яров (контроль над социальной и региональной политикой, а также над рядом бюджетных отраслей). Наиболее специализированный круг обязанностей был у вице-премьера Александра Заверюхи (аграрный сектор) и у Анатолия Чубайса (приватизация).

Очевидно, что параллельно с реформированием состава правительства новый премьер должен был шаг за шагом проводить и реформу экономического курса.

Положение явно менялось к лучшему. По словам Ельцина, несмотря на то что это происходило «незаметно для большинства граждан», президент и правительство ясно видели, «что точно направленная политика может привести к положительному перелому в экономике».

В ноябре 1994 года, пожалуй, впервые в истории постсоветской России произошло событие, которому официальные власти отвели едва ли не ключевую роль в формировании экономической политики на ближайшие три года. Совещание «Перспективы экономических реформ в России» было призвано повысить статус ежеквартально проводящихся «больших Совминов». Борис Ельцин лично вел совещание в Мраморном зале Кремля.

Глава 3
Спасение собственности
Трастовый договор и белорусский маршрут

«С середины февраля 1994 года доступ к тексту договора имели только три человека в стране, — рассказывал сотрудник Белого дома. — Два подписанта и один из их общих начальников». Для обеспечения секретности эти трое не вели обычной служебной переписки по этому вопросу. То есть Олег Сосковец не получил письменного приказа подписать договор. Однако подписал. И теперь уже невозможно установить, были его действия санкционированы сверху или нет.

В марте 1993 года Госкомимущество утвердило два распоряжения Анатолия Чубайса, которые регламентировали сроки и порядок продажи акций «Газпрома» на чековых аукционах: аукционы будут закрытыми, и право приобрести акции получат только физические лица, прописанные в регионе, где проводится аукцион. Основную работу по проведению аукциона делают сами подразделения РАО «Газпром». Такой порядок не только исключил участие в приватизации крупных независимых инвесторов, но и позволил топ-менеджерам «Газпрома» контролировать число участников аукциона. Таким образом, распределение акций не вышло из-под контроля газпромовских руководителей. Впоследствии «газовые генералы» смогли сконцентрировать основные пакеты акций в руках родственных им структур.

Анатолий Чубайс, которому всегда удавалось сделать открытой продажу акций предприятий за ваучеры, в случае с РАО «Газпром» оказался бессилен. Тень Черномырдина перекрывала все подступы к границам газовой монополии.

24 декабря 1993 года Борис Ельцин издал указ № 2296 «О доверительной собственности (трасте)». Этот указ — точнее говоря, не он сам, а факт его появления — и стал основой

небывалой доселе комбинации. Напомним, что в ходе рыночных реформ часть акций «Газпрома» была «продана» за приватизационные ваучеры. Продажа акций жестко регулировалась. Приватизация газодобывающей отрасли, как и всего российского топливно-энергетического комплекса, проходила по особым схемам, введенным специальными президентскими указами. Коротко говоря, «Газпром» должен был быть поделен между своими. Казалось бы — чего же еще желать? Но оставался неподеленным очень важный кусок — те самые 40 % акций, которые числились в федеральной собственности.

19 января 1994 года председатель правления РАО «Газпром» Рем Вяхирев направил премьер-министру Черномырдину письмо следующего содержания: «В связи с изданием Указа <…> от 24 декабря 1993 года ”Газпром” просит Вас подписать Договор об учреждении доверительной собственности (трасте) между Правительством РФ и РАО ”Газпром”. Проект Договора и проект Распоряжения Правительства прилагаются».

В тот же день (очевидно, что эта была опереточная мизансценка), то есть 19 января 1994 года, Черномырдин откликнулся на письмо г-на Вяхирева, дав одновременно троим сотрудникам своего аппарата поручение «в трехдневный срок подготовить проект Договора к подписанию» и направить Олегу Сосковцу.

И вот проект Договора был готов. Ознакомимся с основными его положениями. Кстати, к нему прилагался проект распоряжения правительства, по которому РФФИ обязывался в соответствии с договором передать РАО «Газпром» сертификаты на 35 % акций. Распоряжение должен был подписать (так значилось в проекте) первый вице-премьер Олег Сосковец, под договором же должны были стоять две подписи — Сосковца и Вяхирева.

Итак, учредителем траста — по договору — выступило («руководствуясь интересами дальнейшего развития экономических реформ») Правительство Российской Федерации, доверительным собственником — РАО «Газпром», а бенефициаром — федеральный бюджет РФ в лице Минфина. Договор заключается на три года без права расторжения по желанию сторон или бенефициара (единственное основание для расторжения — решение суда). «Предметом настоящего договора являются акции РАО ’Газпром” первой эмиссии… в количестве 82 857 295 штук, что составляет 35 % от общего количества акций… первой эмиссии». «…РАО ’Газпром” в лице Председателя Совета Директоров принимает в траст акции РАО ”Газпром”… а также все имущественные и неимущественные права, связанные с

указанными акциями».

Ну, а кульминационный пункт Договора совершенно необходимо прочесть целиком. Вот он: «8. За осуществление РАО ”Газпром” обязанностей доверительного собственника по настоящему договору ему устанавливается вознаграждение в виде безотзывного опциона, дающего право на приобретение по номинальной стоимости 30 % акций РАО ”Газпром” первой эмиссии (71 020 539 штук) из числа акций, закрепленных в федеральной собственности и переданных в траст по настоящему договору».

Далее тоже интересно, но длинновато, поэтому — снова выдержки. Выкупив опцион, «РАО ’Газпром” осуществляет его реализацию с соблюдением правил действующего законодательства об акционерных обществах (регулирующего максимальный размер акций акционерного общества, которые могут находиться на балансе общества)» и «обязуется направить всю выручку от реализации акций, приобретенных в порядке опциона по настоящему договору, на финансирование технического перевооружения…» — ну и так далее.

Совершенно очаровательны были скобки, разъясняющие, какие именно правила законодательства РАО должно соблюдать, распродавая опцион. Само наличие этих скобок слишком ясно говорило о том, что никаких других «правил законодательства» в расчет брать не следует. Итак, полная свобода. Руководство «Газпрома» может поступать так, как ему будет угодно или приятно. Может продать эти акции с торгов или аукциона, а может — ограниченному списку лиц по еще более ограниченной цене, хоть по рублю за штуку, хоть по гривеннику. И выручку направить на финансирование технического перевооружения.

В соответствии с проектом договора несколько человек за исполнение в течение трех лет своих служебных обязанностей помимо зарплаты смогли бы получить по ими же назначенным ценам (то есть даром) около 30 % газовой промышленности России.

Вот несколько чисто юридических замечаний.

Первое — и самое очевидное. По тому самому указу № 2296, «в связи» с которым Рем Вяхирев попросил правительство заключить договор о трасте, РАО «Газпром» не могло выступать доверительным собственником. В его уставном капитале доля государственной собственности была явно выше 25 % (да и сам договор — о судьбе 35 % принадлежащих государству акций). Значит, РАО не являлось покупателем по пункту 1 статьи 9 Закона о приватизации. А это значит, что по пункту 21 названного указа в доверительные собственники оно отнюдь не

годилось. (Напомним заодно и пункт 11.4 программы приватизации: «представители администрации и работники акционерного общества не могут выступать в качестве представителей государства на собрании акционеров и в совете директоров».)

Второе. Вторично был нарушен Закон о приватизации и заодно уж «Положение о продаже акций»: акции первой эмиссии приватизируемого предприятия не могли выступать в качестве оплаты пусть даже очень ценных услуг, пусть даже такой солидной организации, как РАО «Газпром». В процессе приватизации акции (кроме льготных для трудового коллектива) только продавались через систему чековых и денежных аукционов, а также на инвестиционных конкурсах.

Третье. Поражала необратимость готовящегося подписания договора. Если уж отдавали акции в опцион, то опцион этот должен был быть безотзывным. Если уж заключали сам договор, то без права расторжения — иначе как по приговору суда.

Четвертое. Кроме общих фраз о том, что доверительный собственник обязуется управлять переданными ему акциями «исключительно в интересах бенефициара» (а в бюджет-то по договору перечислялись лишь 10 % дивидендов), в договоре не было ни одной подсказки: а в чем, собственно, эти интересы заключаются? Не было фиксированных условий, заданных критериев эффективности, за нарушение которых можно было бы в судебном порядке расторгнуть договор «за неисполнение доверительным собственником обязанностей, возложенных на него настоящим договором, или злоупотребление им доверием, оказанным ему учредителем траста при заключении договора».

Да ладно, хватит про юриспруденцию. Ясно же, что совсем не в ней дело.

«С середины февраля 1994 года доступ к тексту договора имели только три человека в стране, — рассказывал сотрудник Белого дома. — Два подписанта и один из их общих начальников». Для обеспечения секретности эти трое не вели обычной служебной переписки по этому вопросу. То есть Олег Сосковец не получил письменного приказа подписать договор. Однако подписал. И теперь уже невозможно установить, были его действия санкционированы сверху или нет.

Вот как о продолжении этой истории спустя годы напишет Борис Немцов в своем блоге уже после смерти Виктора Степановича Черномырдина. «Весь 97-й год я боролся за то, чтобы вернуть 38 % акций “Газпрома” государству. Акции эти были переданы в трастовое управление Рему Вяхиреву, тогдашнему председателю правления компании. Рыночная стоимость 38 % в

нынешних ценах — около 70 миллиардов долларов. А по договору их отдавали по цене виллы на Рублевке, где-то миллионов за 10 долларов. Я считал, что это грабеж России, акции надо вернуть, Черномырдин считал иначе и долго сопротивлялся разрыву трастового договора. И вот один раз прихожу я к Виктору Степановичу, говорю ему: “Виктор Степанович, ну давайте же уже заканчивать. Вернем акции, восстановим позиции государства и будем ответственно управлять компанией“. Черномырдин, глядя на меня в упор: “Послушай, ну что ты привязался к этому трастовому договору? Объясни, как это скажется на газоснабжении страны?” Я не знал, что ответить».

Ответ был очевиден. Несмотря на внешнюю алогичность трастового договора, позиция Черномырдина ясна. ЧВС действительно полагал, что так лучше не только для «Газпрома», но и для страны. По определению, назначение Черномырдина премьер-министром способствовало резкому усилению экономического влияния и финансового могущества «Газпрома». В ноябре 1993 года Борис Ельцин подписал указ о создании специального стабилизационного фонда для «Газпрома». На развитие газоснабжения «Газпрому» разрешалось отчислять в фонд до трети от своей надбавки к государственным ценам на газ для конечных потребителей. Указ предоставил «Газпрому» беспрецедентную льготу — средства, направляемые в фонд стабилизации концерна, не включались в налоговую базу.

В марте 1994 года «Газпром» вновь прекратил поставки российского газа на Украину — ее долг «Газпрому» превысил уже 1 трлн руб. «Газпром» требовал быстрого решения проблемы долга за счет уступки российской стороне части имущественных прав на газопроводы и украинские промышленные предприятия. 10 марта 1994 года в ходе российско-украинских переговоров было решено, что «Газпром» продолжит поставки газа на Украину в полном объеме. Украинская сторона обязалась в течение месяца представить график погашения своей задолженности за российский газ. График представлен так и не был, но от газа Украину по политическим мотивам не отключили. Уже тогда инстинктивно почувствовав будущие газовые войны, Черномырдин способствовал расширению возможностей для российского газового транзита.

В марте 1994 года «Газпром» приступил к реализации крупнейшего проекта по освоению газовых месторождений на полуострове Ямал. Основной его частью являлось сооружение транзитного газопровода Ямал — Западная Европа (стоимость прокладки первых двух ниток газопровода только в пределах СНГ

оценивалась в $30 млрд). В феврале 1995 года премьер Черномырдин с польским премьером наконец подписали протокол о строительстве польского участка газопровода Ямал — Западная Европа, который должен был пройти также через территорию Белоруссии. Планировалось, что 50 % российского газа будет поставляться в Западную Европу не через Украину, а через Белоруссию. Очевидно, что именно угроза украинских неплатежей, которые могут привести к уже долговременной приостановке транзита газа через Украину, подвигла ЧВС к расширению возможностей российского газового транзита.

Глава 4
Спасение диалога
Комиссия Гор — Черномырдин

За время работы комиссии фамилии Черномырдин и Гор стали настолько неразлучными, что уже слились в одну — нечто вроде Гей-Люссака или Сквозник-Дмухановского. И было отчего: возглавляемая ими комиссия — едва ли не единственное, что придавало стабильность расшатавшимся российско-американским связям.

В 1993 году на ванкуверской встрече Билла Клинтона и Бориса Ельцина была образована Межправительственная российско-американская комиссия по экономическому и технологическому сотрудничеству, позднее получившая название комиссии Гора — Черномырдина, поскольку с самого начала ее сопредседателями стали вторые лица в государствах — вице-президент США Альберт Гор и российский премьер Виктор Черномырдин. При создании комиссии оговаривалось, что ее заседания будут проходить дважды в год, попеременно в США и России.

За время работы комиссии фамилии Черномырдин и Гор стали настолько неразлучными, что уже слились в одну — нечто вроде Гей-Люссака или Сквозник-Дмухановского. И было отчего: возглавляемая ими комиссия — едва ли не единственное, что придавало стабильность расшатавшимся российско-американским связям.

Конечно, ни российский премьер, ни американский вице-президент не пытались узурпировать первые роли в российско-американском диалоге. Эти роли всегда оставались за Борисом Ельциным и Биллом Клинтоном. Однако болезненное состояние главы российского государства вносило в этот диалог элемент непредсказуемости.

Да и взаимоотношения первых лиц постепенно портились. Клинтон был раздражен упорным нежеланием Москвы согласиться с расширением НАТО. Такое же раздражение порождало в Кремле явное пренебрежение американской стороны

российскими аргументами против расширения альянса.

Связи между дипломатическими ведомствами двух стран также порой оставляли желать лучшего. Так, в 1996 году ставший министром иностранных дел Евгений Примаков трижды встречался с Уорреном Кристофером, но ни разу не ездил специально на консультации в Вашингтон, что регулярно делал его предшественник Андрей Козырев. В США, где никогда не были в восторге от назначения Примакова на пост министра иностранных дел, это, естественно, не осталось незамеченным. Более того, в 1997 году пост госсекретаря заняла Мадлен Олбрайт, известный «ястреб», питавшая неприязнь к России — и взаимно.

Комиссия Гор — Черномырдин, пожалуй, оставалась единственным механизмом в российско-американских отношениях 90-х, позволявший вести business as usual и вынести экономические контакты за пределы зоны политических бурь. При этом ключевую роль в работе комиссии играли вопросы, связанные с развитием сотрудничества в топливно-энергетической сфере.

В 1993 году комиссия вела переговоры и готовила соглашения по таким темам, как сотрудничество России и США в космосе, в конверсии российского ВПК, в энергетике и экологии. Ядерная тема стала одной из центральных и на встрече Альберта Гора с Борисом Ельциным в декабре того же года. Именно в ходе этой встречи российский президент сделал свой первый публичный выпад в адрес Леонида Кравчука. Давая оценку позиции Киева по ядерному разоружению (Украина, напуганная поствыборными заявлениями Владимира Жириновского, в одностороннем порядке усилила охрану стратегических объектов), Ельцин заявил: «Украина обманывает США, Россию, Европу и весь мир, а мы кажемся беспомощными и неспособными справиться с этим!» Ответ Гора был более дипломатичным и менее определенным. Он сообщил, что в Вашингтоне работают над приемлемой формулой решения этой проблемы.

Одним из первых достижений комиссии был меморандум о договоренности между правительством России и США относительно мер гласности и дополнительных мероприятий в связи с двусторонним соглашением об использовании высокообогащенного урана, извлеченного из ядерного оружия. Так была заложена основа договора ВОУ-НОУ (высокообогащенный уран — низкообогащенный уран).

В августе, перед отлетом в США на первую встречу комиссии, Виктор Черномырдин сделал сенсационное заявление о подписанном им постановлении об освоении компаниями США

нефтяного шельфа на Сахалине. А уже в первом интервью на американской земле премьер-министр подтвердил намерение сотрудничать с США не только в освоении природных ресурсов, но и в сфере космоса и ядерной энергетики.

При этом России пришлось отказаться от сделки с Индией, в соответствии с которой Москва должна была поставить Дели криогенные двигатели и технологию их производства. Как известно, США сочли этот контракт идущим вразрез с режимом контроля за ракетными технология (РКРТ) и настояли на его замораживании. На этом, впрочем, претензии Вашингтона не исчерпывались. США считали, что Россия отклоняется от РКРТ в целом по двенадцати позициям. Вдобавок США потребовали безусловного выполнения Москвой обязательств по выводу войск из Литвы.

Космическое сотрудничество свелось к обсуждению двух вопросов: допуска России к коммерческим космическим запускам (их планировалось 12 — по два в год, начиная с 1995), а также участия российских космических фирм в сооружении станции Freedom (будущей МКС).

Один из дней визита Виктора Черномырдина в США был посвящен переговорам с директором-распорядителем МВФ Мишелем Камдессю и руководством Всемирного банка по вопросам финансовой поддержки российских реформ. В ходе переговоров обсуждался ход подготовки соглашения о выделении России резервного кредита в размере $3 млрд. Были затронуты и вопросы сроков предоставления второй части системного кредита ($1,5 млрд). Тема развития российского энергетического комплекса стала ключевой и на переговорах Черномырдина с представителями Всемирного банка. Отметив важность помощи банка программам модернизации энергетического комплекса России, премьер подчеркнул, что решающее значение все же будут иметь частные инвестиции.

Кроме того, Виктор Черномырдин и вице-президент США Альберт Гор подписали меморандум об использовании российского высокообогащенного урана в качестве топлива для американских АЭС. «Договор ВОУ-НОУ» стал реальностью. Это автоматически увеличило долю России на мировом рынке уранового сырья.

Вице-президент также заверил российского премьера, что администрация США намерена добиваться отмены конгрессом всех ограничений на торговлю с Россией, включая печально известную поправку Джексона — Вэника. (Англ. Jackson — Vanik amendment — поправка 1974 года конгрессменов Генри Джексона и Чарльза Вэника к Закону о торговле США, ограничивающая

торговлю со странами социалистического блока, препятствующими эмиграции своих граждан. Поправкой запрещалось предоставлять режим наибольшего благоприятствования в торговле, предоставлять государственные кредиты и кредитные гарантии странам, которые нарушают или серьезно ограничивают права своих граждан на эмиграцию. Поправкой также предусматривалось применение в отношении товаров, импортируемых в США из стран с нерыночной экономикой, дискриминационных тарифов и сборов. Формально эта норма была введена из-за ограничений на эмиграцию советских граждан, однако действовала она и в отношении других стран — КНР, Вьетнама, Албании. — Ред.)

После второй — московской — встречи в декабре 1993 года Виктор Черномырдин назвал историческим заключенное соглашение о космическом сотрудничестве: только на первом этапе оно приносило России около $400 млн (при этом США экономили $2 млрд и 2 года работы). Однако, как высказался Черномырдин, этим соглашением был вскрыт лишь один из «поверхностных слоев» двустороннего сотрудничества.

Альберт Гор вновь заявил, что Запад должен проснуться и помочь России. При этом он посетовал, что и Всемирный банк слишком медлил с предоставлением России кредитов на развитие нефтегазовой отрасли, и МВФ долго раздумывал о специфике российских реформ. Но вообще, по мнению Гора, последние данные об итогах российских выборов выглядели более оптимистично, чем первоначальные.

Был поднят и вопрос о ядерном оружии, расположенном на Украине. Альберт Гор отметил, что трехсторонний диалог России, Украины и Соединенных Штатов Америки идет продуктивно. В Киеве уже работали эксперты России и США, которым предстояло согласовать с Украиной подготовленный Россией и США проект соглашения об украинской квоте в экспорте урана и ее ядерном разоружении.

И в последующем 1994 году ядерные и космические темы по-прежнему фигурировали на заседаниях комиссии Гор — Черномырдин, однако постепенно внимание стало смещаться к новым формам сотрудничества. На смену соглашениям, в которых США фигурировали в качестве крупного потребителя российских стратегических товаров (низкообогащенный уран) и услуг (строительство космической станции), стали приходить инвестиционные проекты, в первую очередь по привлечению американских капиталовложений в российский топливноэнергетический комплекс.

В ходе визита Черномырдина в США был подписан контракт с

американским консорциумом во главе с Marathon Oil Co. о совместной разработке Сахалинского шельфа («Сахалин-2»). Был также решен и вопрос об участии американской Chevron в строительстве нефтепровода от Тенгизского месторождения в Казахстане в Новороссийский порт (Каспийский трубопроводный консорциум).

Черномырдина принимали в США как реформатора, на счету которого ряд ощутимых достижений, в частности снижение инфляции в России. Гор заявил ни больше ни меньше следующее: «Премьер Черномырдин показал себя как выдающийся российский лидер, упорно продвигающий реформы вперед».

23 июня 1994 года Виктора Черномырдина принял в Овальном кабинете Белого дома Билл Клинтон. Он еще раз поддержал идею скорейшей интеграции России в мировую экономику, а также в «Большую семерку». В конце беседы президент и премьер вышли к журналистам в Розовый сад, где среди благоухающих роз Виктор Степанович вместе с присоединившимся к беседе вице-президентом Альбертом Гором подписал соглашения о сотрудничестве в области космоса, энергетики и экологии.

О шипах к розам позаботились в конгрессе США.

В частности, резкой критике в палате представителей конгресса подвергся проект «Альфа» (так называлась тогда будущая международная космическая станция) как «черная дыра» для американских налогоплательщиков (общая стоимость работ по проекту оценивалась до $30 млрд).

Совместные встречи в рамках комиссии дали странам возможность вплотную подойти к решению проблемы об установлении режима наибольшего благоприятствования в торговле. Российский премьер при полной поддержке вице-президента США даже предпринял попытку, встретившись с руководством Национальной конференции по проблемам советских евреев, убедить его выступить за отмену знаменитой поправки Джексона — Вэника. Ставшая архаизмом поправка мешала России добиваться установления в торговле с США режима наибольшего благоприятствования. Но добиться отмены этой поправки не удалось ни тогда, ни позже.

Глава 5
Спасение бюджета
Залоговые аукционы

В 1996 году после победы Бориса Ельцина на президентских выборах ситуация настолько изменится, что никто и не вспомнит о залоговых аукционах. Ко всему прочему, шла война в Чечне, государство ощущало острый недостаток денежных ресурсов.

В 1995 году помимо «Газпрома» и приватизации у хозяйственного Виктора Степановича хватало и других дел. Назревала война в Чечне, а с ней и теракты. На повестке дня стояли кризис неплатежей, проблемы с выплатой зарплат и пенсий, налаживание отношений с международными финансовыми организациями, а потом финансовый кризис и падение цен на нефть.

Наконец, пришел черед залоговых аукционов. В 1995 году при деятельном участии Черномырдина прошли знаменитые залоговые аукционы, в результате которых владельцами госпредприятий стали молодые люди, в основном комсомольского происхождения, в дальнейшем прозванные олигархами.

Российское правительство осуществило молниеносную операцию, радикально переменившую весь экономический уклад и политическую ситуацию в стране. По итогам залоговых аукционов, проведенных в конце ноября — начале декабря 1995 года, в России в фантастически короткие сроки были созданы частные финансово-промышленные империи, по масштабам не уступающие крупнейшим западным корпорациям. Владельцам империй по весьма умеренным ценам достались не только самые перспективные предприятия страны, но и беспрецедентные возможности влияния на принятие решений в московском Белом доме.

Аукционы на право кредитования правительства России под залог находящихся в государственной собственности акций проводились по указу президента № 889 от 31 августа 1995 года «О порядке передачи в 1995 году в залог акций, находящихся в

федеральной собственности». Список предприятий, выставляемых на залоговые аукционы, был определен Госкомимуществом. Размеры пакетов, стартовые объемы кредитов, сроки проведения аукционов и их дополнительные условия определяла специальная аукционная комиссия, включавшая представителей Минфина, ГКИ, РФФИ и ряда отраслевых министерств. Победители аукционов в обмен на кредит правительству получили в залог с правом голосования на собраниях акционеров акции российских предприятий.

Группа банкиров во главе с Владимиром Потаниным предложила государству кредиты под залог акций предприятий, находящихся в его (государства) собственности. Государство согласилось, и это стало сенсацией. Сделка, которую российские коммерческие банки предложили государству, означала переход их взаимоотношений в совершенно иную плоскость. Впервые банки и государство оказались связаны столь явно и на столь высоком уровне. И это стало поводом для грандиозной публичной войны между конкурирующими банками, свидетелем которой, благодаря прессе, оказалась вся страна.

Закулисная подготовка к аукционам началась еще летом 1995 года. Банкиры звонили в ГКИ и спрашивали, кто сколько дает за акции. Так и определялись начальные цены. «Альфа-банк», «Инкомбанк» и «Российский кредит» схлестнулись с банком «Менатеп» на залоговом аукционе акций нефтяной компании «Юкос». Не менее скандальной была история с аукционом акций РАО «Норильский никель». На этот раз спорили «ОНЭКСИМбанк» и «Российский кредит». Заявки на аукцион принимал «ОНЭКСИМ». Он же в итоге и получил в залог акции «Норильского никеля». Еще раз «Российский кредит» и «ОНЭКСИМбанк» схлестнулись на аукционе акций «Сиданко» — победил опять «ОНЭКСИМ». А к аукциону акций компании «Сибнефть» не был допущен «Инкомбанк»: комиссия обнаружила несоответствия в документах.

Когда на заседании правительства от имени консорциума банков впервые прозвучало сенсационное предложение о залоговых аукционах и изумившийся Виктор Черномырдин предложил «проработать вопрос», обнаружилось, что вопрос уже прорабатывался. «А мы уже все обговорили с Олегом Николаевичем (Сосковцом. — Ред.)», — спокойно ответил премьеру президент «ОНЭКСИМбанка» Владимир Потанин. Все поняли, что речь идет о сделке.

Болезненная реакция определенных кругов бизнеса, оказавшихся за пределами консорциума, заставила в тот момент власти дистанцироваться от инициаторов залоговых аукционов.

Правда, были здесь и тактические соображения сугубо финансового характера. Во-первых, надо было понять ситуацию с исполнением бюджета и определить динамику поступлений по статье «приватизация госимущества». Во-вторых, государство рассчитывало на расширение участников консорциума. Однако осенью, после банковского кризиса и резкого падения поступлений в бюджет, стало уже некогда играть в политические игры, да и выбирать-то государству было уже почти не из кого. Приняв решение о проведении залоговых аукционов, правительство оказалось уже близко к тому, чтобы прямо признать факт своеобразной залоговой приватизации. Помешали парламентские выборы. Председателя Госкомимущества Сергея Беляева, баллотировавшегося от фракции НДР в Госдуму, быстро осадили, и из официальных кабинетов вновь зазвучали заверения, что по истечении срока залога акции будут выкуплены.

Этому, однако, мало кто верил: было очевидно, что срок залога (до 31 декабря) слишком мал для того, чтобы правительство смогло найти деньги. Было очевидно, что вопрос об обратном выкупе государством заложенных акций подниматься не будет, хотя с самого начала шел спектакль для публики: неискушенный зритель по ходу действия постоянно испытывал сомнения в неизбежности такого финала. А пьеса оказалась весьма проста. В конце 1995 года появился указ президента «О сроках реализации акций, находящихся в федеральной собственности и переданных в залог в 1995 году» о продлении до 1 сентября 1996 года срока залога госпакетов акций.

В 1996 году после победы на президентских выборах Бориса Ельцина ситуация настолько изменилась, что никто и не вспомнил о залоговых аукционах. Ко всему прочему шла война в Чечне, государство ощущало острый недостаток денежных ресурсов. К тому же Владимир Потанин — главный идеолог кредитования правительства под залог госпакетов акций — стал первым вице-премьером, и вот уже первый зампред ГКИ Альфред Кох, нимало не смущаясь, заявил 4 сентября: срок залога истек, и залогодержатели вольны делать с акциями все что угодно. Впрочем, такая откровенность — скорее исключение. Став главой президентской администрации, Анатолий Чубайс оказался гораздо более осторожным. Он называл «хорошим делом» инициативу Счетной палаты, озаботившейся возвратом залога и погашением банковского кредита. Однако, оговаривался Чубайс, в бюджете средств на это нет. Но если источник финансирования найдется, то эта инициатива будет поддержана.

Так что же стояло за молчанием вокруг заложенных

госпакетов? Может быть, осознание обеими сторонами своего поражения? Существует точка зрения, что дело обстояло именно так. «Эти ребята не ведают, что творят и в какую трясину они попадают», — говорил тогдашний министр топлива и энергетики Юрий Шафраник. Само по себе столкновение «таежного» производственного менеджмента и вестернизированного финансового ему не казалось основной проблемой. Гораздо серьезнее для экономики ему представлялись долгосрочные последствия этого столкновения и связанного с ним замедления темпов финансового оздоровления предприятий: «Они очень скоро поймут, что без государства будут не в состоянии поднять находящиеся в кризисе предприятия». Вышедшие вскоре указ президента и постановление правительства о господдержке РАО «Норильский никель» свидетельствовали о том, что он был прав. Но кто говорил, что банки предполагали управлять предприятиями без государственной поддержки? Судя по всему, таковая оговаривалась изначально.

Между тем, судя по масштабам необходимой поддержки, государство вроде бы действительно оказалось в ловушке. Передав в управление госпакеты акций, формально оно сняло с себя бремя заботы о ряде своих предприятий. И тем не менее по-прежнему вынуждено было идти на различные программы господдержки, поскольку без этого ни о какой стабилизации финансового положения речи идти не могло. К примеру, у РАО «Норильский никель», госпакет акций которого достался «ОНЭКСИМбанку», задолженность государству достигла 13 трлн руб. и стремительно продолжала возрастать за счет штрафных санкций. Каким бы крупным ни был банк, внести такую сумму он был не в состоянии. Не намного лучше обстояли дела и в компании «Сибнефть», в состав которой входил знаменитый «Варьеганнефтегаз»: для спасения его от банкротства требовалось не менее $2 млрд.

Как бы то ни было, существовала и другая точка зрения: ни банки, ни государство в результате совершенной сделки не остались внакладе. Банки с самого начала знали, на что шли. Даже если они и не смогли точно оценить масштабы проблем, связанных с работой на предприятиях, чьи акции они взяли в залог, все равно они получили ряд преимуществ.

Во-первых, еще в самом начале аукционов злые языки утверждали, что фавориты для выдачи кредита правительству использовали не свои, а как раз государственные деньги. Возможно, отчасти так и было. Банки, которые были уполномоченными Минфина по разным программам и в которых находились его средства, могли, например, выдать кредит из этих

денег компаниям, участвовавшим от их имени в аукционах. А те, в свою очередь, отдать их опять Минфину под залог акций.

Во-вторых, банки обслуживали счета тех предприятий, акции которых находились у них в залоге. Предприятия это были крупные, остатки средств — соответствующие, и, запуская их (как это и положено банку) в оборот, можно было неплохо заработать.

В-третьих, полученные в залог акции предприятий стоило рассматривать как инвестиции впрок. Заложенные предприятия были одними из лучших в России. Просто над ними следовало поработать. Именно с финансовой точки зрения: почистить бухгалтерию, оптимизировать финансовые потоки и внутренние цены, реструктурировать задолженность государству, наладить управление. Глядишь, предприятие и заработает. Это сразу повысило бы интерес к нему со стороны инвесторов.

В-четвертых, вместе с акциями банки приобрели и гораздо большее влияние и политический вес. Они олицетворяли уже не только себя самих, но и российскую промышленность. Это и была теперь российская экономика.

Одним словом, получение в залог акций было банкам выгодно. Но выгодно оно было и государству. Не надо забывать, что государство все-таки решило свои бюджетные проблемы в немалой степени за счет банковского кредита. Кроме того, банки, вынужденные следовать программам господдержки «подведомственных» предприятий, стали гораздо теснее привязаны к государству в экономическом отношении. А следовательно, оказались и в политической зависимости от правящей элиты.

Глава 6
Спасение власти
Создание НДР

25 апреля 1995 года Виктор Черномырдин сделал сенсационное заявление. «Я хочу создать сильное избирательное объединение, — сказал он, — чтобы не дать экстремистам победить на выборах и получить возможность сформировать правительство на основе большинства в Думе».

Идею о создании крупных предвыборных блоков первым озвучил вице-премьер Сергей Шахрай. И продолжал озвучивать до середины марта 1995 года — до встречи думской фракции Партии российского единства и согласия (ПРЕС) с премьер-министром Виктором Черномырдиным. В заключение той знаковой беседы премьер сказал, что удовлетворен конструктивной позицией, которую фракция демонстрирует при голосовании в Думе, и что правительство намерено оказать ПРЕС поддержку на будущих выборах. И добавил: «Но не только ей, а широкому демократическому спектру». На следующий день информационные агентства сообщили, что ПРЕС готова возглавить широкий центристский блок (согласно предложенной схеме, видимо, правоцентристский) с перспективой выхода на будущие выборы.

В середине апреля СМИ сообщили, что правоцентристский блок дал согласие возглавить сам премьер Черномырдин, а левоцентристский — спикер Госдумы Иван Рыбкин. В таком тандеме чувствовалась все же некоторая несуразность, над которой не преминули поиронизировать обозреватели, называя гипотетические еще политические силы «демократами и республиканцами a la russe».

При этом те же обозреватели отмечали, что проект Шахрая — попытка форсировать стабилизационный процесс в стране в рамках буржуазной демократии, то есть создать систему «выборов без выбора». Иными словами, власть пыталась найти выход из измучившей правителей и некоторых граждан антиномии: «проводить выборы нельзя, ибо выберут леший знает кого и будет

хаос, не проводить тоже нельзя, ибо ресурсов диктатуры нет и, следственно, тоже будет хаос».

Это противоречие оказалось порождено сложившимся к тому времени политическим стереотипом «прогнивший режим — разнообразные силы обновления и возрождения», неизбежно влекущим за собой продолжение революционного процесса. Такой процесс останавливается только тогда, когда на смену приходит совершенно иной стереотип, и гражданам предлагается выбор «прогнивший режим № 1 — прогнивший режим № 2», сужающий коридор выбора до безопасных размеров: граждане выбирают не между различными общественными системами, а между налоговой ставкой в 20 % — и в 25 %. Если стереотип устаканивается, это и называется окончательной победой буржуазной демократии. В ретроспективном плане именно так стабилизировались политические системы Запада. По этому пути предлагал пойти Шахрай. Его предложение нашло отклик у «трех сильных» — Ельцина, Черномырдина и Рыбкина.

25 апреля 1995 года, воспользовавшись случаем побеседовать с прессой после церемонии передачи Всероссийской книги памяти в Музей Великой Отечественной войны на Поклонной горе, Виктор Черномырдин сделал сенсационное заявление. «Я хочу создать сильное избирательное объединение, — сказал он, — чтобы не дать экстремистам победить на выборах и получить возможность сформировать правительство на основе большинства в Думе».

Во второй половине дня информагентства передали также мнение президента Ельцина о заявлении Черномырдина: «Я уверен, что он (премьер. — Ред.) сумеет объединить в своем движении самых серьезных людей для серьезного дела. И твердо знаю, что таких людей в России гораздо больше, чем разных безответственных экстремистов, которые в политику лезут, только чтобы себя показать».

В тот же день состоялась встреча Ельцина с только что зарегистрированной в Думе группой «Стабильность». Было известно, что это образование задумывалось как пропрезидентское. В ходе встречи Ельцин добавил к событиям дня еще одну сенсацию: широких центристских блоков будет два: один под руководством Черномырдина, другой — Рыбкина. Возможно, поэтому в дальнейшем инициативу создания партии «Наш дом — Россия» приписывали именно Ельцину.

Аналогии с историей политической системы США зазвучали в комментариях обозревателей: демократы чуть либеральнее (более социально ориентированы и озабочены рекрутированием в свои ряды среднего класса и классов «ниже среднего»); республиканцы

чуть консервативнее (призывая к сдержанности в налоговой политике, они пекутся об «отечественных производителях»). Соответственно, в роли российского Томаса Джефферсона, стоявшего у истоков Демпартии США, оказывался аграрий Иван Петрович Рыбкин, а в роли видного покровителя торговли и промышленности федералиста Александра Гамильтона, одного из прародителей республиканцев, — беспартийный Виктор Степанович Черномырдин.

Новая «политконструкторская» идея не оставила равнодушной ни одну из известных российских политических партий. И не мудрено — заявка, в которой большинство партийцев увидели попытку организовать «двухголовую партию власти» (вариант — «партию чиновничества»), грозила если не перечеркнуть, то серьезно модифицировать существующую в стране партийную (а в Думе — фракционную) структуру.

С одной стороны, сразу после заявления Черномырдина, одобренного и развитого Ельциным, страна заговорила о блоках премьера и спикера как о деле решенном (раз власть сказала, значит, так тому и быть). С другой стороны, всякая инициатива сверху традиционно чревата фрондерством снизу — и о готовности уйти в «партизаны» заявили чуть ли не все представители российской партийной элиты.

Между тем Виктор Черномырдин уже выступал с программными заявлениями. В Магнитогорске он заявил, что цель его блока — «создать правительство, опирающееся на парламентское большинство, которое будет иметь возможность не только обещать, но и выполнять». И еще: «Мы хотим создать сильное избирательное движение, чтобы обеспечить стабильность в стране и нормальную, эффективную власть. Это будет широкая коалиция. И войдут в нее люди, которые не понаслышке знакомы со сложнейшими проблемами управления экономикой, государством, финансами и предпринимательством».

Дальнейшие тезисы тоже были отнюдь не сенсационны: «Из кризиса удастся выйти уже в этом году», «Правительство держит сложившуюся ситуацию под контролем», «Мы вводим в практику новые принципы формирования госзакупок», «Промышленный кризис перестает быть всеобщим, предприятия переориентируют производство на платежеспособный спрос…»

Эффективность будущей партии должна была продемонстрировать и ее организационная дисциплина. Уже через четыре дня после обнародования двухпартийных планов состоялось первое заседание оргкомитета «правоцентристов». Стахановские темпы строительства проправительственного блока отчасти объяснялись необходимостью провести через Думу

бюджет на 1996 год до конца весенней сессии — осенью, когда избирательная кампания выходила на финишную прямую, это оказалось бы уже проблематично.

Постепенно прояснялась и «электоральная база» новой партии, то есть те силы, на которые она собиралась опираться и чьи интересы отстаивать. В начале мая Виктор Черномырдин объявил, что его блок будет опираться не только на «широкую поддержку в массах» (что декларировали все потенциальные участники предвыборных баталий), но и на «большинство глав администраций регионов» (что было доступно уже далеко не всем), а также (что вообще никому, кроме премьера, недоступно) — на поддержку всех без исключения членов правительства. Это звучало уже серьезно. Вскоре стало известно, что инициативу Черномырдина поддержали 80 % субъектов Федерации, а одним из сопредседателей — наряду с Черномырдиным — новой партии станет первый вице-премьер Олег Сосковец.

Целью движения премьер объявил ни много ни мало как победу на выборах, формирование «ответственного парламентского большинства» и отсечение оппозиции (демократическим путем, разумеется) от распределения думских мандатов. Причем оппозиция понималась в широком смысле — «все, кроме…»: от Гайдара до Жириновского и Зюганова.

Майские праздники не прервали чрезвычайно активного процесса формирования новой партии (название «Наш дом — Россия» уже фигурировало в качестве рабочего варианта). Не покладая рук работал формируемый «на марше» оргкомитет, шла массированная обработка и вербовка потенциальных союзников и сочувствующих, утрясалось распределение ролей в партии. Зазвучали фамилии Константина Титова, Минтимера Шаймиева, Муртазы Рахимова, Рема Вяхирева и других «тяжеловесов» в упряжке с мастерами культуры — Людмилой Зыкиной и Вячеславом Тихоновым, Алексеем Баталовым и Ириной Архиповой, Александром Калягиным и Борисом Бруновым.

Инициатива Виктора Черномырдина по созданию предвыборного блока «Наш дом — Россия» пришлась по душе и региональным лидерам. Некоторые из них поспешили поддержать великий почин премьера не только словом, но и делом: за несколько дней региональные отделения движения были созданы более чем в десяти субъектах Федерации.

В своем стремлении продемонстрировать премьеру всенародную поддержку региональные лидеры даже не побоялись полезть в пекло поперед батьки: кое-где учредительные конференции местных отделений блока «Наш дом — Россия»

состоялись еще до первого заседания московского оргкомитета движения. А в течение последующих десяти дней процесс пошел от Москвы (в чем-то парадоксальным образом — в самой Москве отделение НДР создано не было) до самых до окраин, и ячейки блока появились еще в десятке субъектов Федерации. Особым разнообразием состав местных отделений не отличался: погреться у премьерского предвыборного огонька в основном слетались главы органов исполнительной власти и руководители крупных предприятий и финансовых структур. Из политиков в «Дом» постучались лишь ПРЕС и «Выбор России».

На фоне такого энтузиазма мало кто обратил внимание, что изначальная идея Шахрая о создании эффективной двухпартийности начала трещать по швам с самого начала ее реализации. Суть изначального замысла была в том, чтобы создать не просто «партию начальства», а именно двухпартийный картель, где «левый центр» (Рыбкин) и «правый центр» (Черномырдин), пребывая в нераздельном и неслиянном единстве, смогли бы привлечь к себе львиную долю голосов, оттесняя непримиримых демократов и непримиримых патриотов в глухую маргиналию.

Местные же начальники восприняли замысел иначе — не в том роде, чтобы лидер Карелии Виктор Степанов изображал у себя правоконсервативную Баварию, а лидер Татарстана Минтимер Шаймиев, тяготея к социал-демократам, сотворял бы на Волге Северный Рейн — Вестфалию, а в том, что из Москвы наконец поступило ясное и внятное указание присоединяться к руководящей и направляющей силе, которая по определению может быть одной-единственной. Небольшое различие между однопартийной и двухпартийной системами исполненные энтузиазма местные вожди сочли несущественным.

Так что «левоцентристское» движение Рыбкина, не успев оформиться, уже получалось ущербным. Сам Рыбкин был главным энтузиастом проекта, однако возлагавшиеся на него надежды решительно не оправдались. Предполагалось, что ядром системной левицы должна стать наиболее многочисленная партия, из которой, кстати, происходил и сам Рыбкин, т. е. партии аграриев. Но те в очередной раз проявили норов и не выказали никакого энтузиазма в связи с проектом, предпочтя идти в Думу самостоятельно.

Наконец, двухпартийное начинание явило еще одну изначально заложенную в проекте слабину. В схемах и диаграммах, посвященных строительству «партии слона» и «партии осла», с самого начала отсутствовала так называемая московская группировка. Вопрос о том, кто же такие Лужков,

Ресин и стоящие за ними коммерческие структуры — слоны? ослы? или еще какая-нибудь иная живность? — так и остался непроясненным.

Однако начавшийся процесс останавливать никто не собирался. Да и поздно было. 12 мая в Москве состоялся учредительный съезд движения «Наш дом — Россия», которое возглавил Виктор Черномырдин. В ударном темпе делегаты отработали всю повестку дня: заслушали доклад премьера и прения по нему, приняли постановление о создании движения и его устав, избрали председателя, двух его заместителей, совет движения и ревизионную комиссию, а также обнародовали политическую декларацию. По мысли премьера собравшиеся в зале 300 делегатов и 200 гостей съезда были готовы «объединиться во имя победы здравого смысла, а не чуждых нам абстрактных схем, построенных на “измах”».

Все мероприятие (вместе с перерывом на фуршет) продлилось три с половиной часа. Вследствие хорошей организации оно было довольно скучным. Впрочем, иного ожидать было бы странно: влиятельные чиновники, промышленный директорат и финансовая элита, объединившись в пугающий своей силой триумвират, все спорные вопросы решают в тихих кабинетах и на загородных дачах. Власть отбросила маскировку и прямо заявила о готовности вступить в политическую борьбу с открытым забралом. Правда, потенциальных союзников из числа уже существовавших в России на тот момент политических партий навербовать удалось не много, ибо все уже понимали, что партии, согласные войти в новое движение, были обречены на растворение в нем без остатка.

В июне 1995 года в прессе появились высказывания Бориса Березовского о том, что он не прочь вступить в совет НДР, поскольку вполне разделяет его идеи. Тогда же появился слух о том, что Березовский стал главным финансовым распорядителем движения «Наш дом — Россия».

Глава 7
Спасение Басаева
Буденновск

«Шамиль Басаев, говорите громче!» — обращение Виктора Черномырдина к чеченскому террористу летом 1995 года прозвучало на всю страну. «Да, из-за людей. Две тысячи человек. Хотя цифра не главное. Даже если бы там был один человек и я мог помочь, я все равно вступил бы в разговор с террористом», — три года спустя в интервью повторял он.

Виктору Черномырдину довольно часто приходилось выступать в роли миротворца. Он мирил многих и разных. В 1994 году специально летал в Минск, чтобы помирить молодого тогда Александра Лукашенко со «старшими товарищами по партии». В марте 1995 года — мирил мэра Москвы Лужкова с генералами Коржаковым и Барсуковым. Вряд ли он тогда предполагал, что до одного из главных своих выступлений в качестве миротворца ему оставалось меньше трех месяцев. Буденновск в июне 1995 года и спустя несколько лет многосторонние переговоры о судьбе Югославии стали, безусловно, самыми яркими страницами биографии Черномырдина-миротворца. И самыми противоречивыми.

К началу весны 1995 года в Чечне установилось зыбкое перемирие, дававшее призрачную надежду на начало реального мирного процесса. Премьер РФ Виктор Черномырдин на встрече с мусульманскими лидерами России поддержал идею проведения мирной конференции по Чечне, правда, оставалось неясным, кто будет представлять на ней чеченскую сторону — дудаевцев среди ее участников Москва видеть не желала. Более того, правительство РФ постепенно переламывало ситуацию в самопровозглашенной Республике Ичкерия в свою пользу и было настроено решительно, тем паче что объявленное перемирие постоянно нарушалось обеими сторонами.

В начале марта Грозный окончательно перешел под контроль российских войск. В городе была сформирована лояльная

центральной власти администрация. Начались активные переговоры с населением равнинной Чечни — местных жителей убеждали изгонять боевиков из своих населенных пунктов. Вместе с тем российские подразделения занимали господствующие высоты над селениями и городами, взяв до конца марта под контроль города Аргун, Шали и Гудермес (последние два — без боя).

В начале апреля сводный отряд МВД с боем вытеснил из села Самашки так называемый Абхазский батальон под командованием Шамиля Басаева (в боях погибло много мирных жителей, что вызвало новый всплеск антироссийских настроений в Чечне), а в середине апреля начался штурм Бамута, фактически завершившийся к концу мая — населенный пункт был взят под контроль, но основной части боевиков удалось выйти из окружения.

К лету боевые действия были перенесены с равнинной Чечни в горы. Российским войскам под командованием генерала Владимира Шаманова удалось взять под контроль Ведено, Шатой и Ножай-Юрт — райцентры, служившие основными опорными базами боевиков в горной части республики, что позволило командованию заявить о завершении горной войны. Однако, как и на равнине, основной части боевиков удалось избежать уничтожения и скрыться. По сути, они перебазировались в северную часть Чечни.

Однако неунывающий Дудаев, который, по данным военных, во время тех боев был ранен и прооперирован, надеялся на лучшее. После падения Шатоя и Ножай-Юрта чеченский лидер дал интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС, разъяснив: «Борьба не закончена, она просто принимает новые формы».

Эти «новые формы войны» первыми на себе почувствовали жители Ставрополья. Около полудня 14 июня 1995 года неизвестные — тогда еще — террористы захватили город Буденновск.

В 12.30 два «КамАЗа» и один «УАЗ» с опознавательными знаками ГАИ двинулись со стороны Нефтекумского района Чечни в сторону Буденновска. На российском КПП из «УАЗа» вышли одетые в милицейскую форму люди, которые объяснили, что в кузовах грузовиков находится «груз 200» (условное обозначение гробов с убитыми военнослужащими. — Ред). Милиционеры КПП не стали досматривать кузовы, посчитав это кощунством.

В результате колонна практически беспрепятственно дошла до расположенного неподалеку Буденновска. Когда она вступила в город, из машин выскочили боевики в камуфляже (всего в налете на Буденновск принимало участие 195 человек),

вооруженные автоматами, пулеметами и гранатометами. Сначала они направились к местному рынку, где расстреливали торговцев, в основном пенсионеров. Потом попытались взять штурмом местный отдел милиции. Однако это нападение удалось отбить. В ходе отражения штурма погибли начальник криминальной милиции города и пять участковых инспекторов.

Тогда боевики разбились на группы по 5–6 человек и начали захватывать административные и жилые здания. В ходе акции они периодически стреляли в мирное население и давили его захваченным в Буденновске автотранспортом. В течение нескольких часов боевикам удалось захватить больницу, поликлинику, местное отделение Сбербанка, а также городской узел связи. Из-за этого в 15.00 была прервана телефонная связь с Буденновском. Было захвачено здание местной администрации, над которым водрузили чеченский флаг.

Захватив больницу, преступники установили на крыше крупнокалиберный пулемет. Из него они обстреливали окрестности, не позволяя гасить повсеместно возникающие пожары. Еще два пулемета вели огонь с крыш местного банка и здания городской администрации. По некоторым данным, основной целью нападавших был захват Буденновского завода полимерных материалов. Взрыв этого предприятия мог вызвать в крае экологическую катастрофу. В ходе акции террористы требовали прекращения боевых действий в Чечне, вывода войск, прямых переговоров Ельцина с Дудаевым и грозили уничтожить заложников. В конце концов террористы собрали в больнице города около 2000 человек и объявили всех, кто там находился (включая персонал, больных, в частности детей), заложниками.

Между тем неофициальный представитель президента Джохара Дудаева в Москве Хамад Курбанов заявлял корреспонденту Postfactum, что акция в Буденновске — «провокация, организованная и осуществленная Москвой с целью дестабилизации обстановки на Северном Кавказе».

На место событий вылетели директор ФСБ Сергей Степашин, министр внутренних дел России Виктор Ерин, его заместитель Михаил Егоров, которые вступили в переговоры с террористами. Между тем вопрос, кто же на самом деле организовал нападение на Буденновск, приобретал особое звучание. Подтвердилась информация о том, что командует террористами Шамиль Басаев.

Журналисты начали спрашивать, каким образом отряд Басаева, всего за несколько дней до 14 июня сражавшийся в районе Шатоя, сумел за считаные часы проехать на «КамАЗах» через всю Чечню (наводненную войсками!) с крупнокалиберными пулеметами и гранатометами, въехать в Ставропольский край,

пройдя через многочисленные кордоны «усиленно охраняемой административной границы с Чечней». Проникновение большой группы боевиков в Ставрополье сразу же вызвало у некоторых наблюдателей предположения о прямой или косвенной помощи федеральных войск. Учитывая неутихающие слухи о попустительстве военных, пропускающих в Чечню оружие из соседних регионов, такая мысль не выглядела абсурдной.

С заявлениями по поводу теракта выступили все представители руководства страны, включая президента Ельцина. Правда, он, рассудив, видимо, что не к лицу президенту великой державы отменять свои государственные визиты из-за каких-то террористов, все-таки отправился в Галифакс на встречу глав «Большой семерки». Перед вылетом он сообщил журналистам, что долго сомневался, ехать или нет, но потом все же решил, что премьер и министр внутренних дел справятся с боевиками и без его помощи. А сам он воспользуется случаем, чтобы еще раз лично разъяснить своим западным коллегам сущность дудаевского режима, а заодно и обсудить с ними вопрос о мерах по борьбе с мировым терроризмом.

Наиболее откровенно высказался председатель Совета Федерации РФ Владимир Шумейко: события в Буденновске «полностью поменяли» ситуацию на Северном Кавказе и требуют принятия всех мер, чтобы «немедленно покончить с бандитскими проявлениями». Не мог остаться в стороне и Виктор Черномырдин, прервавший отпуск, чтобы руководить действиями в отсутствие отбывшего в Галифакс президента. Во время телефонного разговора с руководителями чрезвычайного штаба в Буденновске премьер-министр заявил, что «руководство России готово сделать все для спасения людей, попавших в беду».

Три дня с 16 по 19 июня 1995 года вместили в себя две попытки штурма буденновской больницы федеральными спецчастями (в ходе одной из них удалось освободить 61 заложника), контакты главаря боевиков Шамиля Басаева с Виктором Черномырдиным по телефону, очные встречи главаря террористов с представителями российского правительства в Буденновске и, наконец, освобождение большинства заложников и отъезд террористов на предоставленных им автобусах. Миллионы телезрителей стали свидетелями беспрецедентной и отчаянной публичной дипломатии Виктора Черномырдина, который пытался не только спасти заложников. Он поставил на карту собственную политическую судьбу.

В 20.00 18 июня по приказу командующего внутренними войсками Анатолия Куликова боевые действия в Чечне были прекращены. Террористам было предложено немедленно

освободить всех детей, женщин и раненых. В ответ в ночь на 19 июня совершена попытка прорыва боевиков в Ингушетию у села Верхний Алкун. Бойцы 137-го особого Владикавказского погранотряда попытку пресекли и боевиков рассеяли. В ту же ночь группа боевиков численностью до 40 человек напала на заставу МВД России близ железнодорожной станции Терек (Чечня). После трехчасового боя боевики отступили, потеряв 12 человек убитыми.

В 1.00 19 июня после очередного телефонного разговора Виктора Черномырдина и Шамиля Басаева из Ставрополя в Буденновск в сопровождении машин ГАИ отбыли 7 автобусов и рефрижератор.

В 10.00 в Грозном в здании миссии ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. — Ред.) начались переговоры между представителями российского правительства и бывшим генеральным прокурором Чечни Усманом Имаевым, вместе с которым в Грозный прибыл начальник дудаевского департамента культуры полевой командир Ахмед Закаев. Переговоры начались с требований немедленного освобождения заложников. В 17.00 стало известно, что достичь каких-либо результатов участникам переговоров не удалось…

«В течение нескольких минут все будет кончено», — говорил Черномырдин после очередного телефонного разговора с Шамилем Басаевым. Вряд ли он сам верил в то, что говорит.

После освобождения заложников в Буденновске, подчеркивал премьер, начнется переговорный процесс между российской правительственной делегацией и представителями чеченских формирований в Грозном. Вместе с тем он старался выглядеть как можно тверже, бросая: «мы не пойдем на то, что противоречит Конституции», а также — «пощады не будет!» (это в отношении террористов). Он отрицал компромиссы с Дудаевым, декларируя, что цели Москвы остаются теми же — разоружение боевиков и определение статуса Чечни в составе России. Тогда зачем переговоры, если компромиссов не предвидится? Похоже, что в последние сутки захвата больницы вопрос о средствах приобрел наибольшее политическое звучание.

Премьер демонстративно брал инициативу на себя, начав ночью экстренные переговоры. Обещая закончить многомесячную войну. Отдавая — через голову летящего из Канады в Москву верховного главнокомандующего — приказ прекратить боевые действия. Ельцин же из Галифакса грозил бандитам, с которыми «не может быть никаких переговоров». Открыто говорил, что о штурме он заранее условился с Ериным. Ему — в России — вторил Грачев, настаивающий, по сути, на том же самом —

силовом — варианте разрешения кризиса.

Два штурма провалились. По словам российских военных, в ходе первого штурма они взяли первый этаж главного здания больницы и захватили бы весь корпус, но неожиданно получили приказ отступать. Приказ отдал Черномырдин.

По возвращении из Галифакса Ельцин не отреагировал на миротворческую инициативу своего премьера. Никак. Не было признаков ни того, что он ее санкционировал, ни того, что действия своего подчиненного он осудил. Президент молчал, а премьер действовал.

Но действовал, будто чего-то опасаясь.

В 13.55 первые группы боевиков под прикрытием живого щита из заложников стали выходить из буденновской больницы и занимать места в подогнанных «Икарусах». Одновременно началась загрузка продовольствия в автобусы и перенесение в рефрижератор тел убитых террористов. Перед началом движения Басаеву, по его требованию, переданы медикаменты и перевязочные материалы. Раненые боевики погружены в автобус со снятыми сиденьями. Их сопровождал врач.

В 16.00 автоколонна с террористами в сопровождении трех машин ГАИ двинулась из Буденновска к селу Стародубское, что в тридцати километрах. Машины ГАИ имели прямую связь с оперативным штабом правительства. С Басаевым была достигнута договоренность, что от Стародубского колонна пойдет без сопровождения. В качестве живого щита в автобусы (в том числе и за руль) сели полторы сотни добровольцев, включая представителей местной администрации, депутатов Федерального собрания, журналистов.

Между тем в телефонном разговоре с Виктором Ериным премьер призывал его вести себя во время движения автобусов с заложниками «пристойно». То есть, по сути, просил не нападать на автобусы.

Действия Черномырдина были беспрецедентно открытыми. В силу российских традиций политики склада Черномырдина вступают на путь столь отчаянной открытости лишь в минуты, когда методы более привычной им «подковерной» (или кабинетной) политики уже не срабатывают. Кого же опасался премьер? Почему просил Ерина вести себя пристойно? Не верил «силовикам»? А они ему вообще подчинялись? По Конституции — нет. Тогда, давая террористам личные гарантии — «как премьер», — он не мог быть уверен, что автобусы с заложниками и террористами не обстреляют по пути. А группе «Альфа» требуется 4–6 секунд, чтобы захватить такой автобус…

Тем не менее Виктор Черномырдин поступил так, как

поступил. Хотя ни на один из вышеприведенных вопросов внятного ответа не было. Ясно лишь одно: дискуссии о методах действий в отношении боевиков обнаружили самые серьезные политические расхождения в Москве. И это — лишь развитие разногласий по поводу чеченской политики вообще. Еще зимой Черномырдин впервые — тогда довольно неожиданно — выступил по телевидению, обратившись к россиянам с миротворческой инициативой. Его призывы потонули в грохоте артиллерийских орудий. Тема переговоров в его выступлениях звучала потом еще не раз, и все с тем же успехом, невольно наводя на мысль, что этим предложениям кто-то или что-то противостоит.

Между тем премьер, опасающийся ревности президента, никогда не хотел, чтобы его линию выделяли в некую отдельную и противопоставляли «силовой линии». Он и в Буденновске старался избежать такого противопоставления. Он не уставал напоминать, что консультации с президентом идут чуть ли не непрерывно. Он был подчеркнуто лоялен. Как будто президент — это и есть та самая «силовая линия». А быть может, тот (в своей излюбленной манере) просто оставался над схваткой? Ждал?

Но Черномырдин был в тот момент уже не только премьером правительства Ельцина, но и главой свежеиспеченного избирательного блока «Наш дом — Россия» (со дня учредительного съезда едва прошел месяц). Блока, создававшегося прежде всего для того, чтобы предоставить новой российской политической и экономической элите гарантии политической и экономической стабильности. И в этом своем качестве, как и в качестве премьера поставленного Думой под сомнение правительства, Черномырдин был кровно заинтересован в том, чтобы Басаев и заложники доехали до Чечни.

С другой же стороны, подобный исход фактически дезавуировал еще декабрьские возгласы о том, что ни с Дудаевым, ни с дудаевцами разговаривать нечего. Тогда вся чеченская война — зря. Тогда логичным продолжением вопроса об организации в Чечне «свободных выборов» становился такой: а дудаевцы-то на них будут присутствовать? И если будут, кто в Москве возьмет на себя смелость заявить, что они их проиграют?

А президент оставался над схваткой. И вроде бы сохранял шанс занять любую сторону: победит «линия Черномырдина» — так это по его, президента, санкции. Превратится вся акция в кровавое месиво — так он же говорил, что они бандиты. Последнее оправдывало введение ЧП, дающее законную базу для пребывания войск в Чечне. И оставляло руки президенту

развязанными на случай, если Дума вынесет вотум недоверия правительству.

Свой выбор делать предстояло и Черномырдину. Он его сделал.

19 июня около 19.00 первый день переговоров в Грозном завершился. Основной результат — «удалось согласовать круг вопросов, которые предстоит обсудить». Преимущественно это вопросы военного характера. Первый день переговоров был оценен сторонами как позитивный. Предстояло еще несколько.

20 июня Борис Ельцин счел нужным напомнить, что Виктор Черномырдин, приложивший немало сил для разрешения кризиса в Буденновске, действовал под его, президента, неустанным руководством. Во-первых, он с премьером «постоянно поддерживал контакт если не каждые полчаса, то каждый час». Во-вторых, президент отметил, что «не видит ошибок» со стороны премьера.

Видимо, в Кремле сочли, что ситуация дозрела до такой степени, когда уже пора, во-первых, вести речь о лаврах, а во-вторых, позаботиться о том, кому они достанутся. Судя по активизации президента (на третий день по приезде из Галифакса), он был не настроен уступить премьеру славу спасителя заложников.

Однако и «во-первых», и «во-вторых» становились возможны лишь в случае, если все кончится благополучно. А на этот счет никто никаких гарантий дать не мог до самого последнего момента. Крайне медленное продвижение колонны с террористами и заложниками до самого вечера сопровождалось всякими неожиданностями. На пути следования то и дело возникали непредвиденные препятствия.

Вечером 19 июня колонна неожиданно развернулась от Северной Осетии в Дагестан. Причины этого назвать не мог никто. Командующий группировкой федеральных сил Анатолий Куликов упорно отказывался предоставить террористам какие-либо гарантии безопасности.

Создавалось впечатление, что силовики на месте развития событий умышленно тянули время и переговоры, удлиняли маршрут следования колонны, словно выжидая чего-то. Приказа? Какого? Источники в ФСБ откровенно намекали, что, по их мнению, подобная тактика есть не что иное, как подготовка к ночному штурму колонны. Через 10 лет выяснилось, что приказ даже не на штурм — на уничтожение колонны все-таки существовал, но вертолетчики отказались его выполнять.

Все поведение силовиков отдавало нервозностью, импровизацией и неуверенностью. Создавалось впечатление, что

они ожидают какого-то ясного указания, «спущенного сверху». Но его-то как раз и не воспоследовало. Неладное почуял и глава террористов Басаев, несколько часов кряду безуспешно добивавшийся близ границы с Чечней письменных гарантий от Куликова, Ерина и Черномырдина. Неожиданно он получил их от первого вице-премьера Олега Сосковца.

В Думе эмоции, характерные для первого дня трагедии, когда нижняя палата единогласно (даже воздержавшихся не было!) проголосовала за возвращение президента из Галифакса, слегка улеглись, сменившись трезвым расчетом. Раздались голоса, что премьеру (столь активно взявшему инициативу на себя) надо дать шанс на реорганизацию правительства.

Между тем рейд террористов Шамиля Басаева закончился возвращением в Чечню. В дороге у одного из автобусов заглох двигатель, и сопровождавший колонну БТР тащил его на буксире, пока двигатель не завелся снова.

В Чечне дорога перешла в горный серпантин, и начались проблемы с автобусами — в них без конца что-то ломалось. Иногда отказывали тормоза, и пассажиры странной колонны боялись просто свалиться в пропасть.

Наконец автобусы приехали в Зантак — большое чеченское село, в котором не было видно никаких признаков войны. Его явно никогда не бомбили и не обстреливали. По улицам ходили гуси и куры, дома стояли добротные, чеченцы с виду не походили на нищих.

На площади в центре села начался стихийный митинг. Чеченцы встречали басаевцев как героев-освободителей. Выступил правозащитник Сергей Ковалев, сопровождавший колонну в качестве добровольного «живого щита». После его выступления чеченцы скандировали: «Ковалев! Ковалев!» Выступил Асламбек — один из младших командиров Басаева, который сказал: «Мы сделали это от отчаяния, мы хотели, чтобы Россия почувствовала, чем пахнет кровь, и мы малой кровью Буденновска хотели предотвратить большую кровь войны!»

Басаев в общей суматохе исчез. Он и его люди стали героями на родине.

А в Буденновске шел другой митинг. Народ требовал, чтобы средства, выделенные на восстановление Чечни, были переданы на восстановление Буденновска.

В Госдуме же назревала буря. Переводя обвинение со стороны парламентариев на язык не столь давних европейских реалий, можно установить, что в 1972 году, когда палестинская организация «Черный сентябрь» захватила в заложники израильских спортсменов на мюнхенской Олимпиаде, вина

властей ФРГ была «не меньшей, а может быть, большей», чем у боевиков из «Черного сентября». Про власти Израиля и говорить нечего. Иными словами, всемирно признанный правозащитник не увидел разницы между безусловно подлежащей наказанию халатностью и хладнокровно спланированным покушением на массовое убийство.

Вероятно, сильное впечатление на думцев произвел растиражированный СМИ рассказ Басаева про недавнюю гибель его одиннадцати родственников, приведшую его в отчаяние и толкнувшую на теракт. Правда, когда в 1991 году Басаев захватывал в Минводах пассажирский самолет «Ту-134» с заложниками, а в 1992 году в Кабарде — автобус с пассажирами, когда его Абхазский батальон заливал Сухуми кровью, когда в 1993–1994 годах под его руководством совершались разбои на чеченском участке железной дороги, его родственники пребывали в совершенном здравии и благополучии.

Если конкретный казус так плохо работает на общую концепцию, лучше бы его вообще не поминать. Допустим, что сам Басаев не слишком удачно извинял свое природное зверство злодеяниями Ельцина, Грачева, Ерина etc. Тем не менее логическая связка «жестокость войны — порожденные отчаянием ответные теракты» является безупречной.

Если необходимо полностью или частично оправдать террористов, такая связка необходима.

Если нужно понять ситуацию, объяснение несколько хромает.

Война, начавшаяся в декабре 1994 года, была жестокой, но теракт почему-то произошел лишь летом 1995-го. Израильская военщина, согласно палестинским источникам, отличалась преступным нравом изначально, но палестинский террор потряс мир лишь в конце шестидесятых, когда израильскому государству шел уже третий десяток. «Старая сука — потребительский капитализм» со всеми его отвратительными грехами давно уже немолод, как следует уже из первого эпитета, но западногерманская RAF[1] и «Красные бригады»[2] явились лишь в начале семидесятых.

Причина проста: терроризм есть ответ не на жестокость, а на победу противника. Израиль победил в Шестидневной войне арабов, устами своих официальных лидеров призывавших сбросить евреев в море, — и тут же на свет Божий явились и палестинский терроризм, и омерзительный образ израильской военщины. RAF и «Красные бригады», виновные в гибели сотен жертв, в то же время имели на своем счету одного-единственного мученика — убитого в драке с западноберлинской полицией студента-левака Руди Дучке, так сказать, левого Хорста Весселя.

Но и их можно понять: дух 1968 года, суливший, казалось бы, полное обновление прогнившего западного мира, стремительно улетучивался, «старая сука — потребительский капитализм» выстоял, и, «будучи реалистами — требуя невозможного», новым левым только и оставалось, что рвать бомбы и похищать министров.

Теракт в Буденновске пришелся на момент, когда российские войска добивали последние чеченские бандформирования, и логично предположить, что и в Чечне действовала та же универсальная закономерность. Но если бы Грачев не оказался бахвалом и российская армия в самом деле захватила бы Чечню безо всяких жестокостей и разрушений, хирургически точным ударом в темпе Шестидневной войны 1967 года в Израиле, а чеченский терроризм, объясняемый преступлениями российской военщины, явился бы на полгода раньше, — неужто обворожительный Басаев и тогда не нашел бы, что рассказать благосклонной аудитории?

Отсутствие даже теоретической модели правильного поведения показывает, что ситуация была безвыходной, но в подобных случаях дистанция между идиотом и гением стирается. Все получилось так плохо не по причине некомпетентности властей (хотя и она совершенно непохвальна), а потому, что политический террор — это дьявольское изобретение, благодаря которому государство оказывается в клещах невыносимой антиномии. Государство не имеет права отказаться от защиты попавших в беду граждан, и в то же время государство не имеет права на самоупразднение, а именно этой платы террористы требуют за спасение заложников.

Вместо того «стокгольмский синдром»[3] овладел не только заложниками, но также общественностью и СМИ.

Последние преуспели в передаче зрителям и слушателям всего того ужаса, который переживают жертвы Басаева, вынужденные идентифицировать себя со своим палачом. Но, используя все средства «телевизионной реальности» для показа одной стороны антиномии — «необходимо спасать людей», — СМИ совершенно безмолвствовали о другой ее стороне: «необходимо спасать то, без чего вообще невозможно будет спасать людей в будущем, то есть государство, волю которому не может диктовать горстка решительных негодяев».

У зрителя создавалось впечатление, что упорство властей объясняется не безвыходностью ситуации, но всего лишь тупым упрямством или хуже того — природной склонностью к пролитию крови.

Прямая трансляция из буденновской больницы оправдала в

глазах общественности лишь Виктора Черномырдина, вступившего в диалог с Шамилем Басаевым. Премьер-министр принял тогда совершенно человеческое, всем понятное решение: у него была возможность действовать, и он действовал. У телезрителей такой возможности не было, и, помня лица буденновских заложников, вряд ли кто-то из них хладнокровно рассуждал, может ли уважающий себя государственный деятель вести переговоры с бандитами. Правда, неясно, чему больше способствовала телетрансляция — успешному освобождению людей или славе Басаева.

Донося в самый разгар буденновского кризиса лишь выгодную для Басаева точку зрения и ломая волю общества, СМИ лишь через несколько дней, когда все было кончено, вспомнили о втором аспекте проблемы: один освобожденный заложник обернется в ближайшем будущем десятком новых — и виноватым во всем оказалось то же самое правительство. Когда пресса считает себя вправе объективно содействовать террористам, а затем обвинять правительство в том, что ее, прессы, объективное содействие принесло плоды и террористы победили, вряд ли стоит так сильно обижаться на действительно хамские нападки на СМИ со стороны властей — как института в целом, так и отдельных его представителей. Хамство прискорбно, но безответственность — не менее.

Десакрализация государства, то есть присвоение ему скромных функций ночного сторожа и социального защитника, породило соответственное потребительское отношение к этому государству, при котором сама мысль о том, что государственность может требовать жертв, представляется совершенно неуместной. Оно было бы хорошо, если бы никакой надобности в жертвах и вправду не было.

Еще большее негодование вызывает «налог кровью», то есть воинская повинность: чего ради отдавать свою жизнь за ночного сторожа? Терроризм же бьет по самому уязвимому: в государстве, где любая повинность уже воспринимается как досадная обуза, вдруг возникает ситуация, когда нужно либо идти на весьма высокий риск гибели ни в чем не повинных мирных людей, либо упразднять государство.

Запад спасся мучительной и стоившей немалой крови переоценкой ценностей: выяснилось, что государство не совсем «ночной сторож», а вместо афоризма прогрессивного философа Бертрана Рассела «лучше быть красным, чем мертвым» популярность приобрела фраза рейгановского госсекретаря Александра Хейга: «есть вещи поважнее, чем мир».

…Меж тем в Грозном продолжались мирные переговоры,

начатые еще 19 июня. Виктор Черномырдин оставался едва ли не единственным представителем высшего руководства России, который не только говорил о необходимости мирного урегулирования чеченского конфликта, но и постоянно подталкивал своих подчиненных к практическим шагам в этом направлении. Свою решимость довести до конца начатый диалог премьер демонстрировал, заявляя журналистам о готовности лично принять участие в мирных переговорах. На следующий день он вновь подтвердил свою готовность, в течение двух с половиной часов беседуя с членами правительственной делегации на чеченских переговорах.

В результате переговоров сначала (22 июня) был объявлен мораторий на ведение боевых действий на неопределенный срок, а потом (на втором этапе — с 27 по 30 июня) стороны достигли договоренности об обмене пленными «всех на всех», о разоружении отрядов боевиков, выводе российских войск и проведении свободных выборов.

21 августа 1995 года отряд боевиков Алауди Хамзатова захватил Аргун. Начало досрочного голосования по выборам главы Чеченской республики сторонники Дудаева отметили очередной громкой акцией: утром 14 декабря боевики под командованием Салмана Радуева по «буденновскому сценарию» осуществили захват городской больницы в Гудермесе, переросший затем в полномасштабное сражение на улицах города. А 9 января 1996 года боевики под командованием Радуева совершили рейд на дагестанский город Кизляр, снова, как и в Буденновске, захватив больницу и роддом. Война в Чечне возобновилась — и закончилась лишь подписанием как минимум неоднозначных Хасавюртовских соглашений 31 августа 1996 года.

И за всем эти событиями со всей очевидностью стояла тень премьера-миротворца Черномырдина. Сослагательного наклонения у истории нет. Несмотря на миротворчество Черномырдина, в результате теракта в Буденновске погибли 129 человек, 415 были ранены. Никто и никогда не узнает, что было бы, если Черномырдин не остановил группу захвата, которая уже сосредоточилась на первом этаже буденновской больницы, ожидая последнего приказа. Но приказ оказался совсем не тот. Отступая, «Альфа» потеряла больше бойцов, чем при захвате больницы.

«Шамиль Басаев, говорите громче!» — обращение Виктора Черномырдина к чеченскому террористу летом 1995 года прозвучало на всю страну. «Да, из-за людей. Две тысячи человек. Хотя цифра не главное. Даже если бы там был один человек и я мог помочь, я все равно вступил бы в разговор с террористом», —

три года спустя в интервью повторял он.

Для одних миротворческая деятельность Черномырдина в Буденновске символизировала акт высшего гуманизма, подвиг, на который ни тогдашнее, ни теперешнее руководство страны не готово просто в силу того, что оно — руководство. А он был, по словам журналистки Натальи Геворкян, каким-то «неправильным премьер-министром».

Для других поступок Черномырдина — недальновидный шаг слабого руководителя, почти предательство.

Тем более постыдное, что было оно совершено тогда, когда чаша весов в первой чеченской войне, казалось, окончательно склонилась на сторону России. Результатом же «неуместной мягкотелости» премьера стало то, что террористы сумели перегруппироваться, подготовиться и переломить ход событий в свою пользу — как на поле боя, так и в СМИ.

Прямым следствием Буденновска стали теракты в Кизляре и Москве. Прямым следствием Буденновска стал позорный Хасавюртовский мир.

Глава 8
Спасение рубля
Укрепление премьера

В интервью еженедельнику «Коммерсантъ» в июле 1995 года Виктор Черномырдин сказал: «В первую очередь, укрепился рубль. Работать с ним становится выгоднее, чем с долларом… Мы прекращаем только выживать, мы переходим, а кое-где уже перешли к решению созидательных задач в экономике. В экономике обозначились тенденции к оздоровлению».

Рамки полномочий президента и премьер-министра, степень их влияния на принятие решений Конституция, как известно, позволяла толковать достаточно широко: реально это диктовалось не жесткими правовыми установлениями, а складывающимся положением дел.

На протяжении первых трех лет премьерства Черномырдина наблюдалось постепенное и подчас незаметное, но неуклонное возрастание его влияния на принятие не только экономических, но и сугубо политических решений. Если первоначально создавалось впечатление, что премьер — это своего рода завхоз при большом начальнике, то к 1995 году ситуация явно изменилась. Экономика оказалась почти абсолютной вотчиной Черномырдина и его правительства. Степень же влияния премьера на принятие политических решений делалась все более и более серьезной. Объяснялось такое положение вещей, по всей видимости, просто: правительство в ряде ситуаций проявило себя заметно более дееспособной структурой, нежели президентская администрация. Поскольку всякая политика есть цепочка кризисов, а российская политика середины девяностых — тем более, то устойчивая практика, при которой в кризисные моменты последнее слово оказывалось за правительством, не могла не способствовать формированию в обществе определенного стереотипа. В конце концов, власть — это тот, кто принимает решения и берет ответственность на себя.

Перераспределение влияния обычно вызывает сумятицу и

проблемы. При любом перераспределении возникает классическая переходная ситуация — кто в лес, кто по дрова. Но усиление роли Черномырдина в разрешении кризисов, носящих сугубо политический характер, означало, что система государственной власти становится глубже, чем прежде, эшелонированной. Особенно очевидно это в ситуациях, когда кажется, что власть валяется в грязи и подобрать ее может всякий. Так было и с Буденновском, и с проблемой «валютного коридора».

Летом 1995 года появилась информация, что правительство готово изменить экономический курс и уже работает над этим. Вскоре стало известно, что правительственные усилия по коррекции экономической программы подчинены единому замыслу. Замысел этот изложен в постановлении с типичным бюрократическим названием «О социально-экономическом развитии Российской Федерации в первом полугодии 1995 года и мерах по реализации экономической реформы в 1995 году».

Основное место было отведено «традиционным» проблемам правительства. Во-первых, исполнению бюджета. Весьма символично, что доходы от приватизации в нем не упомянуты вообще — упор сделан на «совершенствование порядка сбора таможенных пошлин и акцизов». Обещано было также ослабить финансовый прессинг на предприятия. Документ давал поручение смягчить действующий порядок, согласно которому предприятия, имеющие налоговые задолженности, не вправе тратить на собственные нужды больше определенной величины доходов.

В интервью еженедельнику «Коммерсантъ» в июле 1995 года, отвечая на вопрос, удовлетворен ли он итогами первого полугодия, Виктор Черномырдин сказал: «Как говорится, на все сто, конечно, нет. Если же выводить баланс того, что и как получилось, что не доделано или сделано неверно и не вовремя, то, думаю, все-таки правительство сработало с “плюсом”. В первую очередь, укрепился рубль. “Работать” с ним становится выгоднее, чем с долларом. И это уже сдвиг — и существенный. Установленный недавно коридор для колебаний обменного курса рубля позволяет сделать более предсказуемым внутренний валютный рынок и одновременно поддержать отечественных экспортеров. Другой важный момент — снижение темпов роста цен. Конечно, они еще относительно высоки. Нужно, однако, иметь в виду, что изменилась сама природа инфляции. Июньские 6,7 % обладают куда большим потенциалом снижения, чем в прошлые годы. Нет эмиссионного финансирования бюджета. Его дефицит перестал быть источником инфляции. Нет сокращения числа оборотов денег. Больше средств населения идет не только

на потребление, но и на сбережения, цели накопления и т. п. А это значит, что у нас есть все возможности для того, чтобы приостановить рост цен. Условие здесь одно — прожить вторую половину года по утвержденному бюджету, уложиться в его жесткие параметры. Третья характерная особенность первых шести месяцев 1995 года — приостановка в целом спада в промышленности. Сейчас по объему производства за полугодие мы вплотную приблизились к уровню 1994 года. По маю и июню прошли даже с небольшим опережением. Очень важно, что производство не падает в условиях жесткой финансовой и денежно-кредитной политики.

Меняется ситуация и с реальными доходами. В мае и июне возобновился их рост. Говоря о “плюсах”, я, естественно, не забываю и о “минусах”. Их предостаточно. И все же позволю себе сформулировать главный итог полугодия: мы прекращаем только выживать, мы переходим, а кое-где уже перешли к решению созидательных задач. В экономике обозначились тенденции к оздоровлению».

Свои взгляды на экономическую реформу Черномырдин озвучивал и на трибуне созданного им движения «Наш дом — Россия». Выступая на партийном съезде в августе 1995 года, он говорил: «На повестку дня выходят следующие главные экономические задачи: стимулирование накопления национального капитала для обеспечения устойчивого экономического роста и экономической безопасности России. Расширение поля конструктивного взаимодействия государства и отечественных деловых кругов и национальных компаний. Построение смешанной социально ориентированной экономической системы на принципах, характерных для развитых рыночных отношений. <…> Государство начало поворачиваться к человеку. В нем еще много забронзовелой бестолковости и суеты. Но это уже не пушкинский Медный всадник — безжалостный и глухой к человеческим страданиям. Первые ростки этого — разрешение кризиса в Буденновске и мирное урегулирование в Чечне. <. > Разного рода “измы” мы уже проходили и не раз. Социализм мы заново отстраивать не будем, коммунизм, думаю, так призраком и останется. Капитализм, которым нас пугали десятилетиями, тоже этап, уже фактически пройденный передовыми странами. Нам пора понять, что российские проблемы должны решаться прежде всего российскими средствами».

Черномырдин-премьер не был антагонистом Черномырдина-политика, и в его партийной программе очень много мест, даже текстуально совпадающих с программой правительства. Прежде

всего это относится к разделам, касающимся социальной и аграрной политики. Лишь в пятом разделе программы — «Экономическая политика» — имелись отличия. Авторы этой части программы исходили из того, что либеральный этап реформирования экономики, который подготовил «рыночную почву для модернизации экономики страны», уже заканчивается, и поэтому необходима принципиальная смена ориентиров. Вместо «финансовой стабилизации любой ценой» предлагался новый «стержень реформ» — «стимулирование накопления национального капитала». Вместо никак не сформулированных Черномырдиным-премьером принципов сотрудничества государства с бизнесом Черномырдин-политик говорил о «расширении поля прямого совпадения национальных интересов с интересами экономически активных субъектов». Под не слишком изменившийся лозунг создания в России «смешанной социально-ориентированной экономической системы» была подведена отсутствовавшая дотоле идеологическая база. Александр Шохин, экономист номер один НДР, сформулировал ее так: движение будет исповедовать «социальный государственный либерализм».

Но это все общие лозунги. Частности же имели еще более выпуклые отличия от проводимой правительством политики. В области приватизации движение предполагало поворот «на 90 градусов» — то есть полный отказ от ее фискальной роли и возврат к денационализации как средству решения инвестиционных задач. В отличие от правительства, движение ставило интересы предприятий выше интересов бюджета и предлагало «повышение роли инвестиционных конкурсов». При этом лидеры движения считали недопустимым замедление темпов продаж по отношению к спросу. Иными словами, в условиях сжатого спроса это означало довольно значительное уменьшение абсолютных (в рублях и количестве имущества) показателей приватизации.

Что касается инфляции, то «победа над ней любой ценой» НДР была не нужна. Вместо этого движение заявляло, что вполне достаточно «создать условия для пусть и постепенного, но надежного замедления роста и стабилизации цен». Раздел, посвященный налоговой политике, выглядел несколько странно. Если все — или почти все — остальные разделы не содержали в себе явных противоречий и были достаточно последовательны, то здесь явно произошел «сбой». В первых строках авторы декларировали стремление к «резкому упрощению налоговой системы». Практически все оставшееся место — а это полторы страницы плотного текста — авторы отдали описанию льгот и

преференций, которые движение, буде оно победит на выборах, раздаст регионам, отраслям и отдельным предприятиям.

Если это было упрощение налоговой системы, то что же тогда было ее усложнением?

Отсутствие у правительства внятно сформулированной структурной политики сводило к нулю конкуренцию с официальной оппозицией. Основная идея «структурной политики от НДР» заключалась в том, что сырьевые отрасли экономики могли стать зародышами «межотраслевых блоков», способными выступить в качестве локомотивов экономики. Поэтому, делали вывод авторы, государство должно сосредоточить внимание именно на потребностях растущих отраслей экономики и на тех предприятиях, на продукцию которых растущие отрасли могли предъявить спрос. Иными словами, движение обещало всеми силами способствовать образованию цепочек вроде «добыча газа — спрос на оборудование — развитие машиностроения».

О положительных сдвигах в российской экономике писали и на Западе. «Российская экономика наконец-то проявляет признаки жизни. Минувшей весной, впервые с 1989 года, в России был зарегистрирован рост промышленного производства по отношению к тому же периоду прошлого года. Если принимать во внимание показатели еще и подпольной экономики, то годовой прирост в таком случае оценивается в 5 %. Тем временем рубль преодолел в мае пятилетний период свободного падения и начал расти относительно доллара. В первом квартале доходы правительства были на 3,3 % больше намеченного уровня — впервые в истории современной России. И инфляция, хотя уровень ее по-прежнему высок, тем не менее снизилась в июне до 6,7 % против 18 % в январе». Так оценивал состояние российской экономики американский Journal of Commerce & Commercial.

Однако эти успехи носили весьма и весьма относительной характер. По признанию экспертов Минфина, «вопреки усилиям по сокращению дефицита бюджета, инфляция в течение января — апреля текущего года снижалась крайне вяло». Реально после топтания на месте в марте — апреле (8,9 и 8,5 % соответственно) показатель инфляции снизился в мае до 7,5 % и в июне — до 6,5–6,7 %.

Более интересны другие цифры. Несмотря на декларации о необходимости принимать максимально жесткие (вплоть до банкротства) меры по борьбе с неплатежами, правительство установило временный порядок, по которому предприятия сферы материального производства и бюджетные организации, имевшие задолженность по платежам в бюджет, могли использовать до 30 % средств, поступающих на их расчетные счета, на выплату

заработной платы. Для первоочередных платежей в бюджет, следовательно, оставалось не более 70 % поступающих средств. Несмотря на то что эксперты Минфина прямо называли это решение причиной роста недоимок в федеральный бюджет, подобный шаг был наиболее ярким отражением пресловутой «социальной политики», о которой постоянно пел дружный хор парламентских «левых». Другим примером стало последнее заседание Трехсторонней комиссии (правительство — профсоюзы — предприниматели), в ходе которого правительство впервые выступило с инициативой повышения минимальной зарплаты.

Глава 9
Спасение вертикали
Провал на выборах

Летом 1995 года, оценивая перспективы НДР, Борис Ельцин заявил: «На выборах в Государственную думу движение "Наш дом — Россия" наберет порядка 8-12 % голосов избирателей. Конечно, не 30–40 % и, естественно, не большинство». Это значило, что в Кремле поставили крест на проекте «управляемой демократии», решив, видимо, вернуться к испытанной вертикали власти.

Главным пунктом повестки дня второго съезда НДР, начавшего работу 12 августа 1995 года, было принятие программы партии. Но накануне съезда эксперты информационно-аналитической службы НДР пришли к довольно неутешительному для себя выводу: НДР совершенно не заботится о своем имидже.

Итак, время работы над имиджем партии и имиджем лидера настало. Премьер предупредил, что действовать в этом вопросе надо нетрадиционно. Скажем, пойти 1 сентября в школы и рассказать детям «просто о России», ее сегодняшнем дне, ее будущем. Уместно воспользоваться присутствием в рядах объединения известных кинематографистов и видных актеров.

При этом «ахиллесовой пятой» движения в процессе формирования электорального имиджа было отсутствие четко подаваемой избирателю (и понятной для него) позиции руководства НДР по основным положениям социально-экономической политики. Это давало возможность оппонентам НДР беспрепятственно формировать его негативный имидж — в духе «антирекламы»: дескать, движение это — не что иное, как «партия власти», «партия премьера», главная его цель — «сохранение власти нынешнего правительства».

Премьер с этими «обвинениями» с готовностью соглашался — да, мы партия власти, и нечего этого стесняться. Тем самым он смог в значительной мере выбить «антирекламные» лозунги из

рук оппозиции.

Однако еще большую озабоченность аналитиков НДР вызывал тот факт, что в сознании избирателей образ движения и представление о его потенциале складывались исключительно под влиянием СМИ. Сам Черномырдин неслучайно много говорил о необходимости тонко и грамотно работать со СМИ: у тех же, у кого на это времени не найдется, по его выражению, может не найтись времени и в будущем парламенте позаседать.

Что касается имиджа самого лидера НДР, который во многом формировал мнение обо всем блоке, то информационно-аналитическая служба НДР исходила из того, что произошел «заметный перелом в формировании политического образа Виктора Черномырдина», считавшегося ранее «недостаточно решительным и излишне склонным к политическим компромиссам» (пожалуй, желаемое выдавалось за действительное).

Дескать, трагические события в Буденновске и настойчивость премьера в вопросе урегулирования чеченского конфликта за столом переговоров стали основным аргументом при сближении его позиции с президентской — твердой и не всегда компромиссной.

Однако «постбуденновский этап» завершался. До Буденновска многим партиям и движениям действительно вообще было не с чем идти на выборы, кроме лозунгов «долой войну в Чечне и тех, кто ее развязал!». Однако по мере того, как переговоры в Грозном заходили в тупик, создавалось впечатление, что жезл миротворца может премьеру уже не помочь, а помешать.

Анонсируя стратегический замысел программы движения, премьер заявил, что «российское поле уже не только засеяно, но и появились первые ростки стабилизации». При этом в программе прозвучала и такая мысль: «Сегодня основные точки роста сложились в сырьевых отраслях и отраслях первичной переработки», что, впрочем, по мнению ее составителей, никак не свидетельствовало, что «страна пошла по пути колониального развития». В этой связи вполне логичен вывод: «Следует создать благоприятный режим для тех формирований, которые уже кристаллизуются вокруг перспективных производств». При этом подразумевалось, что зародышами перспективных «межотраслевых блоков», которые выступят в качестве локомотивов экономики, станут как раз сырьевые отрасли.

«Партию Черномырдина» с самого начала успели окрестить не только «партией власти», но и «партией ТЭК». От столь однозначной увязки премьер, разумеется, открещивался, как и от увязки еще более узкой: «Наш дом — “Газпром”».

Отношения ТЭК и «Нашего дома» эволюционировали так же, как эволюционировал в свое время на посту премьера сам Черномырдин — от отраслевого лоббизма к «просвещенной» и опирающейся на более диверсифицированные отраслевые и региональные структуры экономической стратегии. В результате ТЭК стал одним из влиятельнейших (но не единственным) факторов, определявших стратегию блока. Именно ТЭК и оказался в свое время той самой «точкой роста» — не только экономики России, но и партстроительства в рамках НДР.

Однако примитивный отраслевой лоббизм как форма политической борьбы — вещь временная и преходящая. Если же говорить об НДР, то однозначная ставка только на ТЭК обернулась бы неминуемым провалом на выборах. Ибо деньги, которые сулит эта отрасль, — хорошо, но деньги как таковые в России решали (и решают) далеко не все. Да и предлагали их Черномырдину, по его собственному признанию, уже со всех сторон. ТЭК был, несомненно, лишь первой «точкой роста» партструктуры НДР, но затем она должна была обрасти — и обросла — банковскими, а также региональными структурами.

О регионах надо сказать особо. Раньше говорили: «кто правит Москвой, тот правит Россией». В 1995 году было уже так: Москва необходима, когда нужно удержать власть (во время путча), но завоевать ее на демократических выборах можно лишь в регионах. То есть «кто правит регионами — тот правит Россией». И «Наш дом» неизбежно должен был пойти по этому пути — от отраслевого лоббизма к формированию общенациональной платформы общенациональной элиты.

Программным шагом партии в этом направлении была идея наделить межрегиональные ассоциации — вроде существовавших «Большой Волги», «Сибирского соглашения» и т. д. — рядом управленческих функций. При условии наделения краев и областей России теми же полномочиями, которыми обладают республики, можно было бы, по мнению идеологов НДР, «перейти к управлению по таким крупным экономическим регионам, изымая часть функций не только экономического, но и политического характера из ведения субъектов Федерации». Именно в этом проявилось первое отличие Черномырдина — лидера партии от Черномырдина — премьер-министра: программа НДР, в целом не противореча правительственному курсу, расставила акценты по-другому.

Основные положения экономической программы НДР свелись к стимулированию накопления национального капитала (это было ключевым положением), «расширению поля конструктивного взаимодействия правительства и деловых

кругов» (это оригинальная находка авторов программы, сумевших по-новому взглянуть на проблему вмешательства государства в экономику) и построению смешанной, социально ориентированной экономики (это декларировали абсолютно все партии).

Еще НДР призывала сменить фискальный акцент приватизации на инвестиционный и подчинить этот процесс основной экономической идеологеме — темпы распродажи госимущества должны соответствовать возможностям национального капитала его покупать. При этом Черномырдин-политик в отличие от Черномырдина-премьера не считал задачу подавления роста цен приоритетной. Главное, как гласила программа НДР, «чтобы снижение инфляции было хоть и медленным, но поступательным и прогнозируемым».

Сентябрь 1995 года для НДР получился двояким. С одной стороны, в Москве (предпоследней из всех субъектов Федерации) было наконец учреждено отделение НДР. С другой — стало ясно, что двухпартийный тяни-толкай Шахрая на поверку вышел еще менее жизнеспособным, чем предполагалось, — многострадальный «левоцентристский» блок Ивана Рыбкина едва не почил в бозе, когда ЦИК аннулировал его регистрацию в связи с выходом из него объединения «Мое отечество». Со второй попытки общефедеральный список кандидатов в депутаты Госдумы от блока Ивана Рыбкина подать все-таки удалось, но иллюзий по поводу перспектив «левоцентристов» никто уже не питал.

Поугас и энтузиазм Бориса Ельцина. Перспективы НДР он оценил так: «на выборах в Государственную думу движение “Наш дом — Россия” наберет порядка 8-12 % голосов избирателей. Конечно, не 30–40 % и, естественно, не большинство». Это значило, что в Кремле поставили крест на всем проекте «управляемой демократии», решив, видимо, вернуться к испытанной вертикали власти.

Черномырдин пустил в ход тяжелую артиллерию, объявив о намерении «Нашего дома» добиваться референдума о частной собственности на землю — создание широкого класса собственников недвижимости обеспечивало партии надежнейший политический капитал. Ход был политически верным — аграрный вопрос к тому моменту даже не созрел, а перезрел.

При этом премьер, дотоле довольно терпимый к аграриям, начал высказываться о них с меньшей толерантностью и даже стал бить лидеров АПР их собственным прикладом, присвоив им титул «асфальтовых». Лидер АПР Лапшин, способный пребывать в состоянии либо крайней напористости (требования субсидий,

превышающих ВНП государства), либо крайней опасливости (большой перепуг при летней угрозе роспуска Думы), вероятно, окончательно отвратил славянофила Черномырдина от уступок аграриям.

При этом какой-то особенно активной политической агитацией НДР не выделялся. Даже за три недели до думских выборов ходившие прежде слухи о том, что вся Москва будет сплошь уклеена листовками и плакатами, призывающими голосовать за НДР, не подтверждались. Не было и клипов, посвященных премьер-министру и его команде.

Обозреватели предполагали, что имиджмейкеры НДР повели себя осмысленно, исповедуя концепцию «отложенного старта», согласно которой начавший агитацию раньше всех — проигрывает. Психологи отмечали, что в публичного политика Черномырдин начал превращаться сравнительно недавно, но учеником оказался весьма способным. Он не боялся и умел быть самим собой.

Правда, в октябре, когда Борис Ельцин во второй раз оказался в Центральной клинической больнице, Виктор Черномырдин ухитрился вляпаться в довольно деликатную ситуацию. Премьер нисколько не пытался установить свой контроль над рычагами политической власти, но его угораздило сделать редкостное по своей двусмысленности заявление: «По глазам президента я прочел, что мне надо больше работать до окончательного выздоровления президента и что его надо пока еще больше освобождать от его обязанностей». Первую часть заявления можно было понять так, что иначе как «по глазам» с Борисом Ельциным общаться уже невозможно, а вторую так, что премьер предлагает снять с президента его полномочия.

Во всяком случае, первую часть «невербального поручения» президента премьер выполнял на совесть. И не без пользы для партии. На российском телевидении чуть ли не ежедневно стали появляться специальные передачи, посвященные работе правительства, обзоры поездок главы кабинета по регионам, беседы с ним о том о сем обозревателей РТВ. Назвать все эти передачи предвыборной агитацией было, понятно, невозможно.

Накануне выборов в Думу Виктор Черномырдин дал интервью «Коммерсанту», где вкратце изложил основные направления работы в парламенте. Начинать он предполагал «с трех самых острых, самых актуальных проблем — борьбы с преступностью (в том числе экономической), снижения налогового бремени, решения вопроса о частной собственности на землю», то есть с принятия Уголовного, Налогового и Земельного кодексов.

Основные задачи он описывал скорее как премьер, а не как политик: стабилизация жизненного уровня населения, программа антиинфляционных мер — «добьемся 1,5–2 % роста цен в месяц, значит, пойдут инвестиции», стимулирование накопления национального капитала, контроль за деятельностью естественных монополий — «это и обеспечение нормальной конкуренции, и борьба с инфляцией издержек». «Функции государства в его участии в ходе экономических процессов для меня определяются необходимостью решения именно этих первоочередных вопросов. Формы же и средства подсказывает сама российская экономическая жизнь», — закончил он.

17 декабря 1995 года выборы в Думу состоялись. И закончились они (отчасти) сенсационно. Первое место с почти двукратным отрывом от ближайшего конкурента (ЛДПР) заняла КПРФ, набравшая 22,3 % голосов. НДР досталось, как и предсказывал Ельцин, чуть больше 10 %.

Бросок компартии в Думу стал прекрасной иллюстрацией того, как еще не свершившиеся события начинают оказывать влияние на поведение политиков и политических партий. Еще не успев до конца сформировать свое представительство в ведущих парламентских комитетах, опираясь на которое КПРФ смогла бы развернуть законодательное наступление на нынешний политический режим, лидеры коммунистов столкнулись с неожиданной проблемой. Компартия, еще вчера бывшая за гранью политического приличия, неожиданно для себя самой стала респектабельной политической силой, с которой хотят иметь дело и перед которой заискивают.

VI Дума уже в первый день работы реализовала весеннюю мечту 1995 года о создании двух мощных блоков, затирающих политическую мелкоту. Левый мощный блок включал в себя КПРФ и примкнувшее к ней «Яблоко». Правый мощный блок состоял из «Нашего дома — России» и примкнувшей к нему партии Жириновского. «По форме все правильно, а по существу издевательство», — как говорил В. И. Ленин. За исключением НДР вся сколько-нибудь благонамеренная часть политического спектра оказалась где-то на задворках, зато КПРФ, ЛДПР, «Яблоко» прочно и органично интегрировались в двухпартийную систему в качестве главных действующих лиц.

Желание авторов двухблоковой затеи создать владеющие контрольным пакетом цивилизованные партии левого и правого центра было вполне резонным. Оно только не учитывало того обстоятельства, что партийная система существует, чтобы выражать существенные интересы больших групп общества. Но каково общество, таковы и выразители, каковы выразители,

таково и общество.

Другое отличие замысла от реализации заключалось в том, что принципиальный водораздел между блоками прошел не там, где задумывали. Хотели западную модель «чуть больше эффективности за счет справедливости — чуть больше справедливости за счет эффективности». Получили оппозицию между «красными» и «белыми».

Возникшая в связи с этим задача консолидировать некоммунистический электорат на предстоящих уже летом выборах президента, казалось бы, сулила блестящие перспективы Черномырдину-премьеру-политику. Когда в премьерской кандидатуре некоммунистическая общественность видит крепость последней надежды, это означает готовность поддерживать ее с мужеством отчаяния. А мужество порой приносит победу.

Глава 10
Спасение кабинета
Вотум доверия

Поставив в нижней палате вопрос о доверии правительству на следующий же день после вынесения вотума недоверия, премьер ловко перехватил у Думы инициативу. Депутатам надо было определиться в течение 10 дней.

На лето 1995 года пришелся первый серьезный политический кризис вокруг правительства. Государственная дума вынесла в июне вотум недоверия правительству во главе с премьером Черномырдиным. Голосуя по вопросу о недоверии правительству по свежим следам теракта в Буденновске, парламентарии решали, кого они более готовы видеть в качестве союзника — хоть какую-то государственную власть в лице Черномырдина или направленный на уничтожение российской власти как таковой «интернационал террора» в лице Басаева, В Чечне продолжались мирные переговоры.

Егор Гайдар начал свою речь в Думе с указания на то, что «можно по-разному относиться к Басаеву», не объяснив, правда, в чем заключается источник такого разнообразия — вероятно, в том, что захват в заложники тысячи мирных обывателей, сопровождающийся массовыми убийствами, есть действие, никак не подлежащее однозначной оценке.

Плюралистическую линию продолжил Сергей Ковалев, отметивший, что «отвлекается внимание от вины российских федеральных властей в буденновской трагедии. Эта вина не меньшая, а может быть, большая, чем у непосредственных исполнителей преступления. Во-первых, федеральные власти виновны в возникновении тех условий, которые и привели к резне в Буденновске. Во-вторых, они показали полную неспособность предвидеть и предотвратить подобные террористические акты».

В итоге «интернационал террора» оказался для парламентариев меньшим злом. Итог голосования таков: «Яблоко», коммунисты, аграрии, ЛДПР, ДПР, НРП практически в полном составе высказались за отставку правительства. При этом группа НРП не согласилась с позицией своего лидера Владимира

Медведева, голосовавшего против вотума недоверия. Не участвовала в голосовании большая часть фракции ПРЕС. Против вотума голосовали «Выбор России», большинство «Стабильности», некоторые из «России».

Проигнорировав вынесенный депутатами вотум недоверия правительству, Борис Ельцин показал, что мнение Думы ему откровенно безразлично.

Виктор Черномырдин поступил иначе. Поставив в нижней палате вопрос о доверии правительству на следующий же день после вынесения вотума недоверия, премьер ловко перехватил у Думы инициативу. Депутатам надо было определиться в течение 10 дней.

Проголосовав за доверие правительству сразу после беспощадной критики его курса и вынесенного вотума недоверия, депутаты проявили бы полную беспринципность, от которой им уже никогда не отмыться. Подтвердив же свой вердикт, народные избранники сохранят лицо в относительной чистоте, но окажутся в такой глубокой луже, из которой вряд ли выберутся политически живыми. Отказ правительству в доверии повлечет за собой роспуск Думы — это совершенно однозначно дал понять президент.

Идея поставить депутатов перед таким иезуитским выбором принадлежала вице-премьеру Сергею Шахраю. В результате для парламента депутатская победа быстро и обидно сменилась перспективой близкого, сокрушительного и, главное, унизительного поражения. Такой возможный исход крайне не понравился просчитавшимся в этой игре.

Предложение рассмотреть вопрос о доверии правительству сразу же, не откладывая его на те несколько дней, что предоставляет Конституция, спикер парламента Иван Рыбкин предпочел не заметить. На голосование было поставлено предложение группы «Стабильность» — рассмотреть вопрос на внеочередном заседании 1 июля. Спикер проявил явную заинтересованность в том, чтобы это предложение было принято. До намеченной даты должны пройти заседания Совета безопасности и правительства. Эксперты ожидали кадровых перемен в кабинете и решения вопроса о персональной ответственности за затянувшиеся военные действия в Чечне и трагические события в Буденновске.

Не без умысла, видимо, было поставлено на голосование и предложение об участии председателя Госдумы и руководителей фракций в согласительной процедуре по заполнению ожидающихся в правительстве вакансий. Это предложение внес депутат Харитонов из фракции аграриев. То есть торг за

министерские портфели начался. Максимальный список якобы подавших в отставку в ходе заседания Совета безопасности включал самого секретаря Совбеза Олега Лобова, миннаца Николая Егорова, «троих сильных» — Грачева, Ерина и Степашина, ставропольского губернатора Евгения Кузнецова и почему-то и. о. генпрокурора Алексея Ильюшенко.

30 июня президент РФ «в принципе одобрил справедливость оценок», которые дали себе руководители силовых ведомств на заседании СБ. Премьер-министр одобрил эти оценки безоговорочно: «Подав в четверг просьбы об отставке, руководители силовых ведомств приняли абсолютно правильное решение».

Пресс-служба президента РФ сообщила, что Ельцин «принял отдельные решения по каждому из руководителей, заявивших о своей отставке, и глава государства не исключает, что в ближайшие дни могут быть освобождены от занимаемых должностей и назначены руководители также и некоторых других государственных органов».

В итоге президент РФ подписал указы, освобождающие от должностей вице-премьера Николая Егорова, министра внутренних дел Виктора Ерина, директора ФСБ Сергея Степашина и главу администрации Ставрополья Евгения Кузнецова. Аналогичные просьбы министра обороны Павла Грачева и секретаря СБ Олега Лобова остались без последствий.

Министр обороны Павел Грачев сообщил прессе, что «в многочисленных телеграммах на имя президента, премьер-министра и председателей палат парламента из воинских частей военнослужащие высказали пожелание в этот сложный момент не трогать армию». «Уважение к военным в обществе есть, и это чувство нужно поддерживать и развивать», — указал министр.

Сам Черномырдин сообщил, что «не готов ответить на вопрос о том, кто сменит Николая Егорова». У премьера также не было конкретных кандидатур на должности министра внутренних дел и директора ФСБ. В ответ начальник Центра общественных связей ФСБ Александр Михайлов отметил: «Сегодня трудно представить себе все последствия того, что премьер-министр России ведет прямые переговоры с террористом».

6 июля Анатолий Куликов, командующий войсками МВД, был назначен министром внутренних дел. Ряд информационных агентств сообщили также о назначении на должность директора ФСБ Михаила Барсукова, начальника Главного управления охраны президента РФ.

Правительственный кризис разрешился безболезненно для всех. Дума подтвердила доверие кабинету Черномырдина,

получив на заклание двух министров, тем самым сохранив лицо, а уволенные силовики были пристроены.

Перетекание власти — процесс отнюдь не окончательный и неодномоментный. Говорить о том, что сдача всех серьезных полномочий Черномырдину уже произведена, было еще рано. Имелась тенденция, но не результат. Последнее слово в принятии ключевых политических и экономических решений по-прежнему оставалось за президентом.

Глава 11
Спасение тандема
Мужская клятва

Премьер выступил с необычайно эмоциональным заявлением: «Я с президентом Ельциным работаю в одной команде. Я никогда не позволю, как мужчина, предать человека, воспользоваться чем-то, чтобы из-за спины выскочить и выдвинуть себя в президенты».

После Буденновска премьера и президента, как известно, многие противопоставляли друг другу. Премьер в вопросе о Чечне, дескать, чуть мягче, а президент — чуть жестче. Противопоставления эти в какой-то момент привели к тому, что президент приревновал народ к премьеру, который стал вдруг набирать очки на чеченском миротворчестве. Или же Ельцин просто осознал, сколько сам потерял очков, начав войну в декабре? Впрочем, суть большой политики от этого не изменилась: решения по Чечне не существовало.

Еще летом в окружении самого премьера пошли слухи о том, что на их шефа готовится большой «накат». При этом в ответ на вопрос об инициаторах «наката» люди Черномырдина пугались и закатывали глаза куда-то наверх, в общем, уходили от ответа. А некоторые «аналитические центры» задавались, например, такими, казалось бы, чисто праздными вопросами: можно ли одной-двумя скандальными публикациями свалить, например, премьера? И в какое время было бы уместнее ударить — летом или поближе к выборам? Было ясно, что кто-то готовится вылить порцию компромата.

Как мы видели, в сентябре Борис Ельцин неожиданно дистанцировался от порожденного им же НДР, пренебрежительно отозвавшись о его перспективах на выборах. Картину дополнила солидная порция инсинуаций по поводу замены Черномырдина на Скокова. Что, мягко говоря, просто нелогично: непонятно, зачем президенту делать из Черномырдина гонимого, да еще на фоне собственного низкого рейтинга, как и непонятно, зачем повышать статус Скокова, человека амбициозного, но практически неизвестного стране?

И вот после всей этой вереницы слухов премьер выступил с необычайно эмоциональным заявлением: «Я с президентом Ельциным работаю в одной команде.

Я никогда не позволю, как мужчина, предать человека, воспользоваться чем-то, чтобы из-за спины выскочить и выдвинуть себя в президенты».

Такие слова назад не берут — теперь Черномырдин просто не мог «при живом Ельцине» стать «номером 1». «Мужская клятва» могла появиться по двум причинам: либо премьера «дожали», либо он, будучи по своему характеру человеком, лояльно относившимся к президенту, доподлинно знал, что Борис Ельцин твердо решил остаться на второй срок президентства (о том, как именно, — чуть ниже). Так что и тут никакого противостояния тоже быть не могло.

В декабре 1995 года, ровно через три года после того как Съезд народных депутатов утвердил его председателем российского кабинета министров, Черномырдин провел пресс-конференцию, на которой подвел итоги трехлетней работы кабинета. Лейтмотивом пресс-конференции стали первые слова премьера: «Было очень много желающих повернуть назад. Кое-кто ждал от Черномырдина именно этого. Не дождались!»

Цель пресс-конференции Виктор Черномырдин обозначил как «откровенный разговор о состоянии российской экономики и перспективах ее развития». По-видимому, учитывая критику своих многочисленных оппонентов, он сразу оговорился, что «не склонен ничего приукрашивать». Кроме того, премьер не упустил случая напомнить присутствующим, что три года назад его кабинет принял от предшественников «очень сложное и, мягко говоря, далеко не бесспорное наследие». По словам Черномырдина, за эти три года «российская экономика обрела внутренний источник для движения вперед». Отметив, однако, что «многое можно было бы сделать иначе, менее болезненно», премьер привел хорошо известный аргумент в защиту проводимого курса: «Теперь уже и забывать стали, как жили четыре-пять лет назад». Мягко подготовив таким образом присутствующих к «разговору», председатель правительства приступил к изложению итогов работы кабинета.

Слегка презрительно заметив, что оппоненты «предрекали осеннюю экономическую катастрофу», Черномырдин кратко перечислил все достижения, с которыми страна входит в 1996 год: оживающее и работающее производство, самые низкие за все годы реформы темпы роста цен, укрепившийся рубль, снижающаяся цена кредита, жизнеспособная банковская система, разворачивающаяся к производству и инвестициям, новые

условия внешнеэкономической деятельности, помогающие отечественному экспортеру и ставящие заслон неоправданным льготам по импорту. Кроме того, магазины, наполненные товарами, без очередей и карточек, и, наконец, восстанавливающийся уровень реальных доходов. Также премьер не забыл отметить, что всего год назад в России не было нормального фондового рынка, залогового права, развитого рынка ГКО. Главное же, по его словам, то, что «в 1996 год мы идем с экономикой, которая уже позволяет решать острейшие и самые неотложные социальные проблемы».

Все это, по словам премьера, свидетельствовало о том, что «каркас рыночных отношений выстроен». Завершил свое выступление премьер-министр на победной ноте: «1996 год должен стать первым годом начинающегося экономического роста в России. Мы прекратили отступать. Мы начали строить. Мы пошли вперед». При этом он дал понять, что не хотел бы выглядеть сверхоптимистом, но все это — реальность: у правительства есть не только программа действий, но и средства для ее реализации.

В 1995 году Forbes, хотя и не включил в свой рейтинг самых богатых людей планеты россиян, однако счел нужным отметить троих потенциальных кандидатов в специальной статье о России. Это были мэр Москвы Юрий Лужков (по мнению журнала, стоимость недвижимости, сосредоточенной в его руках, перевешивает 9-миллиардное состояние японца Ешиаки Цуцуми), премьер-министр Виктор Черномырдин (его ставку в «Газпроме» Forbes оценил, со ссылкой на мнение бывшего министра финансов Бориса Федорова, как минимум в 1 %) и бывший шеф Роскомдрагмета Юрий Бычков.

29 января 1996 года Борис Ельцин кардинально перетряхнул свой аппарат, что вызвало панику не только на Старой площади, ибо послужило (пусть и несколько парадоксальным) несомненным признаком слабости президента — дескать, за пять лет своего руководства страной Ельцин так и не смог сформировать аппарат, на который он смог бы положиться. Так что на роль антикоммунистического «аттрактора» Ельцин больше не годился.

2 февраля 1996 года при весьма загадочных обстоятельствах в Петербурге была создана инициативная группа по выдвижению Виктора Черномырдина на пост президента. По замыслу организаторов, эта акция должна была предстать в виде инициативы граждан, к которой не имеет отношения ни одна политическая структура. На собрании общественности в Доме журналистов лидеры местных демократических организаций

наперебой твердили, что присутствуют здесь случайно и только в качестве частных лиц. Однако журналисты выяснили, что главным инициатором демократического сбора в Петербурге для выдвижения Виктора Черномырдина оказалась сопредседатель «Демроссии» Галина Старовойтова, а Егор Гайдар ее начинание одобрил.

Однако Виктор Черномырдин от инициативной группы открестился и уехал в отпуск, пообещав вернуться как раз к тому дню, когда о своем участии в президентской гонке заявит Борис Ельцин.

Премьер ушел в отпуск в знаменательное время. Страна бастовала — от шахтеров до учителей и слушателей военных академий. Завершалась подготовка ответственного совместного заявления российского правительства и ЦБ по экономической политике, от которого зависела не просто «абстрактная» судьба страны, но и конкретная судьба кредита в $9 млрд от МВФ на три ближайших года. Завершалась и подготовка президентского послания, где «правительственная» (экономическая) часть должна была быть довольно представительной. То есть никаких объективных причин и условий для отпуска премьера не просматривалось.

В кулуарах заговорили об отставке Черномырдина.

Но он снова не без элегантности ушел от эскалации напряженности. Начав самостоятельную игру, Черномырдин — именно в силу своей весомости — сразу вызвал бы соединенную атаку соперников. При появлении сильной кандидатуры тихая капитуляция власти перед коммунистами отменялась бы, а потому реакция была бы яростно отрицательной. Сходной была бы и реакция Явлинского, для которого выдвижение Черномырдина означало бы конец надежд на гегемонию «Яблока» в либеральном электорате. Но и гнев Зюганова, и истерика Явлинского оказались бы детскими игрушками на фоне реакции не столько даже Ельцина, сколько «ближнего круга», которому премьер ломал всю игру.

Тут ставился бы под серьезное сомнение весь план — переползти под номинальной ельцинской крышей в новую президентскую четырехлетку и там уже, миновав выборы, выдвинуть из своей среды фактического правителя.

Ослаблять волю к открытой борьбе могла и надежда на то, что президент в конце концов поймет серьезность ситуации и, выбирая между аппетитами «ближнего круга» и спасением себя и государства, все же предпочтет последнее. Чувство, что там, наверху, всего лишь чего-то не понимают — одно из самых устойчивых в человеческой натуре. Наконец, Черномырдин —

исправный служака («конь испытанный», как выражался Хасбулатов), который лишь тогда, в феврале 1996 года, добивая свой шестой десяток лет, впервые встал перед настоящим экзистенциальным выбором.

И он этот выбор сделал — в пользу Ельцина, презрев даже страстные заклинания руководящего состава НДР. Премьеру, к которому привыкли как к персонифицированной стабильности, помешали сделать решительный шаг те самые его качества, которые делали его приемлемым и с большой долей вероятности проходимым кандидатом в президенты, — сдержанность, солидность, рассудительность, способность консолидировать приверженцев. Но человек с такими качествами редко отличается властолюбием, а не имея Wille zur Macht (жажды власти), люди не рвутся к трону. Прежде казалось, что беда России в болезненном властолюбии ее ведущих политиков, теперь же выяснилось, что дефицит этого качества также порождает проблемы.

В апреле Виктор Черномырдин, выступая на открытии III съезда движения «Наш дом — Россия», призвал «без шапкозакидательских настроений» оценить возможности движения и активизировать все его силы для обеспечения победы Бориса Ельцина на президентских выборах. Это было, пожалуй, его единственное публичное выступление как политика — на все время подготовки и проведения выборов он целиком превратился в «просто» премьер-министра.

Как готовились и проводились президентские выборы 1996 года, известно достаточно широко. В общественный лексикон вошло и намертво закрепилось слово «полит-технолог», а также эвфемизм «коробка из-под ксерокса». Перед выборами тиражом 10 млн экземпляров выходила бесплатная еженедельная газета «Не дай Бог!», печатавшая негативные материалы в адрес лидера КПРФ Геннадия Зюганова, телевизор призывал: «голосуй, а то проиграешь», 13 олигархов писали письмо под диктовку политолога-коммуниста Кургиняна. 3 июля Борис Ельцин победил Геннадия Зюганова во втором туре, набрав 53,8 % голосов.

НДР пришлось пережить серьезный кризис. С должности председателя парламентской фракции ушел Сергей Беляев. Именно он фактически руководил партийной работой, а Виктор Черномырдин занимался делами НДР от случая к случаю. Заместителем премьера по движению стал руководитель аппарата правительства Владимир Бабичев, занявший на общественных началах партийный пост председателя исполкома. Считалось, что новая схема поможет движению встать на ноги. На деле разделение обязанностей вылилось в длительное противостояние

Владимира Бабичева и Сергея Беляева, которого в итоге и выдавили из движения.

В Думе фракция НДР вообще осталась в изоляции и была не в состоянии влиять на принимаемые решения. Пребывание на задворках думской жизни поначалу не слишком беспокоило депутатов НДР. Много надежд они связывали с президентской кампанией. Один депутат сказал тогда, что фракция чувствует себя «форпостом, глубоко выдвинутым в расположение противника». Однако фракцию НДР до избирательной кампании не допустили. Беляев попытался организовать агитационные поездки на Дальний Восток и в Чечню, но начинание не получило финансовой поддержки со стороны штаба Бориса Ельцина и заглохло.

Депутаты от НДР почувствовали себя ущемленными. Депутаты — сторонники Зюганова, Жириновского и Явлинского в полной мере участвовали в избирательных кампаниях своих лидеров и получали соответствующую материальную поддержку.

Обида усугубилась по окончании выборов. Членов фракции НДР практически не затронул вихрь кадровых перемещений, начавшийся после победы Бориса Ельцина. В ходе прошлогодней реорганизации кабинета министров ни одному члену фракции не предложили никакой должности. В то же время велись переговоры с представителями «Яблока», в правительство был приглашен один из лидеров КПРФ Аман Тулеев.

Не затронула фракцию и следующая перетряска правительства. Переформированная администрация президента тоже обошлась без услуг думского НДР. Фракция из форпоста постепенно превратилась в выселки, вернуться с которых было почти невозможно.

Низкий статус фракции стал симптомом общей болезни движения. «Наш дом — Россия» создавался в качестве партии власти и не мог быть ничем иным. Поэтому первоначально движение формировалось на основе правительства, и, естественно, в регионах костяком местных организаций были губернаторские структуры. НДР не имел никакого внутреннего идеологического стержня, кроме оппортунизма, и органически не мог работать в оппозиции. Зависимость НДР от того, насколько его воспринимали как партию власти, проявилась еще в ходе парламентских выборов. После того как в сентябре 1995 года распространились слухи об отставке Виктора Черномырдина, движение потеряло 40 % своих кандидатов в одномандатных округах, многие из которых прошли в Думу как независимые депутаты.

Идеологические установки тех, кто шел в НДР, сводились к

тому, что работа в движении — либо наикратчайший путь к хорошей государственной должности, либо новые перспективы в бизнесе. Личные политические убеждения, похоже, не имели большого значения.

Однако самой большой проблемой для членов НДР стало видимое равнодушие к ним их лидера Виктора Черномырдина. В исполкоме с обидой вспоминали, что премьер не поздравил своих сторонников с победой Бориса Ельцина. Он проявил интерес к ним только тогда, когда готовилось смещение Беляева.

Равнодушие, возможно, было вызвано очевидностью того факта, что НДР никогда не уйдет в оппозицию, как это сделал «Демократический выбор России» Егора Гайдара. Логика проста: зачем удерживать тех, кто и так никуда не денется? Правда, почему-то никто не задумывается, что наиболее способные могут запросто перейти, например, к идеологически совсем не чуждому им Юрию Лужкову.

При всем при этом НДР оставался единственным объединением партийного типа, на которое Кремль и Белый дом могли рассчитывать на парламентских выборах. Отказываясь от НДР, власть лишала себя свободы маневра в диалоге с оппозицией. Провал предвыборного штаба Олега Сосковца доказал, что одних административных рычагов для победы недостаточно.

Было похоже, что партия жила только потому, что еще хранила зыбкую надежду: Виктор Черномырдин будет баллотироваться в президенты в 2000 году.

Символическое начало предвыборной президентской кампании многие усмотрели уже в сентябре 1996 года, когда три наиболее вероятных на тот момент кандидата в преемники Бориса Ельцина на фоне очередной болезни президента практически одновременно в разных точках страны совершили громкие — и однотипные — публичные действия.

Александр Лебедь в Хасавюрте, подписав соглашение с Асланом Масхадовым, надел папаху и накинул бурку. Виктор Черномырдин в родном Оренбурге переоделся в рабочую куртку и сел за штурвал комбайна. И, наконец, в Москве, празднуя День города, Юрий Лужков натянул бейсбольную кепочку.

Виктор Черномырдин выбрал для себя образ «парня из нашего села». Политика от земли. Крепкого хозяйственника-работяги. В высокой политике рядовой избиратель разбирается мало, не в пример хлебопашескому делу. А штурвал он и есть штурвал — что комбайна, что государства. Раз один держит уверенно, значит, и второй удержит. А всякие кризисы, инфляции и невыплаты зарплат — это уже, видимо, нечто вроде засухи или

недорода: от рулевого зависят мало.

Тем не менее премьер в сфере публичной политики уступал и Лебедю, и Лужкову. В отличие от них, он, являясь вторым лицом в государстве, не имел возможности критиковать существующее положение дел.

Особенно уязвимы были позиции премьера в экономической сфере: он возглавлял правительство на протяжении почти четырех лет — списать грехи на предшественников уже невозможно.

И все же Черномырдин попытался сыграть и на этом поле, инициировав обсуждение на заседании правительства крайне непопулярного президентского указа о налогах. В итоге указ был отменен. Но в выигрыше оказался не Черномырдин, а Чубайс, которому была в итоге подчинена налоговая служба.

У Черномырдина мог бы появиться шанс перехватить инициативу в случае, если бы ему были переданы президентские полномочия. Полученное им право временного контроля над силовыми министрами такой возможности явно не представляло.

С другой стороны, до тех пор, пока полномочия сохранялись за болеющим Борисом Ельциным, у Черномырдина руки были связаны. А в качестве влиятельного и достаточно самостоятельного политика оставался могущественный глава администрации президента Анатолий Чубайс, и так уже достаточно «отщипнувший» от премьерского пирога. Фактический контроль над президентскими полномочиями со стороны Чубайса делал его обладателем своеобразного политического контрольного пакета. Глава администрации не имел шансов в открытой публичной борьбе с претендентами, но зато, вступив в альянс с кем-либо из них, он мог обеспечить ему абсолютный перевес.

Но «кампания преемников» осени 1996 года оказалась скорее фарсом, чем реальным эпизодом политической борьбы.

Глава 12
Спасение Вяхирева
Создание ВЧК

— Скажи, скажи, кто платит? «Газпром» платит? — вклинился Черномырдин.

— «Газпром» платит! Он неукоснительно выполняет текущие платежи по налогам и акцизам, — отчеканил первый замминистра финансов Владимир Петров. — Причем именно в те дни, когда это особенно нужно… А нефтяники платежи задерживают.

— Во-от, — воодушевился глава правительства. — Про него говорят чуть что: «Газпром», «Газпром»… А он все-таки платит!

После создания в сентябре 1996 года Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) по соблюдению бюджетной и налоговой дисциплины большинство экспертов сошлись во мнениях, что для «Газпрома» настали, вероятно, самые тяжелые времена за всю его пока еще недолгую историю. Бюджетный кризис не оставлял надежды на то, что крупнейшему в России неплательщику налогов (Минфин оценил его задолженность бюджету в 15 трлн руб.) удастся избежать столкновения с карающей рукой федеральных властей.

Однако кому-кому, а руководству «Газпрома» было не занимать ни аппаратной хитрости, ни политической интуиции.

И все же в октябре 1996 года между правительством и «Газпромом» разразился ожидаемый налоговый скандал. За неуплату налогов арестовывали счета некоторых дочерних структур компании, у «Уренгойгазпрома» было арестовано имущество на сумму 76,3 млрд руб. По словам Рема Вяхирева, правительство угрожало продать часть основных фондов и товарно-материальных запасов «Газпрома» на аукционах в том случае, если компания не заплатит налоги. Происходило это как раз в тот момент, когда «Газпром» готовился сделать публичное предложение западным инвесторам о покупке пакета своих акций.

В ответ председатель правления «Газпрома» Р. Вяхирев выступил с открытым письмом к предпринимателям России. В нем он призвал их объединить усилия для поиска выхода из финансового тупика и снятия напряженности в обществе. И между делом отметил, что «Газпром», оказывается, являет собой пример добросовестного налогоплательщика. «Централизовав экспорт природного газа, мы стабильно пополняем федеральный бюджет за счет налогов от валютной выручки. За 10 месяцев 1996 года “Газпром” внес из этих средств 15 трлн руб., что составляет 117 % от положенной суммы», — подчеркивалось в письме. Однако Вяхирев тут же признал, что дочерние предприятия «Газпрома» платят лишь около 50 % налогов. В абсолютных цифрах это означало, что из положенных примерно 6 трлн руб. в месяц налоговых платежей «Газпром» вносит около 3 трлн.

Заявив, что налоговая задолженность концерна вызвана «низкой платежной дисциплиной российских потребителей газа», Вяхирев героически пообещал сделать все, чтобы до конца года она была погашена.

Тактика руководства РАО во взаимоотношениях с терпящими бюджетный крах властями стала очевидной. «Газпром» дал понять, что он готов из последних сил спасать бюджет. Но для этого власти должны изменить существующую систему взаимоотношений поставщиков и потребителей газа. Каких именно изменений ждет «Газпром», выяснилось очень скоро.

В ноябре по предложению депутата от НДР Олега Гонжарова Госдума рассмотрела проект «Обращения Государственной думы к председателю правительства Российской Федерации В. С. Черномырдину о критическом положении в газовом комплексе России и мерах по упорядочению налоговой и платежной дисциплины в Российском акционерном обществе “Газпром”».

Чтобы вывести «газовый комплекс» из «критического положения», в нем, коротко говоря, предлагалось сделать три вещи — поднять цены на газ для населения, разрешить отключать газ предприятиям-неплательщикам и брать с «Газпрома» налоги по мере оплаты газа потребителями.

К тому времени система российского газоснабжения со времен СССР практически не изменилась. Так, в целях заботы о простых людях газ в квартиры поставлялся по смехотворно низким ценам. Правда, тем, кто отказывается платить даже небольшую сумму, газ все-таки отключали. После чего граждане подсоединялись к газовой сети нелегально — об этом свидетельствовали участившиеся в последнее время в разных районах России взрывы домов.

О предприятиях заботились по-иному. Тарифы на газ для них

были значительно — в 6-10 раз — выше, чем коммунальные (кто-то ведь должен расплачиваться за бесплатный газ для населения). Зато в случае неуплаты газ им не отключают. Так что и для предприятий он оставался фактически бесплатным.

Именно поэтому, кстати, ВЧК начала свою шоковую терапию налогоплательщиков не с РАО «Газпром», а с гораздо более мелких должников бюджета. Неплатежи «Газпрому» за поставленный газ достигли осенью 50 трлн руб. Причем, что было особенно важно для ВЧК, значительная часть долгов приходилась и приходится на бюджетные организации. С учетом неплатежей «Газпром» выглядит едва ли не примерным налогоплательщиком.

И вот какой любопытный диалог состоялся в ноябре между премьером и первым замминистра финансов Владимиром Петровым на закрытом заседании правительства, посвященном исполнению бюджета:

«— Среди факторов, повлиявших на увеличение налоговых поступлений во второй половине октября, в первую очередь акцизы на нефть и газ… — Петров, бывший главным докладчиком, в этом месте сделал вдруг секундную паузу.

— Скажи, скажи, кто платит? “Газпром” платит? — вклинился Черномырдин.

— «Газпром» платит! Он неукоснительно выполняет текущие платежи по налогам и акцизам, — отчеканил Петров. — Причем именно в те дни, когда это особенно нужно… А нефтяники платежи задерживают…

— Во-от, — воодушевился глава правительства. — Про него говорят чуть что: “Газпром”, “Газпром”… А он все-таки платит!»

Раз платит, надо помочь. Следом подписанный президентом указ «О повышении надежности обеспечения газом потребителей Российской Федерации» полностью удовлетворил все основные требования РАО «Газпром», позволив совершить необходимые действия по консолидации финансовых потоков внутри газового монополиста.

А в декабре 1996 года «Газпром» создал торговое дочернее предприятие «Межрегионгаз», которое стало газпромовской бухгалтерией, занимающейся расчетами с российскими потребителями газа. «Межрегионгаз» централизовал все денежные потоки — покупал газ у транспортных компаний и продавал его потребителям, получая с последних «живые» деньги.

Глава 13
Спасение Ельцина
Операция на сердце

Президентом Черномырдин так и не стал. Но исполнять обязанности президента ему все-таки довелось в бытность премьером. С 7.00 5 ноября до 6.00 6 ноября 1996 года. Дело в том, что согласно указу № 1378 «О временном исполнении обязанностей президента Российской Федерации» от 19 сентября 1996 года Черномырдин должен был временно исполнять эти самые обязанности, пока Ельцину делали операцию на сердце.

5 ноября 1996 года в России вроде бы ничего не изменилось. Только в кортеже у Виктора Черномырдина появилась еще одна машина — с офицерами военно-морского флота, отвечающими за «ядерный чемоданчик».

Кроме этого, ничего «президентского» или хотя бы «врио-президентского» в облике премьера не возникло. Вообще он избегал любой драматизации обстановки: «Все идет нормально, никаких проблем нет». Хотя поводов для волнений было достаточно: кроме операции, на единственный день черномырдинского президентства пришлись и профсоюзная акция протеста, и многое другое. Впрочем, все это проблемы чисто премьерские — Черномырдин вполне мог с ними столкнуться, будучи и оставленным «на хозяйстве» просто уехавшим в отпуск президентом.

Можно даже сказать, что, несмотря на «чемоданчик», Черномырдин прожил этот день больше премьером, чем врио президента. Он даже не стал выступать со специальным заявлением, которое информагентства обещали с утра с завидным постоянством (видимо, предполагалось нечто вроде: «Сознаю всю полноту возложенной на меня ответственности…»).

Сдержанность Черномырдина, скорее всего, объяснялась не только его скромностью. Решение «не выпячивать» президентский указ о передаче полномочий, несомненно, было принято властью заранее и абсолютно сознательно — чтобы, как говорится, «не

будоражить» и проч. Информационное обеспечение операции тоже продумали загодя. Сотня журналистов на четырех автобусах в сопровождении милицейских машин прибыла в оцепленный милицией и ФСО кардиоцентр к 15.00. К этому моменту уже было известно, что операция закончилась час назад, а еще часом раньше в кардиоцентр приехали Черномырдин и Чубайс — вероятно, к самому опасному моменту операции, временному отключению сердца.

В конференц-зале была устроена представительная пресс-конференция с участием Рената Акчурина, Майкла Дебейки, Евгения Чазова, Сергея Миронова и двух немецких врачей. Главное сообщил Ренат Акчурин: операция прошла нормально, переход президента на самостоятельное дыхание и выход из наркоза планируется на 6 ноября (как сообщил вечером в программе «Герой дня» Сергей Ястржембский, Борис Ельцин вышел из наркоза уже 5 ноября в шесть вечера). Прогнозы о том, как скоро президент окончательно оправится после операции, можно будет делать, по словам Акчурина, дней через пять-шесть. Майкл Дебейки, просидевший наготове в соседней с операционной комнате, но так и не понадобившийся, подтвердил информацию об успехе операции и выразил восхищение работой российских врачей. Для иностранных журналистов именно слова Дебейки стали подтверждением правдивости сообщений о здоровье Ельцина.

Для всех остальных Ельцин оставался президентом и без «ядерного чемоданчика». А Черномырдин оказался главным ответственным лицом за происходящее в стране. Но ему было не привыкать.

Президентом ЧВС так и не стал. Но исполнять обязанности президента ему все-таки довелось в бытность премьером. С 7.00 5 ноября до 6.00 6 ноября 1996 года. Дело в том, что согласно указу № 1378 «О временном исполнении обязанностей президента Российской Федерации» от 19 сентября 1996 года Черномырдин должен был временно исполнять эти самые обязанности, пока Ельцину делали операцию на сердце.

Глава 14
Спасение Чубайса
Охота на крупного зверя

Охотиться с главой МВФ поручали премьеру не случайно. Все-таки Черномырдин — опытный охотник. К тому же он был не совсем заинтересованным лицом: переговоры о кредитах вел Чубайс. И Мишель Камдессю, расстреливая кабанов, на время отвлекался от переговорного процесса. Так что Чубайс потом мог брать его тепленьким.

В январе 1997 года журнал «Огонек» опубликовал статью «Подлинные особенности национальной охоты», где было рассказано об охоте премьер-министра Виктора Черномырдина на медведя в компании губернатора Ярославской области Анатолия Лисицына. В статье ярославских журналистов Сергея Апалькова и Владимира Аверина безо всякого ерничества и ехидства было изложено, как и при каких обстоятельствах в область прибыл (12 января) премьер России Черномырдин и, «уложив» своего медведя, отбыл в тот же день восвояси.

Публикация обернулась визитом 30 января в редакцию советника президента России Валентина Юмашева (он — бывший заместитель главного редактора «Огонька», известен также как литературный консультант Бориса Ельцина). У советника имелся ряд вопросов к руководству «Огонька», однако главный редактор журнала Лев Гущин как раз накануне улетел на Всемирный экономический форум в Давос, а потому выяснение отношений состоялось без него.

Подробности самой беседы Юмашева с редколлегией руководители «Огонька» не раскрывают, однако, судя по последующим событиям, разговор с советником Бориса Ельцина выдался непростым. Во всяком случае именно после этого разговора по редакции поползли слухи о том, что «Огонек» лишат финансирования.

Между тем заместитель главного редактора журнала Борис Пастернак (он остался за Гущина на время его отъезда) заверил,

что Валентин Юмашев не допустил в разговоре даже намека на возможное прекращение финансирования «Огонька». Однако подобное заявление сделал гендиректор ЗАО «Журнал “Огонек”» Юрий Байбазаров — он пригрозил двухмесячной приостановкой выплаты зарплаты всему коллективу редакции. Видимо, в сердцах.

Впрочем, Байбазаров не являлся ни последней инстанцией в истории с пресловутой статьей, ни собственно подлинным владельцем и учредителем «Огонька». Одним из главных учредителей является, в частности, АО «ЛогоВАЗ».

По словам заместителя главного редактора «Огонька» Бориса Пастернака, 31 января, непосредственно после визита в редакцию Юмашева, главный редактор журнала Лев Гущин срочно встретился в Швейцарии по поводу всего произошедшего в «Огоньке» с заместителем секретаря Совета безопасности России Борисом Березовским, который сейчас также находился в Давосе.

После этого Лев Гущин связался по телефону со своим замом Борисом Пастернаком и членами редколлегии, попросив их спокойно работать дальше и заверив в полной поддержке коллектива редакции со стороны Бориса Березовского.

Страсть Черномырдина к охоте порой приносила совершенно неожиданные результаты. Например, способствовала Анатолию Чубайсу выбивать в 1997 году кредиты у МВФ и ВБ. Он использовал параллельно два метода воздействия. Метод первый: он предъявлял директору-распорядителю Международного валютного фонда Мишелю Камдессю горы служебной документации, из которой следовало, что, с одной стороны, без новых кредитов российский бюджет не может быть сверстан, а с другой — кредиты будут погашены в оговоренный срок. Метод второй был не таким лобовым, но гораздо более эффективным. «Первый выстрел — нет первой проблемы! Второй — нет и второй!» — рассказывал коллега Анатолия Чубайса Борис Немцов. Стреляли, правда, не в Камдессю. Стрелял сам Камдессю по кабанам и медведям в компании тогдашнего премьера Виктора Черномырдина. Страсть Камдессю к охоте известна. Его отец держал оружейный магазин, и он с детства приучился палить во что попало. Но по живым целям стрелять дадут далеко не везде. А здесь, для того чтобы доставить переговорщиков в охотхозяйство «Завидово», к Белому дому подгоняли вертолет. Охотиться с главой МВФ поручали премьеру не случайно. Все-таки Черномырдин — опытный охотник. К тому же он был не совсем заинтересованным лицом: переговоры о кредитах вел Чубайс. И Камдессю, расстреливая кабанов, мог на время отвлечься от переговорного процесса. Так что Чубайс потом мог брать его

тепленьким.

В любой зарубежной аудитории верховные российские экономисты обычно взахлеб повествовали о блистательных перспективах иностранных инвестиций в Россию. Российская делегация, участвуя в январе 1997 года неделе в работе Всемирного экономического форума в Давосе, осталась верна традиции. Однако на этот раз премьер-министр Виктор Черномырдин и министр экономики Евгений Ясин выступали в парном амплуа «доброго и злого следователя»: Ясин запугивал, Черномырдин успокаивал.

Общий структурный кризис российской экономики продолжался уже пятый год. А вместе с ним — спад промышленного производства, нехватка денег. Ширилось глубокое народное недовольство реформами и реформаторами. «Мы сможем почувствовать себя уверенно лишь в том случае, если в течение следующих трех лет нам удастся достичь экономического роста, который покажет недовольным людям, что жертвы были не напрасны», — сказал Ясин. А потому необходим мощный приток иностранных инвестиций, иначе к власти придет компартия во главе с Зюгановым, так что сами понимаете, джентльмены. Ясин рассчитывал на $10–12 млрд в год к концу столетия. (Для сравнения: годовой бюджет РФ был примерно в 8 раз больше этой суммы.)

«Добрый следователь» Черномырдин, напротив, успокаивал перепуганных Ясиным иностранцев: первый этап экономических реформ в России завершен. Правительство приступает к воплощению в жизнь свежеразработанной программы социально-экономического развития до 2000 года «Структурная перестройка и экономический рост». В соответствии с ней устойчивый экономический рост в России будет достигнут уже к концу этого века. А потому иностранные инвестиции должны потечь в Россию не из страха, а наоборот. Даже прогноз Черномырдина был вдвое оптимистичнее, чем у Ясина, — $20 млрд ежегодно уже через пару лет.

Кстати, кое-какие дополнительные инвестиции в Россию потекли почти сразу: Виктор Черномырдин встретился с известным меценатом бароном Фальц-Фейном, который подарил России портрет Петра Первого работы XVIII века из своей личной коллекции. Так что домой российская делегация вернулась не с пустыми руками!

Глава 15
Спасение кресла
Разоблачение Le Monde

Черномырдин всегда демонстрировал удивительную способность в последний момент избежать, казалось бы, неизбежного краха. Так, не раз и не два активно подсиживавший шефа первый вице-премьер Олег Сосковец примеривался к его креслу. И каждый раз оно ускользало из-под него буквально в последнее мгновение. Кроме того, Черномырдин в силу своего прошлого и благодаря особенностям менталитета был гораздо ближе лидерам субъектов Федерации, чем Анатолий Чубайс, Алексей Кудрин или стоящий за их спинами Владимир Потанин. Для них он был «своим» даже в увлечении охотой.

В марте нижегородский губернатор Борис Немцов стал первым вице-премьером. Параллельно он возглавлял Минтопэнерго, сменив на этом посту ставленника Черномырдина Петра Родионова, который ушел зампредом в «Газпром». Немцов первым делом обещал «навести порядок» в «Газпроме» и грозил «расчленить» его. Но «Газпром» опередил вице-премьера и 26 марта объявил о реструктуризации. Только не о такой, на которой настаивал Немцов. Все буровые предприятия РАО, утверждало руководство предприятия, будут объединены в специализированную компанию «Бургаз», а добывающие и транспортные предприятия избавлены от функции сбыта газа, которым займется ООО «Межрегионгаз». «Газпром» обещал также продать непрофильные активы — сервисные подразделения, колхозы, курорты и санатории.

В марте 1997 года Борис Ельцин впервые увидел воочию и полностью прочел текст договора «Газпрома» с правительством, который Рем Вяхирев и бывший первый вице-премьер Сосковец подписали 17 февраля 1994 года. По условиям договора 35-

процентный госпакет акций «Газпрома» был передан в траст Вяхиреву сроком на три года. Этими акциями Вяхирев уверенно голосовал на трех собраниях акционеров подряд.

Говорят, пробежав глазами первую строчку договора, Ельцин с трудом подавил приступ ярости. Текст начинался так: «Я, Олег Николаевич Сосковец, действуя по поручению Правительства Российской Федерации №__ от "_" ___ 19_г…» Оказалось, Сосковец подписал документ, не заполнив ни одного из этих прочерков. То есть важнейший вопрос об управлении госсобственностью был решен не директивой правительства (или хотя бы Госкомимущества), а лично Сосковцом. Почему?

Это, однако, было только первое открытие президента. Дальше его ждали другие — еще более удивительные. Следующим открытием стало то, что 35-процентным пакетом акций, как оказалось, глава «Газпрома» управлял не бесплатно. Согласно договору в РАО оставалось 50 % дивидендов по этим акциям. Надо отдать Вяхиреву должное, он управлял акциями очень грамотно. Одни детали соглашения (например, про дивиденды) тщательно скрывались. Зато другими (самим фактом управления 35 % акций) он козырял перед иностранцами на различных переговорах. На первый взгляд, тут козырять особенно нечем: 35 % — это даже не контрольный пакет. Вяхирев мог бы получить в управление и все 40 %, закрепленные в федеральной собственности. Но на самом деле, по данным источников в самом «Газпроме», пакет, который Вяхиреву удалось получить в свое распоряжение, был именно контрольным.

Как именно это удалось сделать, точно неизвестно, но имелись две версии. По некоторым сведениям, сразу же после акционирования концерна (1992 год) РАО и его высшие менеджеры приступили к скупке акций через родственные фирмы и к марту 1994 года уже обеспечили контроль над более чем 15 % акций (к 1997 году уже якобы над 20 %). В пользу этой версии в аппарате правительства приводили следующий довод: по уставу РАО «Газпром» владельцы акций, желающие продать свои бумаги, сперва обязаны были предложить их самому РАО. То есть менеджеры РАО имели явное преимущество перед другими покупателями.

Была и другая версия: Вяхирев никаких акций на рынке не скупал. Просто 15 % эмиссии в ходе акционирования были размещены по закрытой подписке среди сотрудников «Газпрома», так что управление этими акциями свелось к «правильному управлению людьми». Вяхирев это умел. Как бы то ни было, присоединив к имеющимся 15 % акций 35 %, Рем Вяхирев сделал пакет контрольным.

Но самое поразительное, что в 1994 году руководство «Газпрома» нашло способ, как впоследствии этот контрольный пакет за собой окончательно закрепить. В договоре говорилось, что по окончании срока доверительного управления РАО имеет право выкупить 30 % своих акций. В сумме, правда, получалось всего 45 %. Но дело в том, что еще 5,2 % в ходе приватизации достались представителям народов Севера, где работает «Газпром». А они сильно зависели от концерна. Так что контрольный пакет все равно набегал.

Надо полагать, продлевая договор, президент Ельцин его не видел. А через три месяца взглянул и воскликнул: «Это грабеж страны!» Об этой реакции президента публично сообщил Борис Немцов. Правда, сам президент публично не высказывался о «Газпроме», но известно: дела естественных монополий (в том числе «Газпрома») Борис Ельцин и Борис Немцов регулярно обсуждали тет-а-тет.

Естественно, в связи с этой работой сотрудники аппарата правительства тоже получили некоторую новую информацию о «Газпроме». И выяснили любопытную вещь. «Газпром» не просто добился разрешения выкупить 30 % своих акций. По договору он получил право выкупить их по номиналу, что обошлось бы РАО примерно в $12 млн. А на внутрироссийском рынке этот пакет стоил $5 млрд. То есть чистая прибыль практически и получалась — $5 млрд без малого. Так вот, эта цифра поразительно совпадала с цифрой из нашумевшей (и опровергнутой) заметки французской газеты Le Monde о личном состоянии Виктора Черномырдина. Причем привела ее Le Monde еще до того, как российское правительство стало раскрывать интимные детали трастового договора. «Видимо, французы все-таки неплохо покопали где-то рядом с договором, — пояснил сотрудник Белого дома. — Только на личности зря перешли. Если быть точным, то вся эта халявная маржа в $5 млрд была не для премьера, а для “Газпрома”».

Несмотря на все эти, казалось бы, жесткие выпады, Рем Иванович Вяхирев сохранял полное спокойствие. И в правительстве, как уже было отмечено, чувствовал себя уверенно. При этом он не скрывал, что пока даже не подготовил своего проекта нового трастового договора. А причина этого спокойствия очевидна: просто контролю Рема Вяхирева над «Газпромом» ничто не угрожало. Ведь указом президента закреплено, что он будет по-прежнему управлять 35 % акций РАО. Плюс до 20 % тоже находились под его контролем. Получался контрольный пакет.

Публичная борьба правительства с «Газпромом» началась 9

апреля 1997 года, когда Рем Вяхирев посетил Думу, где обрушился на кабинет с резкой критикой. В ответ на думский демарш Вяхирева правительство обнародовало данные о старом своем договоре с ним, по которому председатель правления лично управляет пакетом в 35 % акций «Газпрома», закрепленным в федеральной собственности. Причем полное содержание этого договора оказалось неприятной неожиданностью даже для президента Ельцина.

10 апреля 1997 года премьер Черномырдин ушел в двухдневный отпуск. Воспользовавшись этим, Анатолий Чубайс и Борис Немцов уговорили президента России разорвать трастовый договор с Ремом Вяхиревым по управлению 35-процентным госпакетом акций «Газпрома». Немцов сказал, что акции были переданы РАО без конкурса и бесплатно в доверительное управление, а государство не получило ни копейки от этой сделки. Борис Ельцин подписал указ, лишающий Вяхирева права управления госпакетом. Но, вернувшись из отпуска, премьер блокировал выход указа.

В тот же период во французской газете Le Monde и была опубликована сенсационная заметка о личном состоянии Виктора Черномырдина. Ссылаясь на годичной давности (апрель 1996 года) слушания в палате представителей конгресса США, Le Monde назвала цифру: $5 млрд. Столько стоит пакет акций «Газпрома», которым якобы владеет премьер. В самом конце марта и начале апреля по российской прессе прокатилась волна перепечаток. Госдума потребовала у премьера объяснений. Шеф департамента культуры и информации правительства Игорь Шабдурасулов 2 апреля официально заявил, что акций «Газпрома» у премьера нет вообще.

Как выяснилось, информацию об отсутствии акций у Черномырдина Шабдурасулову предоставил сам Черномырдин. Вряд ли Шабдурасулов проверял эту информацию посредством, например, запроса к реестродержателю РАО «Газпром» — компании «СР-ДРАГа» («Специализированный регистратор — держатель реестров акций газовой промышленности»). Согласно принятым в аппарате правилам, его бы за это уволили. Официально, по уставу «Газпрома», получить у фирмы «СР-ДРАГа» выписку из реестра акционеров мог только владелец минимум 1 % акций РАО, то есть, с учетом цены одной акции ($0,66), обладатель состояния в $155 млн. Существовал и более дешевый способ получить информацию об акционере «Газпрома» — взятка сотруднику фирмы-реестродержателя. Но реестр «Газпрома», в котором числилось более миллиона акционеров, велся в мощной компьютерной системе, где каждое действие

пользователя незаметно протоколировалось. Поэтому взяточник наверняка был бы вычислен службой безопасности «Газпрома» (9700 сотрудников).

Однако лезть в реестр за этими сведениями вовсе не обязательно. Дело в том, что сводная информация об акционерах «Газпрома» в 1996 году готовилась дважды: к собранию акционеров (июнь) и к выходу акций в виде ADR на американский рынок (октябрь), как того хотели иностранные аудиторы. И в том, и в другом случае никакого единоличного владельца почти 30 % акций (что соответствовало на тот момент $5 млрд) в реестре не значилось.

Уставный капитал «Газпрома» был разделен на 23 673 512 900 обыкновенных акций номиналом 10 руб. 40 % этих акций были закреплены в федеральной собственности, 33 % в 1994 году разыграны на чековых аукционах среди жителей 61 субъекта Федерации, где имелись предприятия РАО, 15 % принадлежали трудовым коллективам предприятий РАО, 10 % в 1992 году выкупило само РАО «Газпром» по номиналу для продажи в виде ADR, 1,1 % — взнос в уставный капитал АО «Росгазификация», 0,9 % торговались на Владивостокской фондовой бирже.

По данным начальника управления РАО «Газпром» по организации работы с ценными бумагами Эдуарда Иванова, отдельным гражданам и фирмам принадлежали сотые и тысячные доли процента капитала «Газпрома». Например, всему руководству РАО (а это десятки людей) принадлежало не более 0,04 % акций, что соответствовало лишь $6,2 млн. Впрочем, это еще не доказывало, что Черномырдин не имел акций на $5 млрд.

А доказательство намного проще. Напомним, что американцы первымие назвали эту цифру. Тогда акция «Газпрома» стоила лишь $0,1. То есть все РАО оценивалось не более чем в $2,5 млрд.

Впрочем, нехорошие слухи никак не повредили Черномырдину. Неслучайно, видимо, Игорь Шабдурасулов опроверг и слух о $5 млрд в весьма мягкой форме — без угрозы подать в суд на Le Monde. Зато эти слухи укрепили имидж «Газпрома» как крупнейшей и мощнейшей фирмы. Огромная даже по мировым меркам цифра $5 млрд привлекла к «Газпрому» внимание прессы в России и за рубежом. Журнал Time уже 31 марта 1997 года под заголовком Survival of the Fattest («Выживает самый толстый») опубликовал материал об огромном потенциале «Газпрома»: его акции подорожают еще раза в три; он, при желании, вытеснит с европейского рынка Норвегию и Алжир; наконец, инвесторы не должны бояться предстоящей реструктуризации — на независимые части «Газпром» разделят не ранее чем через 50 лет, и т. д. Эта PR-кампания привела к

закономерному результату: котировки акций «Газпрома» в Российской торговой системе повысились: с 1 по 4 апреля 1997 года курс вырос с $0,66 до $0,68 за акцию.

Таким образом, слух о миллиардах Черномырдина принес выгоду «Газпрому». И если его выдумал не сам «Газпром», то ему явно стоило это сделать.

Кстати, сам Виктор Черномырдин на статью в Le Monde отреагировал весьма хладнокровно и тоже заявил, что не намерен подавать в суд на газету. Свое решение он объяснил тем, что все равно всем ясно, что это неправда. И заполнил налоговую декларацию, из которой следовало, что за весь 1996 год премьер-министр заработал 46,387 млн руб. С этой суммы Виктор Черномырдин заплатил 9,956 млн руб. подоходного налога.

Le Monde опубликовала опровержение. В нем говорилось, что газета «неудачно приписала бывшему директору ЦРУ Джону Дейчу и директору ФБР Луису Фри утверждение, согласно которому состояние Виктора Черномырдина за четыре года возросло с 28 млн до 5 млрд долларов». А 8 апреля 1997 года в деле о премьерских миллиардах была поставлена жирная точка. На страницах «Коммерсанта» известный французский публицист Анри Труайя доказал, что появившийся в Le Monde, а затем и в «Известиях» материал — лишь попытка «наезда» на российского премьера. Доказательствами же ни одна из газет не обладала. Поэтому настоящего шума не получилось.

В мае Борис Немцов и Рем Вяхирев согласовывали новый проект указа, согласно которому глава «Газпрома» остался доверительным управляющим 35 % госакций компании, но лишался права голосовать единолично.

То есть возникший было конфликт между президентом «Газпрома» Вяхиревым и некоторыми членами правительства завершился примирением. Депутатов же, обеспокоенных судьбой «Газпрома», успокоил Виктор Черномырдин, заявив, что «никакой речи о разделе естественных монополий нет и быть не может — ни сейчас, ни в обозримом будущем».

В апреле 1997 года в результате перегруппировки сил в российском правительстве произошло резкое ослабление фигуры премьера до почти ритуальной и качественно столь же значительное усиление Анатолия Чубайса. Скорость, с которой уходила команда Черномырдина, казалась просто необъяснимой. Если, конечно, не предположить, что за стремительным отступлением скрывался трезвый политический расчет.

То, что президент должен ограничить в правах хозяина Белого дома, было очевидно. Правительство своим последовательным и неуклонным погружением в бюджетную яму

фактически поставило Бориса Ельцина перед лицом реальной угрозы массового социального недовольства со вполне предсказуемыми политическими последствиями. Но вряд ли кто ожидал, что это ограничение произойдет настолько драматично. И быстро.

Уход из правительства близких Черномырдину людей начал восприниматься просто как обвал. А отставки министра путей сообщения Анатолия Зайцева и первого замминистра финансов Андрея Вавилова — аппаратчики говорили, что у него с премьером «отношения почти родственные», — только усилили это впечатление.

Однако Черномырдин всегда демонстрировал удивительную способность в последний момент избежать, казалось бы, неизбежного краха. Так, не раз и не два активно подсиживавший шефа первый вице-премьер Олег Сосковец примеривался к его креслу. И каждый раз оно ускользало из-под него буквально в последнее мгновение. Кроме того, Черномырдин в силу своего прошлого и благодаря особенностям менталитета был гораздо ближе лидерам субъектов Федерации, чем Анатолий Чубайс, Алексей Кудрин или стоящий за их спинами Владимир Потанин. Для них он был «своим» даже в увлечении охотой.

Сильной стороной Черномырдина была и поддержка, которую негласно оказывало ему лево-популистское большинство Думы. На фоне активного Анатолия Чубайса Черномырдин уже не казался жестким монетаристом, газовым бароном и «ставленником компрадорской буржуазии». За исключением газовой составляющей, все эти негативные определения в 1997 году относились к Чубайсу.

Совершенно очевидно, что отставка Черномырдина в таких условиях была не выгодна ни Борису Ельцину, ни самому Анатолию Чубайсу. Левые никогда не согласились бы видеть Чубайса во главе правительства, а правительство, возглавляемое исполняющим обязанности, могло быть эффективным только в краткосрочной перспективе. В долгосрочном плане это вызвало бы рост недоверия к правительству России за рубежом и вероятное ужесточение требований кредитных договоров, пересмотр кредитного рейтинга России, падение и без того вялой инвестиционной активности и удешевление для иностранных инвесторов российских государственных ценных бумаг. Что в совокупности могло потребовать от страны дополнительно несколько миллиардов долларов в год.

Восполнять выпадающие доходы никто не был готов. Черномырдин прекрасно понимал свою политическую нишу: в качестве политического прикрытия он нужен как Борису Ельцину,

так и команде Чубайса в большей степени, нежели активно действующий премьер. В эту нишу он и отступил.

Под таким углом зрения его отступление не выглядело бегством. Скорее, оно напоминало отход на заранее подготовленные позиции. Людьми Черномырдина оставались два его заместителя — вице-премьеры Валерий Серов и Анатолий Куликов. Хорошо знающие Серова сотрудники аппарата Белого дома характеризовали его как изворотливого, настойчивого и умеющего четко поставить задачу чиновника. Еще во времена СССР он приобрел достаточный опыт работы на номенклатурных должностях, чтобы разыграть аппаратную интригу или вовремя уйти от ответственности. Серьезным противником группировки Чубайса был и Анатолий Куликов. Министерство внутренних дел оставалось влиятельным государственным институтом, способным испортить жизнь любому из министров.

Именно поэтому в Белом доме причину стремительности перестановок в правительстве объясняли не столько мощным натиском группировки Чубайса, сколько целенаправленными действиями людей премьера, которые оставляли свои посты. Чубайс получил карт-бланш: вот министерства, вот их функции, вот задачи экономической политики. Рули! И вот тут-то оказалось, что группировка Чубайса крайне малочисленна: Дмитрий Васильев (Федеральная комиссия по рынку ценных бумаг), Сергей Васильев (заместитель руководителя аппарата правительства Владимира Бабичева), Альфред Кох, Петр Мостовой (Федеральная служба по делам о несостоятельности), Алексей Кудрин, Сергей Игнатьев (первый замминистра финансов) и Владимир Путин (главное контрольное управление президента) — вот, собственно, и все. Между тем мало расставить своих людей на ключевые посты в правительстве, надо еще сделать так, чтобы эти люди, в свою очередь, расставили «своих» во вверенных им структурах.

Это получалось у команды Чубайса с большим трудом. Ее замкнутость, во многом обусловленная характером самого Анатолия Чубайса, сдерживала формирование вокруг него многочисленной группы единомышленников, способной быстро взять все бразды правления в свои руки. Чубайс не смог быстро найти человека на должность министра финансов — и сам стал руководителем министерства, что требовало колоссального напряжения. Точно так же поступили Олег Сысуев, став министром труда, и Борис Немцов, объявивший о готовности занять пост министра топлива и энергетики.

Похоже, что даже при мощной поддержке банков быстро решить кадровые вопросы не удалось бы. Далеко не все

сотрудники частных финансовых структур готовы были перейти на госслужбу, как в свое время это сделал Владимир Потанин. Еще меньше было тех, кто смог бы эффективно руководить работой госучреждения после работы в сфере бизнеса. Соответственно, повышалась вероятность замедления темпов реформирования правительства, падения дисциплины в подведомственных структурах. Иными словами, управляемость не улучшилась бы, а ухудшилась. Если бы это произошло, у премьера были бы все основания повторить свою любимую прибаутку: «Ну что, хотели как лучше? А получилось как всегда?» А потом помочь молодым руководителям советами. И людьми.

Между тем противоречия между Думой, президентом и правительством в России к концу 1997 года начали обостряться. Так, в октябре 1997 года думцы с подачи КПРФ готовились вынести правительству вотум недоверия. Позвонив Геннадию Селезневу прямо во время обсуждения вопроса о вотуме недоверия, Борис Ельцин попросил депутатов «не доводить вопрос до отставки правительства». В обмен он заявил о своей готовности к активной работе в «совете четырех» (Ельцин, Черномырдин, Строев, Селезнев) и к проведению круглого стола с участием оппозиционных движений. Тем самым он (в числе прочего) спас политическую карьеру Геннадия Зюганова (вернув тому должок за выборы 1996 года).

Видимо, только на фоне общей политической импотенции мог возникнуть слух о том, что отставленный в ноябре 1997 года с поста заместителя секретаря Совета безопасности России Борис Березовский будет вести разговор о совместном партийном строительстве с лидером НДР Виктором Черномырдиным.

Пятилетие своей деятельности на посту премьера Виктор Черномырдин встретил без особой помпы. В этой скромности и подчеркнуто обыденном отношении к юбилею, во всех отношениях удивительному для тогдашней России, чувствовалась уверенность, ранее не присущая главе правительства.

Сила Черномырдина проявлялась в том, что он соответствовал всем требованиям, предъявляемым к тем, кто хотел обрести в глазах Бориса Ельцина право на аппаратное бессмертие. Черномырдин, как и Ельцин, прошел жестокое обучение в союзной аппаратной школе и тщательно следовал всем неписаным правилам игры, обязательным для высшей номенклатуры. Он скрывал подлинный уровень собственного интеллекта, держал дистанцию с первым лицом государства, играя роль идеального «номера два», тщательно подбирал окружение и доверял только узкому кругу многократно проверенных на личную преданность сотрудников. Он выступал в

качестве наиболее мощного после Ельцина центра аппаратного притяжения, чему способствовали колоссальные возможности той финансово-промышленной группировки, которая сформировалась вокруг «Газпрома» и Центрального банка.

Черномырдин был удобен и левым, и правым. Степанычем его за глаза именовали не только в Белом доме, но и в Думе, не только в «Газпроме», но и в московской мэрии. Он понимал это и поэтому все более уверенно чувствовал себя и в премьерском кресле, и вне его.

В ноябре 1997 года «Газпром», «ЛУКОЙЛ» и англоголландский концерн Shell подписали меморандум о взаимопонимании, согласно которому они намерены совместно участвовать в приватизации «Роснефти». Однако приватизация так и не состоялась.

Тема приватизации «Роснефти» всплыла еще весной 1998 года, роковым образом отразившись на судьбе премьера Черномырдина и его противников.

Глава 16
Спасение ЕС
Премьерная дипломатия

Брюссельское заявление Черномырдина стало полной неожиданностью. Дело в том, что три года до этого Россия нигде и ни при каких обстоятельствах не поднимала вопроса о вхождении в ЕС и придании России во взаимоотношениях с Европой статуса страны с рыночной экономикой, казалось, Москву все устраивало.

В июле 1997 года на переговорах с руководством ЕС Виктор Черномырдин сделал сенсационное заявление: Россия намерена вступить в Европейский Союз, она и так слишком задержалась на его пороге. На пресс-конференции сразу после окончания переговоров с главой Комиссии ЕС Жаком Сантером Виктор Черномырдин заявил: «Мы все делаем для того, чтобы Россия стала членом ЕС. Для нас это важно. И Россия будет членом ЕС». Зал задержал дыхание. Черномырдин же продолжал в категоричной форме: «Вопрос о придании России статуса страны с рыночной экономикой — это центральный вопрос встречи. Непомерно затянулось рассмотрение в ЕС вопроса о признании России страной с рыночной экономикой. Это неверно». Зал выдохнул.

Брюссельское заявление Черномырдина стало полной неожиданностью. Дело в том, что три года до этого Россия нигде и ни при каких обстоятельствах не поднимала вопроса о вхождении в ЕС и придании России во взаимоотношениях с ЕС статуса страны с рыночной экономикой — Москву вполне устраивали отношения с Европой, оформленные в далеком 1994 году.

Еще 24 июня 1994 года на острове Корфу Россия и ЕС подписали соглашение о партнерстве и сотрудничестве. Россия признавалась страной с переходной экономикой; предусматривалось взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле. Документ должен

был вступить в силу в конце 1997 года и предполагал лишь «динамичное развитие экономических отношений по мере прогрессивного преобразования российской экономики, включая возможность начала переговоров по вопросу о создании зоны свободной торговли по итогам специальной встречи в 1998 году». Таким образом, вступление России в ЕС и признание ее страной с рыночной экономикой рассматривались как дело отдаленного будущего. Но поездка Виктора Черномырдина в Брюссель специально для переговоров с руководством Европейского Союза, казалось, приблизила эту перспективу. В кулуарах участники встречи отмечали чрезвычайно жесткую позицию российского премьера — он скорее требовал, чем просил.

Вот как прокомментировал свое заявление премьер-министр. «Вопрос определения статуса экономики России, — заявил он, — был самым главным в нашем сегодняшнем диалоге. Мы все цепляемся за какие-то мелкие вопросы, а это главное. Надо сначала здесь определиться. Если будет признано, что в России создана рыночная экономика, тогда на многие другие проблемы не надо будет тратить время. Нас пытаются отнести к каким-то другим странам… Но нам здесь никто не мог объяснить, почему, собственно, Россия — страна с нерыночной экономикой. Как только это противоречие будет снято, многие проблемы во взаимоотношениях с ЕС сами по себе отпадут <…> Мы договорились с руководством ЕС, что для ускорения решения этого вопроса в ближайшее время будет проведена работа по детальной инвентаризации российской экономики. Они хотят посмотреть на наши предприятия, степень их зависимости от государства. Ну что же, мы ничего ни от кого не скрываем — приходите, пожалуйста. Мы открыты».

А вот Европа вряд ли решилась бы сказать про себя такое. Хотя бы потому, что, по оценке МВЭС, в результате антидемпинговых процедур и квотирования экспорта промышленной продукции со стороны ЕС Россия до конца года должна была потерять более $250 млн. Но это, так сказать, дело привычное. Поводом же, обусловившим сам тон российских заявлений в Брюсселе, можно было считать состоявшееся 15 июля, то есть за день до приезда Черномырдина, решение Комиссии ЕС о принятии в ряды союза Польши, Чехии, Венгрии, Словении, Кипра и Эстонии. Принятие эстонцев глубоко возмутило Москву.

Итоги визита Виктора Черномырдина в штаб-квартиру Европейского Союза многие оценили как пусть небольшую, но победу. Дело в том, что исключение из регламентов ЕС упоминания России как страны с нерыночной экономикой

автоматически привело бы к мораторию на антидемпинговые процедуры и прочие ограничительные европейские меры против российских экспортеров.

В октябре 1997 года Черномырдин посетил Нидерланды. Визит был приурочен к 300-летию поездки в Голландию Петра I. Несмотря на то что визит имел большое экономическое значение, наличествовали все основания признать, что главная его часть — культурная программа. При всей важности переговоров о снятии ограничений на российский экспорт в страны ЕС (нидерландское правительство в принципе могло помочь России отстоять в этом вопросе свои интересы) визит премьера, очевидно, был своеобразной презентацией нового имиджа российской власти. Не заискивающей перед Европой и не отворачивающейся от нее с горделивым самолюбием, а открытой для всего нового и прогрессивного, что несет в себе западноевропейская цивилизация. И при этом уверенно контролирующей политическую ситуацию в стране.

Иными словами, Черномырдин демонстрировал тот образ российских реформаторов, который наиболее привлекателен для западного массового сознания. В рамках культурной программы он открыл памятник царю-реформатору в Роттердаме и выступил в нидерландском парламенте с речью «Петр Великий и современность».

Даже беглое знакомство с текстом выступления премьера наводило на мысль, что это далеко не дежурная речь по поводу годовщины исторического события, каким бы выдающимся оно само по себе ни было. То, что сказал Черномырдин, походило скорее на объявление политической программы. Причем предназначенной не только на экспорт, но и для внутреннего потребления.

Акцентирование параллелей между петровской эпохой и современностью, деятельностью Петра I и политикой российских властей ближе к концу девяностых было призвано не только продемонстрировать и доказать преемственность — от царя-преобразователя к современным реформаторам, — но и показать вектор этой политики, который все же склоняется к Европе, а не к так любимой российской левой и правой оппозицией Азии.

В своей речи российский премьер, в частности, сказал: «На весах истории великие деяния великого реформатора решительно перевешивают жестокость, вызванную прежде всего нетерпением, необузданностью переполнявших его страстей, стремлением вырвать страну из застойного болота косности и безразличия к прогрессу.

Да, порой Петр двигался по пути преобразований, так

сказать, против течения, либеральный курс которого был задан развитием западной цивилизации. Реформирование России осуществлялось нередко варварскими, автократическими методами. Однако именно Петр сделал Россию Россией — великой державой, родившейся в эпоху бурь и переломов, вошедшей в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек…

<…> На развилках истории всегда возникает проблема выбора: что делать, куда идти, в каком направлении двигаться? И для верного ответа на эти вопросы необходимо не только осознание потребности перемен, но и стремление и умение сделать их реальностью.

Россия не раз вставала перед такими историческими распутьями. Так было в конце XVII века, когда Петр, напрягая все свои исполинские силы, повернул колесо российской истории. На схожей развилке Россия находится и сегодня.

Убежден, у нас есть все для того, чтобы поворот России к радикальной трансформации стал необратимым. Это и четкое представление о том, что и как надо делать для выстраивания здания эффективной рыночной экономики и развитого гражданского общества. Это и реально выраженная политическая воля, воплощенная в курсе президента и правительства Российской Федерации…

Как и преобразования петровского времени, нынешние экономические реформы в сжатые исторические сроки буквально переменили облик страны, стимулировали небывалые по интенсивности сдвиги в корневых основах российского общества.

<…> Мы должны использовать нынешний шанс для того, чтобы совершить экономический прорыв прежде всего на главном — инвестиционном фронте. И сделать это так же безальтернативно, как это делал Петр, принимая свои экономические и политические решения…»

До отставки российского премьера оставалось всего несколько месяцев.

Глава 17
Спасение НАТО
Создание восьмерки

Россия все же получила отступное за расширение НАТО. Это касалось прежде всего участия России в международных организациях и неформальных объединениях, таких, например, как сверхпрестижная встреча в верхах лидеров наиболее развитых стран мира.

В 1995 году ЦРУ направило в Белый дом секретный доклад, основанный на собственном обширном досье, в котором были перечислены факты, свидетельствовавшие о коррумпированности Виктора Черномырдина. Согласно источникам в российской службе безопасности, которые использовало ЦРУ, за время пребывания в должности премьер-министра РФ Черномырдин скопил на своих личных счетах миллиарды долларов. Когда секретный доклад о Черномырдине попал к Гору, тот не только отказался принять его, но и отправил его назад с емкой резолюцией: «Bullshit (херня)!»

В 1995 году работа комиссии Гор — Черномырдин практически полностью была посвящена инвестициям и проблемам конкуренции России на таких новых рынках, как рынок коммерческих запусков спутников. Но проблема расширения квоты России на запуск коммерческих спутников в том году так и не была решена.

Что касается проблемы «чистых инвестиций», то и здесь ситуация оставалась далекой от идеала. Виктор Черномырдин с ходу предложил американским партнерам сосредоточиться на вопросах открытости своих рынков для товаров друг друга, отметив, «что главным результатом деятельности комиссии должен стать рост торговли и инвестиций между Россией и США». Тогда на долю США приходилось чуть более 5 % всей внешней торговли России, а российская доля в американском товарообороте едва достигала 0,5 %.

Реальным результатом работы комиссии стало соглашение о разделе продукции при разработке нефтяных месторождений

«Сахалин-1» (месторождения Чайво, Аркутун-Дагинское и Одопту на северо-восточном шельфе Сахалина). Запасы нефти в контрактной зоне оценивались в 291 млн т, газа — в 420,8 млрд кубометров. Первый этап проекта оценен в $12,7 млрд.

США также объявили о четырех дополнительных программах помощи в соответствии с законом Нанна — Лугара (содействие процессу разоружения в России) на $24 млн, учреждении фонда гражданских исследований для стран бывшего СССР и предоставлении правительственных гарантий на реализацию российско-американских проектов на сумму $280 млн.

В Москве был подписан контракт на сумму $190 млн между корпорацией Boeing и Государственным космическим научно-производственным центром им. Хруничева. Соглашение предусматривало разработку, изготовление и вывод на орбиту российской стороной функционального грузового блока (ФГБ) — первого элемента международной космической станции Alpha. 1996 год стал для комиссии Гор — Черномырдин рекордным по результативности. Были внесены изменения в соглашение о предоставлении услуг по выводу на орбиту коммерческих спутников, заключено соглашение о наблюдении за радиационной обстановкой в ходе полета российского космического аппарата «Марс», утверждена программа полетов «Шаттл — “Мир”» на 1996 год.

Квоту подняли до 15 запусков. Еще три спутника России было разрешено вывести до конца века на низкую орбиту. Но и это решение комиссии можно было считать определенным успехом. В 1993 году, когда Россия всерьез стала претендовать на свою долю космического пирога, после аналогичного межправительственного решения ей пришлось умерить свой аппетит. Тогда России удалось выговорить себе только восемь коммерческих запусков на период до 2000 года, причем стоимость ее космических услуг по соглашению не могла быть ниже более чем на 7,5 % аналогичных услуг западных фирм.

Лидером по коммерческим запускам тогда стали отнюдь не сверхдержавы, поднаторевшие в производстве военных ракет, а Франция: ее носителям «Ариан» удалось захватить около 60 % рынка.

Однако спустя всего два года одному только Центру им. Хруничева удалось перебрать квоты более чем в два раза. В его портфеле к 1996 году лежали заказы на 20 запусков (в рамках семи крупных космических программ) на общую сумму свыше $1 млрд. Это уже больше, чем позволяла даже новая квота.

Кроме того, «Эксимбанк» США в предварительном порядке одобрил финансирование экспорта в Россию авиаоборудования на

$1 млрд для установки на 20 самолетах «Ил-96». Подписаны Меморандум о содействии в привлечении средств OPIC (Корпорация по частным инвестициям за рубежом) для конверсионных проектов в Россию на сумму до $500 млн, Меморандум о взаимопонимании по поддержке проектов в российской лесной промышленности (с «Эксимбанком» США) и Меморандум о техсотрудничестве и информобмене в области контроля качества и этикетирования пищевых продуктов.

Правда, после фактического развала комиссии (последовавшего за отставкой Черномырдина и проигрышем Гора на выборах в США) почти все из этих проектов были либо заморожены на неопределенный срок, либо вовсе свернуты.

Что же касается пищевых продуктов, то именно в 1996 году разразилась первая торговая война между США и новой Россией. Американские куриные окорочка стали предметом обсуждения на заседании комиссии Гор — Черномырдин после того, как главный российский ветеринар Вячеслав Авилов запретил их ввозить, выяснив, что они не проходят в США должного контроля на сальмонеллу. Авилов куриную войну выиграл: США обязались ввести санитарный контроль.

Следствием решения комиссии Гор — Черномырдин стало и оснащение Гидрометцентра России суперкомпьютером Cray под гарантии «Эксимбанка» США. Шутка американских программистов: «Что такое суперкомпьютер? — Это то, чего нет у русских» перестала быть актуальной.

Компьютеры Cray по тем временам были действительно вершиной кибернетики. На простой и прямой вопрос, что может Cray, следовал такой же простой и прямой ответ: все. Среднесрочные метеопрогнозы? Пожалуйста. Управление войсковыми операциями чуть ли не на уровне рядового? Тоже пожалуйста. Ядерная физика, квантовая механика, компьютерное моделирование испытаний автомобилей и самолетов (без аэродинамических камер и битья об стенку опытных образцов), составление формул новых лекарств (что ускоряет процесс их синтеза в тысячи раз). Cray мог просчитать детально все последствия «ядерной зимы» или даже такой более реальной вещи, как экологическая катастрофа любого уровня — от чернобыльской до банального разлива аммиака из прохудившейся цистерны. Именно на Cray были в свое время просчитаны экологические последствия возгорания нефтяных скважин Кувейта в ходе операции «Буря в пустыне». Примеров возможностей Cray можно приводить много. Были и такие: дешифровка перехваченных шифрограмм и построение самых сложных финансовых пирамид — в 1994 году по Москве пронесся

слух, будто Cray уже появился в России, а закупила его такая известная организация, как «МММ-Инвест».

В годы «холодной войны» о суперкомпьютерах Cray слагали легенды: эти машины обладают исключительным потенциалом, который может быть использован в современной войне. Поэтому настоящие суперкомпьютеры Cray было строжайшим образом запрещено ввозить в страны соцлагеря, СССР, а затем и в Россию. Система безопасности была разработана так, что украсть Cray оказалось невозможно, а перенять секрет его создания могли лишь те, кто технологически способен построить такой же компьютер самостоятельно. А это делало кражу бессмысленной.

После появления Cray Росгидромет получил возможность резко повысить эффективность прогнозов погоды, тем самым выполняя свои обязательства не только перед россиянами, но и перед Всемирной метеорологической службой.

Впрочем, особо точными российские прогнозы погоды после покупки Cray не стали: как выяснилось, только на отлаживание всех необходимых программ и методик расчета нужно два года. Кроме того, Росгидрометцентр из-за постоянной нехватки денег одну за другой закрывал свои наблюдательные станции, и суперкомпьютеру просто-напросто не хватало информации, которую он мог бы обрабатывать.

Остальные успехи года имели скорее декларативный характер. Это заявления о реализации специальной экологической инициативы (совместные исследования в согласованных районах Мирового океана; построение гидрографических моделей Арктики); о намерениях по сотрудничеству в борьбе с преступностью в коммерческой сфере и о создании в рамках комитета по развитию делового сотрудничества подкомитета по сотрудничеству в поддержке малого бизнеса; о сотрудничестве в области медоборудования и приложение к Меморандуму о лекарственных препаратах; а также Меморандум по итоговому докладу о проведении диалога по вопросам налогообложения в коммерческой деятельности.

Высокопарные и даже бравурные оценки деятельности комиссии из уст как ее руководителей, так и первых лиц государств (Билл Клинтон констатировал, что реформы продвигаются, и он надеялся, что Москва получит кредит МВФ «без каких-либо условий», а Дума ратифицирует СНВ-2; Альберт Гор вообще сообщил, что «перспективы процветания как россиян, так и американцев значительно улучшились») на деле не отменяли кардинальных проблем, которые так и оставались нерешенными.

Россия не была признана США страной с переходной

экономикой, хотя статус этот оговаривался двумя президентами в заявлении «Партнерство для экономического прогресса» аж в 1994 году. Нерыночный же статус обусловливал жесткую процедуру установления пошлин, размер которых иногда превышал 100 %, в частности, на российский уран и феррованадий. Оставалась в действии и поправка Джексона — Вэника.

И все актуальней становился вопрос о расширении НАТО. Способность правительств России и США преодолеть разногласия по вопросу о расширении НАТО станет «важной проверкой» отношений двух стран, заявил первый замгоссекретаря США Строуб Тэлботт на церемонии празднования 50-летия Гарримановского института в Нью-Йорке. По словам Тэлботта, предложенная Клинтоном дата приема в НАТО новых членов «дает время, чтобы параллельно с процессом расширения выработать условия взаимоприемлемых отношений сотрудничества между НАТО и Россией». США убеждены, что хорошие взаимоотношения России и НАТО осуществимы, но для этого сторонам нужно избавиться от стереотипов «холодной» войны, отметил Тэлботт. В качестве примера эффективного механизма таких связей он назвал комиссию Гор — Черномырдин.

В 1997 году вопрос расширения НАТО вновь стал главным в повестке работы комиссии Гор — Черномырдин. Альтернативой НАТО предполагалось усиление в Европе роли ОБСЕ, но договориться по этому вопросу с вицепрезидентом США Альбертом Гором Черномырдину так и не удалось. В США отделывались обещаниями, что при обсуждении натовской проблемы Вашингтон постарается найти решение, которое и устроит Россию, и не станет «исключать Россию из договоренностей в области безопасности в Европе».

Вообще, в 1997 году политический аспект деятельности комиссии Гор — Черномырдин едва ли не превышал экономический, что производило необычное впечатление. Но тому имелись свои причины.

Хельсинкский саммит 1997 года президентов России и США обозначил новое потепление в отношениях между двумя странами. Встреча в Денвере, превратившая семерку промышленных лидеров мира пусть в неполную, но все же восьмерку, сделала это потепление бесспорной реальностью. Визит Виктора Черномырдина в США проходил уже в новой обстановке, когда у России появился шанс укрепить свои партнерские отношения с Америкой. Главным событием стала часовая встреча российского премьера с вице-президентом США

Альбертом Гором. Ее результаты, однако, показали, что Россия и США, несмотря на — вновь — дружеские отношения между президентами, по-прежнему далеки друг от друга.

Да, Россия все же получила отступное за расширение НАТО. Это касалось прежде всего участия России в международных организациях и неформальных объединениях, таких, например, как сверхпрестижная встреча в верхах лидеров наиболее развитых стран мира.

В Денвере участники встречи выразили твердое намерение принять Россию в члены Парижского клуба кредиторов. Вопрос же вступления России во Всемирную торговую организацию так и остался нерешенным. Правда, вскоре ожидалось начало двусторонних переговоров, которые должны были определить конкретные условия доступа российских товаров на внешние рынки.

Однако все, что касается двусторонних российско-американских экономических связей, в хельсинкской совместной инициативе было изложено в самых общих выражениях. Между тем доступ на самый привлекательный в мире рынок, каковым в настоящее время являются США, для России всегда имел гораздо большее значение, чем скорость продвижения к заветному членству в ВТО.

Несмотря на то что в заявлении о совместной экономической инициативе признавалось: российская экономика претерпела глубокие изменения рыночного характера, — соответствующий статус России так и не был предоставлен.

Приехав на открытие XIX специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Виктор Черномырдин вряд ли питал особые надежды, что его часовая беседа с вицепрезидентом США Альбертом Гором сможет кардинально изменить ситуацию в российско-американских отношениях. Представители МИДа и аппарата правительства, готовившие визит, не скрывали своего скепсиса относительно возможности добиться в ходе встречи каких-либо прорывов. Поэтому, как и следовало ожидать, она свелась в основном к констатации сторонами уже прежде заявленных позиций. Сообщение Черномырдина о том, что в России созданы Совет по защите иностранных инвестиций (под его председательством) и национальный депозитарий госпакетов акций, принципиально не изменили характера беседы.

Российский премьер начал с самого наболевшего и наиболее очевидного — дискриминационной поправки Джексона — Вэника (принятой, как уже указывалось, аж в 1974 году), увязывающей предоставление СССР статуса наиболее благоприятствуемой в торговле нации со свободой выезда из страны евреев. Несмотря

на то что в сентябре 1994 года Борис Ельцин и Билл Клинтон в Вашингтоне подписали заявление «Партнерство для экономического прогресса», в котором США обязались добиваться законодательного оформления статуса наибольшего благоприятствования, ничего конкретного американской администрации в контролируемом республиканцами Конгрессе добиться не удалось. Еще в том же 1994 году она объявила о соответствии российской эмиграционной практики требованиям Конгресса, однако безрезультатно.

В принципе, американские власти нашли выход из положения: режим наибольшего благоприятствования ежегодно предоставлялся России на временной основе. Тем не менее попытки сделать его постоянным регулярно проваливались. Пользующиеся колоссальным влиянием еврейские организации все время находили поводы обвинить российские власти в непоследовательности или даже нарушении свободы выезда. Впрочем, российские власти со странной регулярностью сами портили свои отношения с еврейским лобби в американском Конгрессе.

Немногим более живо шли переговоры по вопросу снятия американской администрацией ограничений в торговле с Россией. С января 1996 года Россия попала в «ограничительную» группу «С» — стран, поставки в которые некоторых высокотехнологичных товаров (например, компьютеров) жестко контролировались.

В «запретительную» группу «D» вошли только четыре страны с почти людоедскими режимами — Иран, Ирак, Ливия и КНДР.

Как следствие, уже в ноябре 1996 года американское министерство торговли отклонило заявку компании Conwex computer корпорации Hewlett Packard о поставке на экспорт в Россию суперкомпьютера SPP 2000, заказчиком которого выступил Минатом. В январе 1997 года власти США начали официальное расследование в отношении фирм Silicon Graphics inc. и IBM systems, продавших в прошлом году тому же Минатому два компьютера марки rs6000sp с быстродействием до 10 млрд операций в секунду. Сами США для поддержания ядерного баланса в конце девяностых использовали суперкомпьютеры со скоростью более 1 трлн операций в секунду.

Тем не менее Альберт Гор обвинил Россию в том, что она закупила два суперкомпьютера в обход американского законодательства по экспортному контролю. И более того — в том, что эти компьютеры используются для совершенствования ядерного оружия, что строжайше запрещено американским законодательством. Вице-президент потребовал, чтобы на

российские объекты «Арзамас-16» и «Челябинск-70» были направлены специальные следственные группы, а сами компьютеры возвращены в США.

Ответ Черномырдина был не лишен изящества. Компьютеры, дескать, используются для решения задач, поставленных на этапе реформирования и конверсии российской атомной промышленности, в том числе для экологического контроля и безопасности АЭС. «Экология» и «безопасность АЭС» являются магическими словами для американского общественного мнения, равно как и для политического истеблишмента. Сам Альберт Гор всегда отличался повышенным интересом к экологическим проблемам (в 1989 году он даже написал книгу на тему глобальной защиты окружающей среды), поэтому аргумент Черномырдина оказался достаточно весом.

Целый блок проблем в российско-американских отношениях был связан с исключительно выгодной для России торговлей ядерными материалами и их переработкой и порожден довольно тесными военно-техническими связями России и Ирана. В Нью-Йорке Черномырдин подтвердил российскую позицию: Россия строит свои отношения с Ираном на основе соглашений, заключенных еще в 1989–1990 годах; после реализации этих соглашений новые заключаться не будут.

Перспектива того, что Иран получит системы противовоздушной обороны С-300ПМУ, противотанковые ракеты и штурмовую авиацию (не говоря уже о технологии производства баллистических ракет), вызывала ужас в Вашингтоне. Тем не менее руководство США, как правило, демонстрировало поразительную гибкость. В частности, еще в 1995 году, после того как Ельцин и Клинтон встретились в мае в Москве, а Гор и Черномырдин подписали в июле памятную записку, американцы удовлетворились обещанием Москвы в будущем свернуть военно-технические связи с Ираном. Это вывело Россию из-под действия экстерриториального закона д'Амато, вводящего режим санкций против Ирана и Ливии фактически для всех государств, а также открыло возможность присоединения к Вассенарским договоренностям, приходящим на смену известной экспортной системе контроля за поставками стратегических материалов и высоких технологий (КОКОМ).

И все же США продолжали подозревать, что принятые Россией обязательства не выполняются. В связи с этим в 1995 году Америка отказалась продлевать соглашение о сотрудничестве в использовании ядерной энергии на пять лет. Еще более серьезные проблемы возникли с реализацией подписанного еще в феврале 1993 года российско-американского

соглашения по переработке высокообогащенного урана, извлеченного из ядерных боеголовок (того самого договора ВОУ-НОУ). Оно предусматривало извлечение и переработку в течение 20 лет высокообогащенного урана и экспорта в США 500 т низкообогащенного урана в качестве топлива для АЭС. Стоимость соглашения составляла $11,2 млрд.

Слабым местом соглашения (вина за него целиком лежит на тогдашнем руководстве МИДа) оказалось отсутствие механизма оплаты используемого при переработке российского природного урана. Не приводился этот механизм и в исполнительном контракте между Государственной обогатительной компанией США и российским «Техснабэкспортом». До января 1997 года оплата велась на разовой основе, однако после решения о приватизации американской компании проблема осложнилась. США отказались оплачивать природный уран и потребовали вернуть его в Россию, что на самом деле было невозможно, поскольку между Россией и США отсутствовало соглашение о торговле ядерными материалами.

Переговоры, проведенные в начале июня с участием посредников — канадской фирмы Cameco, французской Cogemat и американской Nucam, ни к чему не привели. Как следствие, последние поставки низкообогащенного ядерного топлива в США были сорваны, что создало угрозу реализации соглашения. Ничего нового к этому встреча в ООН Альберта Гора и Виктора Черномырдина не добавила.

Главным итогом встречи Гор — Черномырдин в сентябре 1997 года было не то, что значилось в формальной повестке дня, а то, что обсуждалось в обстановке строгой конфиденциальности в подмосковной резиденции «Бор».

Москва и Вашингтон заключили сделку по вопросу о путях транспортировки каспийской нефти. Россия отказалась от планов по транспортировке азербайджанской нефти. Взамен США пообещали поддержку в вопросе о транзите казахстанской нефти.

Казахстанская и азербайджанская нефть — вполне сопоставимые объемы — в перспективе составляли порядка 60–70 млн т в год. По оценкам, совокупные поступления в российский бюджет от транзита тенгизской нефти могли достичь $23,3 млрд. Причем в этом случае Россия избавлялась от постоянного шантажа со стороны Чечни, так как казахстанская труба проходит к северу от мятежной республики. К тому же выручку за транзит казахстанской нефти не надо было делить с Грозным.

Но, отказываясь от транзита азербайджанской нефти, Москва должна была помочь США в реализации южного маршрута, одним

из главных препятствий на котором был карабахский конфликт. Безопасность трубопровода из Баку к турецкому побережью не мог гарантировать никто, а без согласия России — главного союзника Армении — карабахский конфликт урегулировать было невозможно.

По сути, достигнутое в «Бору» соглашение означало, что Россия согласилась впустить НАТО в СНГ. США при этом обещали не забывать о российских интересах. Обращаясь к Борису Ельцину, Альберт Гор заверил, что США, развивая двусторонние отношения со странами СНГ, никогда не ставили перед собой цель «выдавить» или заменить собой Россию, обеспечив себе какие-то зоны влияния. США, отметил он, готовы вместе с Россией работать над укреплением стабильности и мира в кризисных точках СНГ.

Глава 18
Спасение Ирана
Последняя встреча с Гором

Договоренности президентов были закреплены также секретным соглашением между Гором и Черномырдиным: США закрывают глаза на российско-иранское военно-техническое сотрудничество по ранее заключенным контрактам, а Россия обязуется не заключать новых.

Еще в 1995 году в работе комиссии Гор — Черномырдин возникли противоречия по «иранскому вопросу», которым впоследствии было суждено не только разрушить саму комиссию, но и во многом предопределить поражение Гора на президентских выборах в США. Речь идет о контракте на поставку российского оборудования для производства ядерного топлива в Иран (в том числе газовой центрифуги, из-за которой и разгорелся сыр-бор).

При общем шуме, поднятом западными СМИ по поводу вероятного использования поставляемого оборудования, нигде не приводилось хоть каких-нибудь деталей этой части поставки. Эксперты МАГАТЭ, оценивавшие проект, не обнаружили в нем никакой военной угрозы. Впервые о наличии чего-то такого военного (а именно: газовой центрифуги и неких шахт) в контракте и об изъятии всего этого из контракта стало известно из уст президента Ельцина после нескольких часов его беседы с президентом Клинтоном.

Тогда же на пресс-конференции Борис Ельцин объявил буквально следующее: контракт на поставку ядерного оборудования в Иран легитимен, но в нем есть «элементы мирной и военной энергетики»; военную составляющую из контракта договорились исключить. Фактически снятая проблема передана на рассмотрение комиссии Гор — Черномырдин. Президент Клинтон получил, что доложить конгрессу, у президента Ельцина осталось, что продать Ирану.

Договоренности президентов были закреплены также секретным соглашением между Альбертом Гором и Виктором Черномырдиным: США закрывают глаза на российско-иранское

военно-техническое сотрудничество по ранее заключенным контрактам до 31 декабря 1999 года, а Россия в ответ обязуется не заключать новых.

США, в свою очередь, выделили РФ квоты на запуск американских космических аппаратов (всего по этим квотам было запущено спутников на сумму около $2 млрд).

1998 год стал, пожалуй, триумфом комиссии Гор — Черномырдин. И одновременно, как это ни парадоксально, временем ее лебединой песни. Если поначалу сопредседателям комиссии отводилась роль простых исполнителей президентских договоренностей, то постепенно они приобрели высокую степень автономности. Фактически именно они реально определяли и конкретное содержание, и стратегию взаимоотношений России и США с того момента, когда военно-политическая составляющая российско-американских отношений утратила свое значение, а главной стала экономика.

Мартовская встреча Виктора Черномырдина с Альбертом Гором в США произвела впечатление неординарной коммерческой сделки. Американские нефтяные компании получили доступ к разработке нескольких крупнейших российских нефтяных месторождений: «Сахалина-3», Тимано-Печорского, Приобского и др. Что, впрочем, было выгодно и российскому ТЭК: контрольные пакеты акций новых совместных предприятий окажутся у отечественных компаний, а валютные вливания в ближайшие 15–20 лет составят $70–80 млрд.

ЧВС все же отстоял дальнейшее участие России в строительстве АЭС в иранском городе Бушера. Премьер заявил, что ядерных технологий Тегерану передаваться не будет. И предложил Гору не вмешиваться в российско-иранские отношения. Американцы были вынуждены смириться, тем более что Черномырдин пообещал ужесточить систему контроля за распространением ядерных технологий.

Сложнее ситуация с экспортом в Россию суперкомпьютеров. Американцы продолжали требовать доступа своих специалистов в Арзамас-16, где они должны провести расследование покупки этим ядерным центром суперкомпьютеров компаний IBM и Silicon Graphics. Хотя КОКОМ уже был официально распущен, США не собирались отменять жесткий контроль за экспортом в Россию высоких технологий, которые могут быть использованы в военных целях.

Черномырдин в принципе не возражал против контроля за использованием суперкомпьютеров. Но взамен требовал снятия всех ограничений на их экспорт. Судя по тому, что Черномырдина пригласили в Силиконовую долину и на предприятия,

расположенные в Сан-Хосе, Вашингтон всерьез задумался о том, чтобы позволить американским производителям суперкомпьютеров получать деньги от российских потребителей. По данным американского издания Journal of Commerce, уже в 1997 году экспорт в Россию высоких технологий, контролируемых американским правительством, возрос в шесть раз, достигнув почти $500 млн. Значительную долю поставок составляли как раз компьютеры и программное обеспечение.

Удалось договориться и об участии российских и американских научных центров в совместных программах. Самые впечатляющие совместные проекты были связаны с компьютерными и телекоммуникационными технологиями. Наиболее крупный предполагал создание в России нескольких центров, оснащенных суперкомпьютерами (первый — в Москве в 1998 году). Новые научные центры оснащались машинами фирмы Convex стоимостью $1 млн каждая. Такие машины работали в системе ПРО США.

Большинство проектов предполагало примерно равное долевое участие. Но в ряде случаев Россия должна была закупать дорогостоящее оборудование. Общая стоимость всех проектов составила сотни миллионов долларов.

Кроме того, была достигнута договоренность о продолжении сотрудничества в строительстве и выводе на околоземную орбиту Международной космической станции (одним из камней преткновения в переговорах стал вопрос о ее названии, которое в итоге оказалось сугубо функциональным — Международная космическая станция или МКС).

Но главным в работе X сессии межправительственной российско-американской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству было все же другое.

Российский премьер щедро давал интервью российским и американским СМИ и не затронул в них разве что проблем мирового кинематографа. Словом, вел себя как настоящий кандидат в президенты. Свита Черномырдина при этом понимающе улыбалась. Правда, сам премьер любые разговоры о его возможном участии в президентской кампании 2000 года резко пресекал, чем походил на другого сопредседателя комиссии вице-президента Альберта Гора, который тоже не допускал публичного обсуждения своих шансов стать преемником Клинтона.

А конфиденциальные переговоры Гора и Черномырдина прошли вечером 9 марта, после частного ужина в расположенном на Пенсильвания-авеню Old executive bilding office. В этом самом старом вашингтонском административном здании, построенном в

начале XIX века в колониальном стиле, располагался кабинет Гора.

Вообще говоря, в самом факте такой встречи нет ничего необычного. В международных отношениях неофициальные переговоры являются важнейшим механизмом согласования позиций по самым сложным и деликатным проблемам. Более того, любой высокопоставленный дипломат с богатым послужным списком признает, что мировая политика, собственно, и вершится на такого рода переговорах.

Часть вопросов, которые поднимались 9 марта, действительно имели отношение к мировой политике. Это преимущественно экономические проблемы: поставки российского наступательного оружия Ирану, пути транспортировки каспийской нефти. Принципиально новым вопросом, который обсуждали Гор и Черномырдин, стали перспективы ратификации Думой договора СНВ-2 — в контексте будущих президентских выборов в России и США.

Однако главной сенсацией конфиденциальных переговоров стало именно обсуждение такого сверхдели-катного вопроса, как будущие президентские выборы. Гор дал понять Черномырдину, что эффективность его усилий, направленных на одобрение Думой СНВ-2, станет показателем готовности премьера контролировать политический процесс в стране. Как можно предположить, в случае успеха лоббистской кампании Черномырдина в Думе переговоры с ним о будущих президентских выборах продолжатся.

Вероятно, поэтому Виктор Черномырдин выглядел более чем довольным результатами своего визита в США. Он, по словам очевидцев, был как никогда эмоционален, комментируя работу комиссии Гора — Черномырдина. В частности, глава российского правительства заявил, что деятельность комиссии «вышла за рамки сугубо экономического сотрудничества, она стала важным стабилизирующим фактором российско-американских отношений, придающим им устойчивость и предсказуемость». И подчеркнул, что российско-американское партнерство выдержало испытание временем, «несмотря на наскоки наших политических оппонентов как в России, так и в США».

Альберт Гор тоже остался доволен Черномырдиным. По словам вице-президента, сотрудничество России и США в области контроля над экспортом вооружений, оружейных материалов и товаров двойного предназначения укрепит международный режим нераспространения оружия массового поражения и региональную стабильность.

«Сам факт того, что премьер-министр и я, — заметил Гор

перед совместным посещением Силиконовой долины, — а также наши коллеги с обеих сторон будем беседовать с главами корпораций, играющих лидирующую роль в американской индустрии сверхсложных технологий, показывает, что обе страны больше думают об открывающихся перед ними возможностях, чем о прошлом».

Помимо этих заявлений российский премьер и американский вице-президент подписали доклад президентам о пятилетней работе комиссии Гора — Черномырдина. В документе говорилось, что обе стороны удовлетворены тем, что «российско-американское сотрудничество в экономической и технологической областях стало существенным фактором в укреплении партнерских отношений между США и Россией, обеспечении их устойчивости, предсказуемости и непрерывности». Кроме того, США и Россия будут предпринимать шаги «по расширению доступа на рынки друг друга и созданию необходимых условий для предоставления России статуса наибольшего благоприятствования в торговле на постоянной и безоговорочной основе».

Кроме основного документа, были подписаны совместные заявления и документы по сотрудничеству в области коммерциализации технологий, медицины и охраны окружающей среды, поддержки российского малого и среднего бизнеса, создания системы сельскохозяйственного кредитования, взаимодействия американской Корпорации частных зарубежных инвестиций (ОПИК) с российским Государственным фондом конверсии.

В середине марта Виктор Черномырдин вернулся из США, закончив самый успешный для себя этап работы комиссии Гор — Черномырдин, которая, возникнув в 1993 году как чисто технический инструмент для решения вопросов двустороннего сотрудничества, по существу превратилась в механизм реального взаимодействия России и США. Она очень быстро приобрела функцию стабилизатора двусторонних отношений. В ее рамках обсуждались и решались практически все вопросы российско-американского сотрудничества — от космоса до рыболовства.

Черномырдин так комментировал свою последнюю встречу с Альбертом Гором в рамках комиссии: «Гор официально назван кандидатом в президенты. Но он меня ни разу не спросил: “Вы будете баллотироваться в президенты?” Гор — человек очень умный, высочайшей культуры. Он что, меня вот так бы в лоб спросил, а я ему сказал бы: буду? Я что, извиняюсь, придурок? Недоразвитый? Так что такого никогда и быть не могло. Все было и так ясно: придет время, будет принято решение — или пойду,

или не пойду. Исходя из тех условий, которые складывались в России. <…> И действительно, у нас разные разговоры были с президентом (Б. Н. Ельциным. — Ред.), и о будущем были. Но чтобы я сам вопрос своего президентства подымал? Я не мальчик, не простачок какой-нибудь, чтобы не понимать, что я говорю. Я никогда не переступал эту грань, но никогда и не позволял себя выставить дураком».

До отставки ЧВС оставались считаные недели.

Глава 19
Спасение «семьи»
Отставка ЧВС

Главных итогов отставки Черномырдина было два: практически нулевые шансы экс-премьера когда-либо наследовать Ельцину и превращение окружения президента, так называемой семьи в составе Бориса Березовского, Татьяны Дьяченко, Валентина Юмашева и тесно связанных с ней групп Владимира Гусинского, Михаила Ходорковского и Александра Смоленского, в сильнейшую политическую группировку России.

Еще в январе 1998 года создается новый холдинг «Газпром-медиа», который объединил все СМИ, принадлежащие «Газпрому». Именно этот холдинг станет со временем главным пропагандистским оружием борьбы региональной фронды с Кремлем и президентом Ельциным за власть в стране.

Тогда же, в январе 1998 года, выступая в Давосе, Виктор Черномырдин, говоря о перспективах России в XXI веке, заявил: «Мой оптимизм основывается на глубоком знании моей страны, моей России». Это были слова потенциального президента. Единственное, чего премьер не решился добавить, но подразумевал, — так это «моего народа».

Премьер набирал очки и на внутреннем политическом рынке. В конце февраля 1998 года было принято решение о еженедельных телевизионных выступлениях Черномырдина. Никогда прежде премьер не был замечен в стремлении к публичным, да еще и регулярным выступлениям.

7 марта завершилась реорганизация системы экспорта оружия — Виктор Черномырдин установил над ней полный и окончательный контроль, собираясь, как предполагали эксперты, отдать «Росвооружению» в своей предвыборной кампании 2000 года одну из ключевых ролей. «Росвооружение» — это влияние на регионы. Например, «Росвооружение» договаривается о продаже подлодок класса «Kilo». И заказ оно может разместить в

Комсомольске-на-Амуре, а может — в Санкт-Петербурге. Или по танкам — может убедить импортера купить нижнетагильские «Т-90», а может омские «Т-80». А ведь даже небольшой заказ дает жизнь целому городу, а то и области. И это мощнейший рычаг влияния на население, на местные власти, что можно использовать как на местных, так и на федеральных выборах.

23 марта 1998 года в политической и экономической жизни страны произошло событие, которое в значительной степени определило вектор будущего развития России. Виктор Черномырдин, который долгое время считался самым вероятным претендентом на пост главы государства, был отправлен в отставку вместе со своим правительством. И хотя в будущем ему еще предстояло некоторое время исполнять обязанности премьера, его политическая карьера фактически завершилась.

Обозреватели писали тогда, что ситуация, сложившаяся вокруг отставки Черномырдина с поста премьер-министра, не оставляет сомнений в том, что президент больше не допустит его во властные структуры. Хотя бы только потому, что к весне 1998 года Черномырдин был больше чем просто премьер-министр.

Созданная во время длительной болезни главы государства система госуправления сделала самого президента почти ненужным, прежде всего премьеру. Премьер все чаще и чаще стал делать заявления, которые в другой ситуации должен был делать только президент России, например, упоминавшееся уже выступление в Давосе.

Последней каплей для Бориса Ельцина, видимо, стала информация о той самой конфиденциальной встрече Виктора Черномырдина в неформальной обстановке с Альбертом Гором, во время которой вторые лица США и России как минимум один раз откровенно обсуждали свое видение вопроса, как им стать первыми. Для Черномырдина его встреча с Альбертом Гором, возможно, и вовсе оказалась главным итогом поездки в Америку.

На этом фоне полный контроль над оружейным экспортом, установленный премьером, и мощнейшая финансово-промышленная группировка, сформировавшаяся вокруг него, не увеличивали его шансы остаться главой правительства.

Кроме того, судя по всему, Ельцин стал подозревать, что Черномырдин — не самая лучшая кандидатура на звание преемника первого президента России. Таким образом, обозреватели уверенно констатировали политическую смерть казавшегося сверхмогущественным премьера.

Главных итогов отставки Черномырдина было два: практически нулевые шансы экс-премьера когда-либо наследовать Ельцину и превращение окружения президента, так называемой

семьи в составе Бориса Березовского, Татьяны Дьяченко, Валентина Юмашева и тесно связанных с ней групп Владимира Гусинского, Михаила Ходорковского и Александра Смоленского, в сильнейшую политическую группировку России.

Этому есть следующее объяснение.

Отставка премьера, долгое время казавшегося непотопляемым и считавшегося без пяти минут официальным преемником Бориса Ельцина, стала следствием хорошо продуманной и тщательно организованной интриги. Как бы ни пытались представители Кремля и Белого дома объяснить отставку Черномырдина, есть все основания утверждать, что главным организатором смещения премьера стал предприниматель Березовский. Однако одни только аналитические способности не помогли бы советнику главы президентской администрации, не опирайся он на активную поддержку Юмашева и Дьяченко, а также на стратегический альянс с Владимиром Гусинским и рядом влиятельных банков.

Насколько можно судить по информации, имеющейся в распоряжении СМИ, решение убрать Черномырдина окончательно созрело в феврале 1998 года. Главной причиной этого стала самостоятельность премьера и невозможность для «семьи», в которой роль главного финансового консультанта уже давно принадлежала Березовскому, обеспечить автоматическую реализацию всех принимаемых в узком кремлевском кругу экономических решений. Усиливаясь в той мере, в какой слабела держащая бразды управления государством президентская длань, Черномырдин постепенно превратился в неприступную крепость, пробить которую оказывалось нелегко даже такому тарану, как Березовский.

В январе-феврале уже ни для кого не было секретом, что отставка Чубайса, которой так добивались Березовский и Гусинский, невозможна до тех пор, пока в кресле премьера сидит Черномырдин. Первый вице-премьер не только обладал опытом практического управления экономикой, но и представлял собой ценность как оружие, которое могло быть эффективно применено против любой из господствующих финансово-промышленных группировок. Такое оружие премьер, стремившийся к установлению жесткого, хотя и неформального контроля над всеми ключевыми ФПГ (финансово-промышленные группы. — Ред.) страны, выпустить из своих рук не мог.

Смена премьера представлялась необходимой «семье» еще и в силу растущих в обществе подозрений относительно стопроцентной адекватности главы государства. Несмотря на усилия контролируемых Березовским и Гусинским телеканалов,

заявления, подобные тем, которые делал в США Александр Лебедь, публично ставивший под сомнение способность Бориса Ельцина управлять страной, постоянно возбуждали у широкой общественности подозрения, что информация о реальном состоянии здоровья президента от граждан России по большей части скрывается.

Для Березовского этот аспект имел и сугубо практическое значение — благодаря тесной связи с Юмашевым и Дьяченко Ельцин стал более или менее прогнозируемым, а его реакции на ту или иную информацию — просчитываемыми. Это означало, что президент в принципе оказывался управляемым. Для «семьи» принятие решений через Ельцина стало более простой задачей, чем лоббирование их через правительство. В этой ситуации спасти Черномырдина не могло уже ничто.

Как стало известно из источников в Кремле, на первом этапе интриги ключевая роль принадлежала Татьяне Дьяченко, которая обеспечила плотный поток информации о быстром усилении Черномырдина и все большем сосредоточении в его руках властных полномочий. «С этим премьером президент излишен» — таков был рефрен всех информационных сообщений, ложившихся на стол Бориса Ельцина.

На втором этапе в активную игру вступил глава Службы внешней разведки Вячеслав Трубников, предоставивший президенту подробные отчеты о пребывании в США Черномырдина и о тех кулуарных переговорах, которые премьер вел один на один с вице-президентом США Альбертом Гором. Лейтмотив этих отчетов был таков: Черномырдин ведет себя как реальный глава государства, и его все в этом качестве воспринимают; Ельцин в расчет уже не принимается. (Трубникову воздалось: после отставки правительства Ельцин дал понять, что главе СВР не стоит беспокоиться за свое кресло.)

Последовавшая затем поездка Черномырдина в Одессу, на четырехсторонние переговоры с украинским президентом Кучмой, молдавским Лучинским и главой Приднестровья Смирновым, показала, что Ельцин уже достаточно подготовлен. Его гневный звонок Черномырдину: «Кто тебя туда посылал?!» — был очевидным сигналом, что премьер на краю пропасти.

Последней каплей стала информация о всенародном празднике по случаю 60-летия В. С. Черномырдина. Массовое паломничество чиновников, региональных руководителей, бизнесменов, банкиров, иностранцев и культурной элиты; подарки — начиная от автомобилей и гобеленов с портретом премьера и заканчивая специально записанным диском Людмилы Зыкиной; напыщенные речи и славословия — рассказ обо всем

этом, умело поданный, буквально взорвал Бориса Ельцина. Указ об отставке Черномырдина с поста председателя правительства оказался на президентском столе очень кстати.

Для Черномырдина отставка не стала полной неожиданностью. Хотя в субботу 21 марта он еще питал надежду, что пронесет. Возможно, ускорило отставку то, что Чубайс, понимавший неизбежность краха премьера, решил сыграть самостоятельно. Вернувшись в субботу в Белый дом после длительного разговора с президентом, Черномырдин встретился со всеми ключевыми сотрудниками аппарата правительства. И признался, что Чубайс его «предал».

В деталях события 21-го и утра 23 марта неизвестны, однако очевидно, что Черномырдин и Чубайс, не сговариваясь, противодействовали попыткам Березовского и «семьи» провести на пост премьера Ивана Рыбкина, в преддверии черномырдинской отставки введенного в состав правительства в ранге вице-премьера по СНГ. В списке, который сформировался в результате сложных интриг и был положен Юмашевым на стол президента, как утверждает информированный источник в Кремле, были четыре фамилии: Строев, Рыбкин, Кириенко, Немцов. Поскольку первая и последняя кандидатуры почти сразу отпали (Строев был бы шоком для Запада, Немцов — для Думы), реальная борьба развернулась между «номером два» и «номером три».

В этой борьбе Березовский проиграл. Возможно, сказалось недоверие Ельцина к советнику Юмашева; возможно, сказали свое слово участвовавшие в интриге на вторых ролях Ястржембский и Лившиц. Как бы то ни было, но и. о., а вскоре и председателем правительства стал нижегородский выходец Сергей Кириенко, массовым сознанием воспринимаемый как человек Немцова.

На самом же деле все последние месяцы перед своим назначением Кириенко находился в поле сильнейшего влияния Черномырдина — премьер и министр топлива и энергетики часами просиживали вдвоем в премьерском кабинете, а отношение руководства аппарата правительства к Кириенко разительным образом отличалось от отношения к Чубайсу.

В первые часы после объявления отставки Черномырдина в Доме правительства царило замешательство. Утром члены кабинета молча выслушали прощальную речь премьера. При этом их лица не выражали никаких эмоций. Только Анатолий Куликов был мрачнее тучи. Борис Немцов же, казалось, оставался вполне доволен происходящим. А когда пришло известие о назначении и. о. премьера Сергея Кириенко, первый вице-премьер не смог скрыть своей радости — словно главой правительства стал он сам, а не его бывший подчиненный. Оба нижегородца с

удовольствием позировали перед камерами, демонстрируя свою дружбу.

Черномырдин всем своим видом старался внушить окружающим, что президент принял единственно правильное решение и он за это ему благодарен. Только один раз бывший премьер сорвался. Когда его — уже, наверное, в десятый раз за день — спросили, за что же Ельцин все-таки уволил правительство, Черномырдин долго не мог произнести что-нибудь членораздельное, а потом, справившись наконец с волнением, вдруг ни с того, ни с сего брякнул: «Нам ударили в спину. Цены на нефть резко упали».

Анатолий Чубайс и его помощники усиленно демонстрировали радостное оживление. По словам бывшего первого вице-премьера, он положил заявление об уходе на стол президента еще 5 февраля. Ельцин долго колебался, но в конце концов уступил, подписав указ об отставке. Чубайс пытался внушить журналистам, что он и так слишком надолго задержался в коридорах власти — на целых восемь лет, если считать с должности первого зампреда ленинградского горисполкома. Пора, по его словам, приобретать иной жизненный опыт. Работники секретариата Чубайса тоже не выглядели расстроенными. Большинство из них уже привыкли переходить вслед за шефом с одного места работы на другое.

Что касается помощников Немцова, то они радовались, хотя и сдержанно, сразу двум вещам — отставке Черномырдина и расширению за счет Чубайса полномочий своего босса. При этом многие злорадствовали: Чубайс, дескать, все заносился, а в Белом доме остался не он, а Немцов. Помощник несменяемого, по выражению Ельцина, до 2000 года первого вице-премьера с подчеркнутой усталостью в голосе признался: «Шеф теперь работает за троих». «Ага, две недели в году можно и поработать», — вяло огрызнулся случившийся рядом «чубайсовец».

В приемной первого вице-премьера и исполняющего обязанности главы правительства Кириенко в первые два дня его работы в новом качестве столпотворения не наблюдалось. Почти все рабочее время и. о. премьера проходило в консультациях с парламентариями на их территории. Его секретариат также удобно устроился на два дома — в Китайгородском проезде (в Минтопэнерго) и на Краснопресненской набережной. Очень удобно, кстати, чтобы скрываться от нежелательных гостей: для них ты всегда находишься «на пути» с набережной в Китайгородский проезд или наоборот. Однако начиная со среды поток посетителей Кириенко стал постепенно перемещаться из

Минтопа в Белый дом. Телефоны стали трезвонить значительно чаще. Срочно понадобились новые сотрудники для секретариата Кириенко, и многим помощникам Чубайса предложили поменять хозяина.

Собственно, неожиданностью отставка кабинета стала отнюдь не для всех. Некоторые высокопоставленные чиновники начали готовиться к ней еще заранее — в субботу, если не в пятницу. Черномырдин, например, уже 21 марта начал освобождать кабинет от вещей, скопившихся в нем за 63 месяца его премьерства, — палех, хохлому, книги выносили до самого вторника. Привыкший к постоянной перемене рабочих мест Чубайс очистил помещение всего за один день, во вторник. Куликов, который редко появлялся в Белом доме, вообще личных вещей в своем кабинете не имел.

Но на широкие аппаратные массы известие об отставке всего правительства свалилось как снег на голову. Шок от увольнения премьера оказался, по-видимому, настолько сильным, что аппаратчики продолжали работать так, будто ничего не случилось. Официальные комментарии — вроде того, что дал директор департамента культуры и информации Игорь Шабдурасулов, — сводились к тому, что «никакой паники и не может быть», ведь президент велел правительству Черномырдина исполнять обязанности до того, как будет сформирован новый кабинет. Сотрудники бесповоротно уволенных Чубайса и Куликова оценивали ситуацию более трезво: «Ничего, скоро проснутся, забегают, засуетятся и вовсе перестанут работать».

Первыми встрепенулись, понятное дело, охрана и служба режима. И тут же опровергли прогнозы отставников, начав работать с каким-то особенным рвением. «Самые обычные бумажки, которые нужно заверять у охраны по каким-то ветхозаветным инструкциям, вдруг начали вызывать у них жгучий интерес, и они даже перезванивают моему шефу, требуя дополнительных подтверждений», — пожаловался один чиновник. Впрочем, бдительность охраны и «режимщиков» понять можно. Белый дом ожидал великого переселения народов, самого крупного с конца 1992 года. Уволен премьер и два его заместителя. А значит, зашатались кресла под многими из почти 1300 жителей здания на Краснопресненской набережной. И на всякий случай нужно более бдительно следить за перемещениями бумаг, людей, оргтехники, наконец.

Потом очнулись кадровики — ведь им предстояло оформить несколько десятков переводных и увольнительных дел.

В отношении секретариата Чубайса все ясно: все без исключения его сотрудники еще в марте 1997 года были

предупреждены о том, что в случае увольнения шефа они будут также уволены. И никаких компенсаций, положенных по КЗОТу, им не видать.

Иное дело — секретариат Черномырдина. Там большинство сотрудников работали с незапамятных времен и были надежно защищены трудовым законодательством. «Хотел бы я посмотреть на того кадровика, который осмелился бы прийти до прошлого понедельника к черномырдинским ребятам и заявить, что они будут уволены тогда же, когда и сам “лучший премьер-министр России”», — объяснение социальной стабильности на пятом этаже Белого дома было настолько же простым, насколько верным.

«Тут самое главное — вовремя подать заявление на очередной отпуск», — делился своим опытом выживания в аппаратных передрягах помощник одного из вице-премьеров. В обычное время отгулять полный отпуск чиновнику некогда, поэтому у более или менее ответственных сотрудников накапливаются неиспользованные дни, и такой «экстренный» отдых может спокойно длиться дней сорок. После него «кадры» вручают уведомление об увольнении и начинают подыскивать отставнику новую работу. На это им отводится два месяца, в течение которых чиновнику полностью выплачивается зарплата. «Вот только премии мы не получаем, — сокрушался один из них. — Впрочем, — оговаривался он, — зато и на работу почти не ходим».

Ну и, наконец, последними проснулись рядовые чиновники. Они осознали происходящее во вторник, во второй половине дня. Казавшийся очень спокойным Черномырдин собрал около двухсот сотрудников своего аппарата для официального прощания. Обставил он его так, чтобы у присутствующих не возникло ни малейшего подозрения в том, что его банально сняли с должности за провалы в работе. Наоборот, президент перебросил премьера на еще более тяжелый и ответственный участок работы — подготовку выборов-2000. Все с пониманием приняли игру бывшего шефа. Ему преподнесли роскошный букет, а несколько рядовых аппаратчиков выступили, высоко оценив деятельность бывшего премьера и подчеркнув, что без него России было бы еще хуже. Правда, никто из начальников департаментов к собравшимся не присоединился.

Попрощавшись за полчаса с премьером — многие из присутствовавших видели его вживе впервые в жизни, — обитатели Белого дома вернулись к своему обычному распорядку, продолжив готовить заседания правительственных комиссий, которые неизвестно кто и когда будет проводить, писать справки, читать газеты и, конечно же, обсуждать новичков.

«Новенький-то — в кабинет Чубайса переехал». — «Правильно. Не к ВЧ (В. С. Черномырдин. — Ред.) же ему вселяться». — «Смотри-ка, и машина ему не Степаныча досталась». — «Да, обыкновенный “мерс”…»

«А табличку с куликовского кабинета еще не сняли». — «А с чубайсовского кто-то из его же секретариата свинтил табличку». — «Понятно, раритет…»

«И Бабичев, говорят, пакует чемоданы». — «Да нет, ВЧ договорился с Кириенко, что он останется руководителем аппарата…»

«А Вяхирев в “Газпроме”, говорят, зарезервировал 200 штатных единиц для ВЧ». — «Ну и слава богу, без работы не останемся…»

Будучи отправленным в отставку, Черномырдин фактически вошел в историю. Он пробыл на посту премьера почти семь лет (считая год на посту председателя Совета министров РСФСР), в самые критические годы для России, с начала «рыночного перелома» до первого «рыночного» кризиса и дефолта. Любое экономическое и политическое событие, которое происходило в этот период в России, было так или иначе связано с премьером. Без преувеличения можно сказать, что в 1990-е годы ЧВС, как называли Виктора Степановича Черномырдина, был «наше все».

Реакция страны на отставку Черномырдина еще раз продемонстрировала тщету социологии. Вопреки опросам оказалось, что народ, сам того не подозревая, симпатизировал своему премьеру.

Подлинные причины отставки правительства Черномырдина в марте 1998 года стали известны позже. А предкризисной весной о них оставалось только гадать, выдвигая более или менее правдоподобные версии. Истинной могла оказаться даже та, которую в апреле сердцах предложил Виктор Черномырдин: «Нам ударили в спину. Цены на нефть резко упали». До этого никто, пожалуй, ни разу не слышал даже намека на то, чтобы отставки российских или советских премьер-министров были вызваны падением цен на нефть. Виктор Черномырдин был первым, кто «проговорился». А ведь его слова, как оказалось, близки к истине: между динамикой цен на нефть и отставками премьеров действительно существует какая-то мистическая (а может, не мистическая вовсе) связь.

Практически сразу после отставки в интервью «Коммерсанту» Черномырдин дал оценку работы своего правительства и объяснил причины отставки. «Я не хочу сказать, что у прежнего правительства не было ошибок, — сказал он, — ошибки были, мы их видели, признавали, исправляли безо всяких каких-то там

амбиций. Но главное, что была создана система, она работает, написаны законы, которые не позволят вернуть страну назад. Тут у нас с президентом разночтений не было и нет. <…> Я проработал в правительстве пять с половиной лет. За это время много чего было. Правительство менялось, и не один раз. Из тех, кто начинал со мной, осталось два или три человека. Поэтому моя оценка того, почему все это произошло, заключается в следующем. Был один Черномырдин, находившийся всегда, как говорили, в тени президента, всегда второй, — появился другой Черномырдин, для которого настала пора перейти в другую сферу — в политическую. Для меня в том, что произошло, никакой трагедии нет».

Отвечая на вопрос о том, не возникало ли у него хоть раз желание хлопнуть дверью и уйти, Виктор Степанович твердо ответил: «Нет. Никогда». «И я вам скажу откровенно, — признался он, — я никогда никого не боялся и ничего не боялся. Я никогда не допускал того, что не положено делать руководителю, не допускал того, что не должен делать председатель правительства».

В заключение он добавил: «Я не люблю неясностей. Вы же помните, сколько было разговоров о том, что, как только Черномырдин уйдет из премьеров, его на третий день забудут. Как будто все эти шесть лет вроде как без Черномырдина прошли. Ничего подобного.»

Поручение президента «заниматься политической подготовкой к выборам 2000 года», которое он дал премьеру, вроде бы означало, что все пути к возрождению Черномырдина перекрыты. Он не мог уйти, например, в крупный бизнес и примкнуть к так называемым олигархам: подготовка к независимым и честным выборам, ведущаяся из офиса «Газпрома», не была бы понята на Западе. Ну, а стать по-настоящему общественным деятелем Черномырдину было невероятно трудно. До тех пор его влияние было, как говорится, «назначенным». Оно полностью опиралось на его служебное положение. И крупные финансово-промышленные группы лишь потому поддерживали Виктора Степановича, что именно он был премьер-министром. А сам он никогда не был генератором идей. Премьер-министр так и не стал публичным политиком, тонко чувствующим настроения избирателей, да и политическая база его была чрезвычайно слаба. Общественное движение «Наш дом — Россия», как и крупные корпорации, скорее ориентировалось на действующего премьер-министра.

Глава 20
Спасение «Роснефти»
Конфликт с Березовским

Недовольство Березовского условиями конкурса по «Роснефти» тоже могло сыграть довольно важную роль в роспуске кабинета. «Роснефть» на тот момент была последней неприватизированной нефтяной компанией, и притом компанией достаточно крупной: хотя по объему добычи она занимала лишь скромное девятое место в стране, тот, кому она доставалась, способен был радикально изменить соотношение сил на российском нефтяном рынке в свою пользу.

Хотя Борису Березовскому и удалось добиться увольнения Виктора Черномырдина, премьер сумел, уходя, хлопнуть дверью. 20 марта, то есть за три дня до отставки, он утвердил условия конкурса по приватизации компании «Роснефть», которые совершенно не устраивали Березовского. Черномырдин установил, что на торги будут выставлены 75 % плюс одна акция «Роснефти», в то время как Березовский — один из наиболее реальных претендентов на покупку компании — хотел, чтобы выставлены были лишь 50 % плюс одна акция. Меньший пакет обошелся бы дешевле, а с точки зрения контроля над предприятием особой разницы нет.

Так что недовольство Березовского условиями конкурса по «Роснефти» тоже могло сыграть довольно важную роль в роспуске кабинета. «Роснефть» на тот момент была последней неприватизированной нефтяной компанией, и притом компанией достаточно крупной: хотя по объему добычи она занимала лишь скромное девятое место в стране, тот, кому она доставалась, способен был радикально изменить соотношение сил на российском нефтяном рынке в свою пользу.

Для правительства с самого начала было важно, чтобы такая ценная компания была, во-первых, продана как можно дороже, а во-вторых, чтобы условия конкурса были, по словам его

организаторов, как можно более честными — ведь в нем решили участвовать столь серьезные структуры, что явное подыгрывание какой-либо одной из них неизбежно вызвало бы жесточайший скандал (вроде того, который произошел со «Связьинвестом»).

Скоро выяснилось, что и стартовая цена «Роснефти» окажется немаленькой — опыт «Связьинвеста» показал, что за компании такого масштаба правительство может выручать миллиарды долларов. Претенденты на участие в конкурсе стали искать способы выхода из ситуации.

И без того небедные «Газпром» и «ЛУКОЙЛ», например, заключили между собой альянс и, кроме того, привлекли к участию именитую англо-голландскую корпорацию Shell. Это событие выглядело настолько важным не только для двух российских компаний, но и для всей страны, что на церемонии подписания документов присутствовал сам премьер Черномырдин. А на аналогичной церемонии заключения союза между «ОНЭКСИМбанком» и британской British Petroleum присутствовал британский премьер Тони Блэр.

Березовский пошел другим путем. Подконтрольная ему нефтяная компания «Сибнефть» при посредничестве Романа Абрамовича заключила альянс с нефтяной компанией Михаила Ходорковского ЮКОС, образовав крупнейшую в стране нефтяную компанию ЮКСИ. В ходе подготовки к конкурсу по «Роснефти» Березовский заявил, что иностранцев к участию в нем допускать не следует — по соображениям национальной безопасности. Однако правительство сразу отвергло его доводы, так как понимало: без иностранцев выручить миллиарды долларов за «Роснефть» невозможно. Кроме того, оно подозревало, что патриотически настроенным Березовским движет прежде всего меркантильный интерес.

Вряд ли Черномырдин, например, забыл историю с попыткой Березовского, в его бытность еще заместителем секретаря Совета безопасности, войти в совет директоров «Газпрома» именно под лозунгом обеспечения национальной безопасности. Однако премьеру и главе «Газпрома» Рему Вяхиреву было очевидно, что на самом деле Березовский хочет, как выразился один аналитик, «превратить “Газпром” во второй “Аэрофлот”», то есть, даже не будучи крупным акционером компании, поставить ее финансы под свой контроль.

Черномырдин и Вяхирев приложили поистине титанические усилия, чтобы не допустить тогда проникновения Березовского в «Газпром», однако, понимая, насколько влиятелен их противник, решили не засвечиваться и отдать лавры главного защитника газпромовского совета Борису Немцову. И судя по реакции СМИ,

им это удалось.

Черномырдин, по его собственным словам, с самого начала поддерживал вариант с 75 % плюс одной акцией. И ничто не мешало ему утвердить такие условия конкурса раньше, все необходимые для приватизации «Роснефти» документы в аппаратах министерств были уже подготовлены и легли в папку премьера. Ему требовалось выбрать лишь цифру — 75 % или 50 %. Но премьер вдруг начал медлить.

В начале марта в интервью западным газетам Березовский недвусмысленно давал понять, что на выборах-2000 он, скорее всего, поддержит кандидатуру Черномырдина. Ну, а чего стоила поддержка контролирующего ОРТ Березовского, хорошо известно.

Возможно, Виктор Степанович просто решил подыграть близкому ему «Газпрому». Только на его финансовую мощь он мог по-настоящему положиться в ходе подготовки к президентским выборам. К тому же и Черномырдин, и Березовский настолько привыкли манипулировать другими людьми, что просто не в состоянии были допустить, чтобы кто-то использовал их самих. Впрочем, начиная со своей отставки, Черномырдин на долгое время оказался в непривычной ему роли манипулируемого.

Кстати, в том же 1998 году, когда Борис Ельцин освободил Черномырдина от должности премьер-министра, правительство немедленно предъявило «Газпрому» требования выплаты налоговой задолженности. Компания была вынуждена заплатить огромные налоги. Тогда «Газпром» впервые показал убытки.

Глава 21
Спасение соратников
Выдвижение в президенты

30 марта 1998 года Борис Ельцин заявил, что не собирается выдвигать свою кандидатуру в 2000 году. Поводом послужили слова Виктора Черномырдина, заявившего днем ранее, что он «принял решение выдвигаться как кандидат в президенты».

По всем российским политическим канонам отставка Виктора Черномырдина должна была поставить крест на движении «Наш дом — Россия». Например, уже на следующий день член политсовета «Нашего дома» — губернатор Саратовской области Дмитрий Аяцков — поспешил заявить, что «НДР стояло на соломенных ногах, и это здание быстро сгорит». Однако 25 марта произошла сенсация. Из 178 членов политсовета НДР на заседания редко приезжало более 100 человек. В тот раз явились ни много ни мало 120! Представительным оказался и список гостей политсовета, среди которых были первый заместитель главы администрации президента Юрий Яров, главы «ЛУКОЙЛа» Вагит Алекперов и «Газпрома» Рем Вяхирев. Через полчаса после начала политсовета в зале появился и Александр Шохин, с трудом добравшийся до Москвы.

Заседание политсовета было совершенно, абсолютно необычным. Обычно мероприятия НДР проходили до зевоты мирно. Это была едва ли не единственная политическая организация, в которой соблюдали регламент, выступали спокойно, а заседание исполкома могло закончиться даже раньше положенного. Другой характерной особенностью заседаний руководящих органов НДР было отсутствие славословий в адрес руководства.

Политсовет, на котором Черномырдин впервые выступал в роли общественного деятеля, поломал обе традиции. Практически все ораторы перебирали регламент и хвалили экс-премьера. «Наше движение получило руководителя, которому другие позавидовать могут!» — похвастался депутат Павел Бунич. Его думский начальник Шохин пошел еще дальше: «У нас есть две

новости: одна хорошая, другая очень хорошая. Хорошая — это то, что у нас есть полноценный лидер. А очень хорошая — нам будет теперь жить и работать лучше и веселее». Окончательное сходство с митингом в поддержку Черномырдина политсовет приобрел после того, как оренбургский губернатор Владимир Елагин загодя осудил потенциальных отступников: «Пусть произойдет очищение НДР и консолидация здоровых сил!»

То есть активисты политсовета не считали Черномырдина отыгранной фигурой. «У нас есть два козыря, которыми мы можем воспользоваться: хорошие отношения с региональными лидерами и поддержка ТЭКа», — объяснил один из функционеров НДР. Это подтвердил и один из присутствовавших на политсовете представителей «Газпрома»: «Черномырдин не Гайдар, у него есть и авторитет, и влияние. Наконец, и с Ельциным он расстался почти по-хорошему — надо только, чтобы он на хозяйственную работу не ушел, а то его тянет туда».

Выступление самого Виктора Черномырдина сразу заставило вспомнить: он уже не премьер, а НДР, оказывается, уже не партия власти. Подчеркнув, что отставка правительства «для страны не катастрофа» (с ударением на «для страны»), Черномырдин не только оставил за НДР право критиковать правительство за ошибки, но и заявил, что рейтинг власти падает.

Впрочем, больше он говорил о делах своего движения, а не о делах власти. НДР был подвергнут жесточайшей критике. «Легко было устроить движение, имея в лидерах председателя правительства, можно было смотреть сквозь пальцы на отсутствие внятной идеологии, активной публичной политической деятельности, провалы в оргработе. Сегодня все это кончилось», — сказал Черномырдин. По словам экс-премьера, НДР нужно отказываться от «привычной роли простой подпорки» исполнительной власти, искать новые эффективные формы деятельности, привлекать новых людей, «раскручивать новые имена», «выйти из кабинетов, в которых НДР порядком засиделось».

Еще резче выступил Шохин, предложивший Владимиру Бабичеву определиться. Реакция Бабичева могла удивить кого угодно. Критику премьера он выслушал, не моргнув глазом, а во время выступления Шохина еле скрывал довольную улыбку. Причину такого, на первый взгляд, неадекватного поведения объяснил один из внештатных консультантов руководства НДР: «Он хочет остаться руководителем аппарата правительства. В этом же заинтересован и Черномырдин, который уже рекомендовал Кириенко сохранить Бабичева. Пока Бабичев сидит в Белом доме, Черномырдин сохраняет возможность влиять на

правительство». В то же время демонстративный уход председателя исполкома со своего поста в НДР нанес бы по позициям Черномырдина серьезный удар: «Им обоим выгодно, чтобы картина предстала таким образом, что Бабичева убрали за неумение работать в новых условиях. В то же время выдвижение лидера парламентской фракции на первые роли будет выглядеть вполне логичным».

Поручив Шохину роль публичного политика и добившись того, что Бабичев останется в аппарате правительства, экс-премьер, возможно, восстановит НДР в том виде, в каком он привык им руководить, — бюрократический аппарат с приложением в виде общественнополитического движения.

Предвыборный штаб экс-премьер организовал в новом офисе на Большой Полянке, проигнорировав штаб-квартиру движения «Наш дом — Россия» на проспекте Сахарова. Известие о том, что Черномырдин снимает себе новый офис, на проспекте Сахарова встретили как приговор: «Он нас бросил…» Если бы речь шла только об удобном офисе для Черномырдина, его переезд не вызвал бы столь резкой реакции у функционеров НДР. Большинство связывало местоположение его нового офиса с планами Черномырдина на будущее.

Но с первых же дней карьеры публичного политика Черномырдин стал подчеркивать, что недоволен положением дел в НДР. Однако он мог себе позволить критиковать «бюрократический стиль работы исполкома», сетовать на то, что «никак не вырастем из коротких штанишек роли партии при губернаторе», только на первых порах. Потому что все более четко вставал вопрос о личной ответственности лидера движения.

Если бы экс-премьер выбрал в качестве своей штаб-квартиры любое из помещений НДР, ему бы волей-неволей пришлось вникать в конфликт между Бабичевым и Шохиным, разбираться в других, более мелких и еще более неприятных вопросах. Лидер НДР был бы вынужден заниматься кропотливой и неблагодарной работой по реанимации региональных структур движения.

Однако Черномырдин нашел выход, который освободил его от этой тяжелой доли. Он отошел в сторону от повседневной работы в движении, поставив перед собой большую цель — создать на базе НДР «новую политическую партию, призванную объединить демократические силы России». Тем самым Черномырдин снял с себя ответственность за текущее положение дел в НДР.

Заниматься формированием коалиции, находясь в кабинете на Сахарова, было бы просто невозможно — ведь в соседнем кабинете сидел бы Бабичев, неоднократно целенаправленно и не

без успеха торпедировавший любые попытки создания коалиций. Черномырдину был нужен офис, в котором он воспринимался бы не столько как лидер покосившегося «Нашего дома», сколько как общенациональный лидер всех демократических партий и движений.

Стратегически он не ошибся. Еще 30 марта 1998 года Борис Ельцин заявил, что не собирается выдвигать свою кандидатуру в 2000 году. Поводом послужили слова Виктора Черномырдина, заявившего днем ранее, 29 марта, в субботу, что он «принял решение выдвигаться как кандидат в президенты». Экс-премьер стал первым российским политиком, объявившим о готовности баллотироваться в президенты и не получившим гневной отповеди со стороны Ельцина. Но и откровенного одобрения — тоже.

Объявляя о желании баллотироваться на пост президента, Черномырдин шел на большой риск. В случае негативной реакции Ельцина экс-премьер был бы в одночасье выкинут из политической элиты России, как в свое время это случилось с Александром Лебедем. Кроме того, судя по опыту предыдущей кампании, реальные кандидаты объявляли о своем участии не раньше чем за полгода до дня голосования. Впрочем, у премьера не было другого выбора. Сразу после отставки экс-премьер безуспешно добивался встречи с Ельциным. Последний раз они виделись 23 марта 1998 года, в день объявления об отставке премьера. По сведениям СМИ, Черномырдин ждал, что Ельцин предложит ему «какую-нибудь хозяйственную должность». Например, в РАО «Газпром». Однако ни встречи, ни предложения не последовало. Черномырдину явно дали понять, что у него нет другого выхода, кроме как сосредоточиться на «подготовке выборов-2000».

В то же время окружение экс-премьера и его соратники по НДР фактически требовали от своего лидера определиться с политическими перспективами. Что он и сделал в субботу, 29 марта 1998 года, заявив о президентских амбициях.

Тем паче, в окружении премьера тогда стали настойчиво вспоминать Леонида Кучму, который в 1992–1993 годах был премьер-министром, представлявшим интересы промышленных кругов Украины при первом президенте Леониде Кравчуке. Кучму тоже отправили в отставку. За год до его победы на президентских выборах.

Поддержка (точнее, отсутствие неодобрения) со стороны президента стала для Черномырдина приятной неожиданностью. Однако Ельцин не был бы Ельциным, если бы не добавил в бочку меда ложки дегтя. Одобрив решение Черномырдина, президент

сказал, что экс-премьер объявил о своем решении «чуть-чуть не так». Днем раньше «Интерфакс» распространил мнение высокопоставленного сотрудника администрации президента, который заметил, что «пока рано определенно говорить о том, является ли Черномырдин тем самым возможным официальным преемником Ельцина, о выдвижении которого не раз говорил президент». Еще более конкретно высказался советник Валентина Юмашева Борис Березовский. «Политическое будущее Черномырдина теперь зависит от одного — насколько он способен быть самостоятельной личностью, — заявил Березовский. — Есть ли у него такие же качества, как у Ельцина, и такая же сила воли, покажет время». «Президентами не рождаются, президентами становятся», — отметил Березовский.

И недомолвка Ельцина, и намек анонима из администрации президента, и вполне определенное заявление Березовского поставили Черномырдина в двусмысленное положение.

С одной стороны, политические и финансовые ресурсы, которые мог аккумулировать экс-премьер, намного превосходили ресурсы остальных кандидатов в президенты. «Черномырдин вне зависимости от должности, которую занимает, будет иметь вес в глазах губернаторов, они могли с ним ссориться и мириться, но все равно он для них свой», — заявил эксперт из администрации президента. Немаловажным козырем Черномырдина-кандидата было то, что его как политика признали на Западе. Об этом говорил и потенциальный соперник Черномырдина лидер КПРФ Геннадий Зюганов. «На тайных переговорах с Гельмутом Колем в Прибалтике и в ходе состоявшейся встречи с Альбертом Гором Черномырдин, видимо, получил от них карт-бланш на этот шаг», — с горечью заявил Зюганов, потративший в свое время немало сил на то, чтобы завоевать признание зарубежных лидеров.

Однако главным политическим ресурсом кандидата в президенты Черномырдина была опора на Кремль. Поэтому помощь была нужна ему «здесь и сейчас», а не когда-нибудь потом.

Черномырдину не было вовсе отказано в поддержке. Однако предложение «поработать, а там посмотрим» можно расценить и как закамуфлированное нежелание эту поддержку оказывать.

Есть такой известный анекдот. Комиссия приходит в психбольницу и видит пациентов, бросающихся в пустой бассейн с двухметровой вышки. «Что ж вы делаете?!» — с изумлением спрашивают члены комиссии у ныряльщиков. «Будем хорошо себя вести, нам и воду нальют». В роли такого ныряльщика и выступил на тот момент Виктор Черномырдин. И время показало, что воду

в бассейн ему так и не налили.

Глава 22
Спасение традиции
Юбиляр

В 1998 году к 60-летию Черномырдина готовились как к всенародному празднику. Культурную часть должны были обеспечить Никита Михалков и Людмила Зыкина (предполагалось, что она исполнит специально написанную к юбилею песню). Губернаторы и предприятия намечали на этот день торжественные заседания. Региональная пресса готовилась освещать юбилейные мероприятия. Отставка нарушила все планы — всенародного праздника не получилось.

Будучи премьером, Виктор Черномырдин обычно отмечал свой день рождения дважды: в Москве и на родине, в деревне Черный Отрог Оренбургской области.

Ритуал московского праздника был проработан до мелочей. С самого утра 9 апреля в приемную Черномырдина подтягивался народ с букетами, поздравительными адресами и подарками. Тут были и губернаторы, и руководители крупных компаний. Конечно, в кабинет пускали не всех. Запись начиналась за два месяца. Потом секретариат Черномырдина определял, кто будет поздравлять премьера лично, а кто заочно — прислав курьера с букетом и адресом.

Все знали страсть Черномырдина к охоте, поэтому и подарки дарили соответствующие — ружье, охотничьи рюмки в виде звериных голов и т. п. Один депутат НДР как-то преподнес ему двухметровый меч. Различной охотничьей амуниции в белодомовском кабинете Черномырдина скопилось так много, что после отставки ее вывозили грузовиками двое суток. Подарки было принято обмывать. Полученные кинжалы Черномырдин обычно погружал в кубки кубачинской работы.

День рождения в Черном Отроге проходил в куда более непринужденной обстановке — как правило, премьер устраивал

охоту. Отправляясь на родину, Черномырдин брал с собой почти всех министров. Однажды с бывшим министром культуры Сидоровым вышел казус — его забыли в аэропорту Оренбурга. Произошло это так. Когда официальная часть поездки по Оренбургской области была закончена, делегация решила заскочить в Черный Отрог, чтобы отметить прошедший недавно день рождения. Сидорова то ли толком не предупредили, то ли он заплутал в оренбургских степях, но все поехали отмечать, а Сидоров — прямо в аэропорт. Ему бы пришлось долго ждать, если бы дело не происходило накануне Пасхи. А так отделался пятью часами — к полуночи все министры во главе с Черномырдиным уже держали свечки на пасхальной службе в Елоховском соборе.

И в 1998 году к 60-летию Черномырдина готовились как к всенародному празднику. Культурную часть должны были обеспечить Никита Михалков и Людмила Зыкина (предполагалось, что она исполнит специально написанную к юбилею песню). Губернаторы и предприятия намечали на этот день торжественные заседания. Региональная пресса готовилась освещать юбилейные мероприятия.

Отставка нарушила все планы — всенародного праздника не получилось. Многие из тех, кто мечтал приехать лично, отделались поздравительными телеграммами.

9 апреля на свой 60-летний юбилей Виктор Черномырдин пил за удачу. Принимал понемногу, но часто. Чтобы поздравить юбиляра, днем в штаб-квартиру НДР съехалось более трехсот самых известных политиков, бизнесменов, шоуменов и журналистов. Их встретил уже не премьер, а «простой гражданин», который, впрочем, обещал «довести Россию до цивилизации». И все же, несмотря ни на что, вереница поздравляющих не иссякала на проспекте Сахарова с утра до вечера.

От фракции НДР Виктор Степанович получил в подарок скульптурную композицию работы немецкого мастера XIX века «Тройка», представляющую собой трех мчащихся лошадей. Ими уверенно управляет возничий, крепко держащий в руках поводья. А в санях — двое, которые целятся в невидимых врагов (волков, судя по всему). «Этот сувенир, — сказал первый вице-спикер Думы Владимир Рыжков, — в аллегорической форме представляет роль премьера в продвижении вперед реформ».

От «Газпрома» Черномырдин получил поздравительную телеграмму. Только затемно юбиляр смог отправиться в Дом приемов на Воробьевых горах, где его поздравил Борис Ельцин и вручил орден «За заслуги перед отечеством II степени», которым наградил премьера в день его отставки. Первыми Черномырдина

поздравили и. о. министров. Прямо с заседания правительства приехал спешащий на встречу с президентом Сергей Кириенко. Вручив роскошный букет Черномырдину, Кириенко стремительно бросился к выходу: на поздравление бывшего начальника у нынешнего хозяина премьерского кабинета было отведено всего 15 минут.

В офисе НДР царила расслабленная атмосфера. Ведь поздравлять пришли уже не премьера, а простого человека. Несмотря на «простоту» юбиляра, в штаб-квартире НДР собралось более трехсот высокопоставленных гостей. Кроме Кириенко, пришли Егор Строев, Андрей Кокошин, Евгений Савостьянов, множество банкиров, владельцев СМИ и артистов.

Снимая на проспекте Сахарова офис, руководство НДР не предполагало, что там будут праздновать юбилей их вождя. Поэтому о наличии вместительного зала не побеспокоились. Пришлось гостей разводить по комнатам по профессиональному признаку: чиновники, банкиры, журналисты. Юбиляр же с бокалом шампанского обошел всех.

Собирать тосты надо ездить не на Кавказ, как гайдаевский киногерой Шурик, а на дни рождения Виктора Черномырдина. Особенное внимание привлек тост, родить который мог только переживший отставку аппаратчик: «Выпьем не за удачу, а за госдачу». По-видимому, за нее, родимую, в окружении бывшего премьера пили неоднократно, в результате чего загородную виллу Черномырдину все-таки оставили. А вот удача в политической карьере ему явно не помешала бы.

Юбиляр ни от кого не скрывал амбициозных планов: «Мы еще с вами встретимся и вновь будем работать вместе». Правда, открыто про президентские выборы—2000 он не говорил. Но в то же время недвусмысленно дал понять приглашенным на торжество, что его предвыборная кампания уже в самом разгаре. Перед журналистами Черномырдин выступил уже с готовой предвыборной речью: «Я выступаю за стабильность России, чтобы люди жили свободно и достойно. Обещаю, что, как и раньше, я буду продолжать честно и добросовестно делать все, чтобы наша жизнь стала лучше».

Себя Черномырдин назвал «простым гражданином», которому, однако, уготована великая миссия — «довести Россию до нормального, цивилизационного уровня». Мессианский настрой юбиляра был горячо поддержан главными редакторами и владельцами СМИ. Они, как сговорившись, вручили ему полный рыцарский набор. Александр Гурнов («ТВ-6») от имени Сагалаева снабдил Черномырдина кинжалом, Виталий Третьяков («Независимая газета») — боевым палашом. Подарили

Черномырдину и пистолеты. Причем дуэльные. По-видимому, намек был на то, что к 2000 году у Черномырдина останется только один настоящий соперник. А чтобы сам Черномырдин не пострадал в ходе схватки, Анатолий Лысенко, глава «ТВ Центра», преподнес ему ярко-красный мотоциклетный шлем, в котором не страшно прорываться к Кремлю на самой высокой скорости. Виктор Черномырдин был просто потрясен такой поддержкой СМИ. Ему явно не хотелось уходить из импровизированного пресс-центра. Однако верные оруженосцы Владимир Бабичев и Игорь Шабдурасулов напомнили юбиляру, что его ждут еще и олигархи. С явным неудовольствием он последовал в другой зал.

Глава 23
Спасение Лужкова
Исполняющий обязанности

Львиная доля заслуги в провале Черномырдина на первом голосовании принадлежала Юрию Лужкову. Московский мэр гораздо раньше коммунистов осознал, сколько выгод сулит премьерский пост умному человеку незадолго до президентских выборов.

В августе 1998 года, отправив в отставку Сергея Кириенко, Борис Ельцин вновь назначил Черномырдин и. о. председателя правительства. В связи с этим он выступил с телеобращением к россиянам, в котором, в частности, сказал: «Вчера я принял непростое решение. Предложил Виктору Степановичу Черномырдину возглавить правительство.

Пять месяцев тому назад никто не ожидал, что мировой финансовый кризис так больно ударит по России, что экономическая ситуация в стране настолько осложнится. В этих условиях главный приоритет — не допустить отката назад, обеспечить стабильность. Сегодня нужны те, кого принято называть “тяжеловесами”. Я считаю, что необходимы опыт и вес Черномырдина. <…> Главные достоинства Виктора Черномырдина — порядочность, честность, основательность. <. > Его не испортили ни власть, ни отставка. <…> Сегодня я внес на обсуждение в Государственную думу кандидатуру Черномырдина. Я прошу депутатов, региональных лидеров, всех граждан России понять меня и поддержать мое решение. В сегодняшней ситуации нет времени на долгие обсуждения. Ведь главное для всех нас — судьба России, стабильность и нормальные условия жизни россиян».

Отставка Сергея Кириенко и назначение и. о. премьера Виктора Черномырдина подтвердили тревожные слухи, бродившие по коридорам Кремля и Белого дома. Стало абсолютно ясно, что в России нет не только правительства, но и президента.

Если еще в начале лета Кремль с пеной у рта доказывал, что президент владеет всей полнотой ситуации в стране, то к августу

в кулуарных разговорах высокопоставленные чиновники, уже почти не понижая голоса, признавались: мы не знаем, как дожить до 2000 года. Президент так часто выпадал из политической жизни, что вариант «Кириенко — и. о. президента» стал вполне реальным. Это перестали отрицать даже в Кремле.

Финансовый кризис резко ухудшил ситуацию. Недельное молчание президента показало, что он не в состоянии взять на себя ответственность за вывод государства из кризиса. Поэтому в Кремле начались судорожные поиски кандидатуры, способной заменить не только Кириенко сейчас, но и Ельцина в будущем.

Банковского кризиса, несмотря на меры, принятые ЦБ и Минфином, избежать не удалось, и дальнейшее развитие событий в администрации прогнозировали следующим образом: рушатся банки, вкладчики выходят на улицы с требованием вернуть деньги, власть вынуждена применить силу для их разгона, после чего ситуация окончательно выходит из-под контроля. Кремль запаниковал. Спасение банков стало главной задачей. После многочисленных совещаний и заседаний было решено, что лучше Черномырдина с этим не справится никто.

Помимо Черномырдина рассматривались еще две кандидатуры на пост премьера — Юрий Лужков и Егор Строев. Но они были отвергнуты: ни у кого из совещавшихся не было уверенности в том, что ни Лужков, ни Строев не попытаются использовать полученную власть при больном президенте в своих целях. Зато в Черномырдине уверены были все: при нем президент и его семья могли рассчитывать на неприкосновенность и благополучие. Причем не только в тот момент, но и после того, как Ельцин перестанет быть главой государства. Как сказал один из участников кремлевских совещаний, «единственной проблемой было — как воспримет возвращение Черномырдина президент».

«Заговорщики» пошли по испытанному пути: Валентин Юмашев и Татьяна Дьяченко приехали в резиденцию «Горки-9», где отдыхал президент, и привезли ему проекты двух указов — об отставке правительства Кириенко и назначении Черномырдина. На следующий день указы были подписаны, а Кириенко и Черномырдин вызваны в «Горки» для беседы с президентом. Ельцин выполнил все, что от него требовалось. Более того, в своем телеобращении он фактически назвал Черномырдина своим преемником. Разъясняя смысл нового назначения экс-премьера, президент сказал: «За этим предложением стоит еще одно важное соображение: обеспечить преемственность власти в 2000 году». Возможно, первоначально предполагалось, что Ельцин прямо назовет Черномырдина кандидатом в президенты,

но в последний момент было решено, что и без того реверансов в сторону и. о. премьера сделано более чем достаточно.

Черномырдин получил карт-бланш на свои действия и, как сказал пресс-секретарь президента Сергей Ястржембский, «полное доверие президента в плане подготовки программы действий правительства и его кадрового наполнения».

То есть у Виктора Черномырдина появился шанс выбраться из политического небытия, в которое его загнал в марте Борис Ельцин, став с первого захода не только полноценным премьером, но и фактическим и. о. президента — с довольно хорошей перспективой избавиться от префикса и. о.

Но за две недели он этот шанс упустил.

Первая ошибка была сделана еще 23 августа — в том, как было обставлено возвращение Черномырдина. У администрации Ельцина на роль «спасителя страны» были две кандидатуры: Черномырдин и Лужков. Едва узнав об этом, Черномырдин бросился в Думу: общепризнанное умение договариваться с депутатами было его главным козырем.

Переговоры с коммунистами вроде бы завершились триумфом Черномырдина — их итог, как казалось, демонстрировал полное взаимопонимание экс-премьера и Думы. Лидеры думской оппозиции сами заявили: «Мы сошлись во мнении, что ситуация катастрофическая и надо принимать экстренные меры для спасения страны». Когда спустя четыре дня Ельцин подписал указ о назначении Черномырдина и. о. премьера, все выглядело так, будто коммунисты заранее на это согласились.

На самом деле все было не так. Или не совсем так.

Черномырдин не просил поддержки у думцев, он просто обсуждал с ними ситуацию в стране. Обсуждал достаточно жестко по отношению к Кремлю. Коммунисты с радостью приняли экс-премьера в стан оппозиции. Никто не думал, что смена кабинета произойдет через три дня. А когда это случилось, Зюганов и компания поняли, что их просто грубо использовали в рекламной кампании.

Зюганов ждал прямого обращения Кремля за помощью в Думу и Совет Федерации. Ждал как минимум созыва «круглого стола». Ничего этого не произошло. Черномырдин просто был назначен, и все. Для Думы он 23 августа снова стал ельцинистом. Никакие анонимные сообщения информагентств о жестких условиях, которые якобы Черномырдин поставил перед Ельциным, уже не могли его спасти: коммунисты решили мстить.

Черномырдин потерял главное преимущество перед другими кандидатами, которое, как считалось, у него было, —

«проходимость» Думы с первого захода. Ельцин или его администрация слишком поторопились с указом.

Уже одна эта поспешность подтвердила слухи о панике, охватившей Кремль в последние августовские дни 1998 года. Почти каждое из действий Кремля, предпринимавшееся в последние две недели, только усиливало это впечатление.

Вместе с тем откровенно слабый Кремль продолжал хорохориться. Ястржембский и Юмашев по-прежнему пытались изобразить президента имеющим возможность принимать «судьбоносные» решения. Депутатов это раздражало страшно, они хотели перехватить инициативу.

Сам же Черномырдин, получив звание и. о., стал в общении с депутатами вести себя так же, как пять месяцев назад, — покровительственно обращаясь к ним на «ты». Это не только раздражало, но и пугало. В этом тоже был виноват Кремль. И лично Ельцин, поспешивший выдать Черномырдину карт-бланш на страну.

Кризисный премьер Черномырдин на время — это нормально. Будущий кандидат в президенты Черномырдин коммунистов не устраивал. Ведь одно дело — бороться против стремительно стареющего Ельцина, но совсем другое — против крепкого Черномырдина, в руках которого к моменту выборов (которые, как коммунисты уже поняли с помощью Кремля, могут пройти гораздо раньше 2000 года) была бы вся государственная машина. Против такой перспективы восстали не только коммунисты.

Но львиная доля заслуги в провале Черномырдина на первом голосовании принадлежала Юрию Лужкову. Московский мэр гораздо раньше коммунистов осознал, сколько выгод сулит премьерский пост умному человеку незадолго до президентских выборов.

Когда Кремль выбирал между Лужковым и Черномырдиным, кроме прочих, одной из причин «отказа в доверии» Юрию Михайловичу было неверие в его возможности расположить оппозицию в свою пользу. Как оказалось, Кремль жестоко ошибся. Конечно, у депутатов, как выразился Геннадий Селезнев, «есть вопросы» к Лужкову. Однако их, как выяснилось, гораздо меньше, чем «вопросов» к Черномырдину.

Ельцин, попросивший на встрече 28 августа Юрия Лужкова и Егора Строева «не мешать», не смог предложить ни Лужкову, ни Строеву ничего взамен. И потому заявленная ими, по словам Ельцина, готовность отказаться от личных амбиций была не более чем словами.

Если бы Ельцин фактически не назначил Черномырдина

преемником, все было бы гораздо проще и легче. Но произнесенные на всю страну слова он уже не мог отозвать.

Не удалось Кремлю склонить на свою сторону и остальных представителей региональной элиты. Это раньше региональные лидеры приходили к Виктору Черномырдину на поклон, смиренно прося выделить деньги для местных бюджетов. В августе ситуация резко изменилась. Губернаторы прекрасно понимали, что денег нет, а потому относились к Черномырдину без всякого пиетета: все равно ничем помочь он им не сможет. Сам Черномырдин, кстати, эту разницу уловил далеко не сразу. Он еще долго «тыкал» и губернаторам, ошибочно полагая их своими подчиненными.

Элиту напугала и бурная активность Бориса Березовского, которого считали «крестным папой премьера Черномырдина». Губернатор Титов отразил мнение многих своих коллег: «Какой уважающий себя человек пойдет в правительство, где нет никаких социальных гарантий?! Где по причудам Бориса Абрамыча решаются судьбы людей и судьбы страны, растаптываются закон и демократия?!»

Слишком откровенная активность Березовского при утверждении Черномырдина раздражила не только губернаторов, но и олигархов. Они за две недели противостояния Кремля и Думы вообще никак не продемонстрировали свои позиции. Даже верный Рем Вяхирев ни разу не заявил публично, что поддерживает Черномырдина. По одной из версий, изложенной представителями самих олигархов, они намеренно устранились при первом голосовании по премьеру, потому что «Березовский замкнул Черномырдина на себя». В первую неделю после назначения Черномырдина и. о. отдельные представители финансово-промышленной элиты жаловались в кулуарных беседах, что они не могут достать Черномырдина даже по его личному мобильному телефону: мол, «Борис Абрамович все отрубил».

Березовского же олигархи никогда не держали за равного. Олигархов буквально выворачивало, когда они слышали, будто Березовский — главный вдохновитель и организатор их некоего совокупного мнения. И ситуацию с первым голосованием Думы по Черномырдину они использовали для того, чтобы показать Березовскому его место.

Конечно, здесь говорила и обида: Черномырдин не посоветовался с ними. И, судя по его поведению в первую неделю, даже не собирался этого делать: ни одной встречи с финансово-промышленной элитой Черномырдин не провел.

Олигархи решили преподать урок. Никто из них и пальцем не

пошевелил, чтобы депутаты, высказавшие желание проголосовать за Черномырдина, могли рассчитывать на какую-либо премию. Маневр более чем удался. Как говорят, некоторые олигархи после голосования с удовлетворением рассказывали, что, по их сведениям, Виктор Степанович пребывал в шоке от результатов. И первым, кому за это досталось, был Борис Березовский.

И поскольку шансы Черномырдина становились все более призрачными, олигархи решили не вмешиваться и дальше. Им-то нужно выживать при любом премьере. Тем более что Черномырдин за две недели пребывания в роли и. о. так и не сумел предложить ничего кардинального ни для спасения банковской системы, ни для наведения порядка на валютном рынке.

«Черномырдин должен был с первого дня своего назначения проявлять максимальную активность. Поскольку эмиссия все равно неизбежна, надо было пустить деньги на выплату зарплат, пенсий, чтобы люди почувствовали, что ситуация меняется», — сокрушался высокопоставленный кремлевский чиновник. Вместо этого каждый день страна слушала заклинания вроде «промедление смерти подобно» и «ждать больше нельзя».

В итоге недовольство Черномырдиным вновь обернулось против Ельцина. А ведь и без того решение о возвращении лидера НДР в Белый дом далось ему нелегко. Фактически ему пришлось себя ломать: ведь мало того, что сам уволил, так еще и за Кириенко обещал стоять до последнего. Более того, президенту пришлось согласиться практически со всеми условиями, которые выдвинул Черномырдин под свое возвращение. И вдруг стало понятно, что все эти усилия были зря. Что вместо всеобщего восхищения — «президент сделал сильный ход!» — последовало недоумение, перерастающее в открытое издевательство.

Госдума уже не хотела перераспределения полномочий и изменений в Конституции, а жаждала только одного — наконец добить Ельцина, которого все чаще представляли марионеткой Березовского.

Но если первоначальное раздражение Ельцина и было обращено на Думу, то спустя неделю нервотрепки оно неизбежно должно было перейти на тех, кто его так «подставил». На Юмашева, Березовского и на самого Черномырдина — ведь при своем назначении он обещал исправить ситуацию чуть ли не за несколько дней.

4 сентября 1998 года, выступая на заседании Совета Федерации, Черномырдин сказал:

«Все вы знаете, что страна находится в критическом положении. Курс доллара растет, растут цены, и уже не только на

импортные товары. Рубль фактически снова становится “деревянным” и стремительно теряет в весе. Люди слушают или не слушают наши умные речи, но запасают крупу, соль, спички, сахар. Вам, сидящим в этом зале, ничего это не напоминает? Думаю, что людям моего поколения пояснять это не надо. Пугающее это напоминание.

На нас, на мне лежит тяжелейшая ответственность. Я уже говорил и считаю нужным и сегодня, здесь, в этом представительном зале, повторить: вины с себя и со своего правительства не снимал и не снимаю. В марте меня “ушли” под аплодисменты. И если без Черномырдина стало бы лучше, я бы сегодня здесь, за этой трибуной, не стоял бы.

Не хуже тех, кто меня сегодня так настойчиво поучает, понимаю: самое выгодное сейчас — отсидеться в кустах и давать советы. Но для себя я считаю это предательством. В такой момент сидеть дома не собираюсь. Я готов взять на себя всю полноту ответственности только потому, что знаю, что другому на этом непростом месте будет гораздо сложнее. Не потому, что я уж такой хороший, а только по одной причине — это опять несколько месяцев, чтобы только войти в курс дела и разобраться. Но этих месяцев сегодня уже нет. И этот резерв исчерпан.

И если в ближайшие дни не остановить панику, не наладить платежи, не решить проблему с запасами продуктов, лекарств, топлива на зиму, будет беда такая же, как нависла над Россией в конце 80-х годов.

Сегодня мы снова перед очередным выбором: или пропасть гиперинфляции, или фактически мобилизационное управление экономикой. Про первый вариант не говорю. Прошли, проходили. Для второго прежде всего необходимо немедленно сформировать правительство, точные и решительные действия которого должны изменить ситуацию и вернуть доверие властям.

Я предлагаю абсолютно честную и предельно реалистичную социально-экономическую стратегию.

Сегодня уже Егор Семенович сказал, что сейчас очень усиленно массируется аргентинский опыт. Скажу сразу: и в Аргентине, и в Южной Корее, и в других государствах сегодня пережили или переживают именно такие же события, только в разных вариантах.

Решения, которые нам предстоит принять, чрезвычайные. Но без них мы сегодня не обойдемся. В чем суть? Первый этап. Провести через бюджет погашение основных долгов, которые сегодня душат экономику, парализуют социальную сферу.

Конкретно, до конца года, или до 1 января следующего года, будут погашены долги по пенсиям — 20 млрд руб., по заработной

плате федеральным госслужащим, в том числе в регионах, — 7,5 млрд руб., по денежному содержанию военнослужащих — 3,5 млрд руб., по стипендиям — 400 млн, “чернобыльские” — 1 млрд руб., наука, образование, здравоохранение — 2 млрд руб., зарплата в “оборонке” — 1,5 млрд руб.

Одновременно регионам выплачивается двухмесячный трансферт на погашение задолженности регионов перед бюджетниками. Кроме того, для подготовки к зиме гасится задолженность федеральных организаций по коммунальным платежам.

Естественно, встает вопрос, и вы его вправе задать: а где взять эти средства? Отвечаю: за счет увеличения валютных резервов Центрального банка и проведения обеспеченной, подчеркиваю, и контролируемой эмиссии. При этом рынок сам определяет соотношение рубля с твердыми валютами — то есть переход к плавающему курсу. Жестко привязать объем денежной массы к золотовалютным резервам, которыми должен и будет располагать Центральный банк. На этом этапе, конечно, получаем рост цен, понижение курса, но так как каждый рубль обеспечен валютой, курс неизбежно стабилизируется.

В этот же период принимается ряд оперативных мер по расчистке неплатежей и безнадежных долгов. Оказывается поддержка банковской системе для защиты вкладчиков.

Второй этап, и очень важный. Прошу обратить внимание: страна начинает жить по жестким и предельно ясным правилам. Фактически это означает, что с января следующего года государство переходит к экономической диктатуре.

Предприятия будут поставлены в условия, когда не платить по своим обязательствам становится невозможным. Закончится период безнаказанных неплатежей другим предприятиям или неуплаты налогов. Имущество злостных неплательщиков налогов должно автоматически переходить в государственную собственность.

По полной схеме заработает процедура банкротства, приводящая не к остановке предприятия, а к смене бездарных или проворовавшихся собственников или управленцев. При этом государство оказывает решительную поддержку отечественным производителям и особенно — именно сейчас — экспортерам.

При закупках из средств федерального бюджета абсолютный приоритет отдается российским товарам и услугам. Аналогичную политику предлагается проводить и в регионах.

Будет реально введена государственная монополия на алкоголь. Необходимо ощутимо снизить ставки по базовым налогам. Предоставить налоговые каникулы для нового

производства, упорядочить платежи во внебюджетные социальные фонды с одновременным максимальным расширением налоговой базы. Установить единую ставку подоходного налога на уровне 20 %, при этом определенное исключение может быть предоставлено только малоимущим.

Считаю необходимым коренным образом упростить налоговый режим в аграрной сфере. Нужен один налог на землю и налоговые льготы тем, кто наращивает производство. Вся эта работа потребует нового законодательного обеспечения. И эта нормативная база также должна вступить в силу буквально с января следующего года. Поэтому налицо важнейшая роль Федерального собрания в этих преобразованиях.

На встречах с губернаторами, с руководителями законодательных органов регионов вчера, позавчера высказывалось пожелание о создании при председателе правительства постоянно действующего совета из вас по экономической и социальной политике. Поддерживаю эту идею.

В свою очередь, вношу предложение более радикальное: ввести в состав президиума правительства руководителей межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия. Уверен, что это существенно укрепит прямую и непосредственную связь федеральных структур власти и регионов. Да и в целом региональная составляющая политики правительства обязательно будет усилена.

Уважаемые члены Совета Федерации! Я твердо знаю: это, может быть, последний шанс построить в России нормальную экономику. Да, наши действия будут непопулярными. Да, будут ругать снизу доверху. И правильно будут ругать — когда жизнь тяжелая, хвалить правительство не за что.

Но есть только одно условие, не только в это время, да и в другие: не хватайте за руку правительство, дайте время и возможность сделать то, что необходимо, чтобы отойти от роковой черты. Я это говорю и обращаюсь ко всем — от президента до всех законодательных и представительных органов. Можно много раз бить правительство, извините, мордой об стол и заниматься словоблудием, но как можно в такой момент парализовать исполнительную власть в государстве?! Это что, шутки? То, что через пару недель в Сибири встанут реки, — это что? Парализовали или парализуем завоз — это шутки? То, что даже в благополучной Москве сметают прилавки, — это тоже шутки? То, что в армии сегодня самым серьезным образом обсуждается вопрос о двухразовом питании солдат, — это тоже шутки? А я вам скажу, кто до сих пор шуткует, — да вы их знаете! Некоторые и здесь сидят сегодня, присутствуют на этом важном

заседании.

Казалось бы, серьезнейший документ, который вам сегодня представлен, — политическое соглашение между Федеральным собранием, президентом, правительством. Вроде бы договорились, что президент не распускает Думу, Дума не требует отставки правительства, правительство не провоцирует Думу. Договорились о внесении поправок в Конституцию, о консультациях с депутатами чуть ли не по всем членам правительства. Президент согласился с ценой этого компромисса. А Дума, которая считала бы это своим успехом, — против.

Соглашение сорвано, все вдребезги, не рассматривается. Ну почему? Можно сегодня спросить, в чем же дело? Ответа нет. Как кто-то сказал, аппетит приходит во время беды. А какая цена этому бессмысленному противостоянию? Когда все происходит на глазах, когда все на глазах разрушается, в считаные 1,5–2 месяца, народ не понимает, что происходит, — все метут, а мы ведем разговоры, формировать или не формировать правительство. Цена есть — это тоже все проходили в России.

В общем, для себя считаю, в мои 60 лет мне хитрить нечего. Я был рабочим, был директором, был союзным министром, был председателем правительства России. Я испытал всю тяжесть власти и осознаю всю меру ответственности. Я считаю недопустимым продолжение политического спектакля на глазах у всего народа: не до игрищ сегодня.

Уважаемые члены Совета Федерации!

Я лишь в самом общем виде изложил вам принципы и подходы к преодолению кризиса. Лимит времени исчерпан. Каждый потерянный день придется наверстывать месяцами, а то и годами. Я прошу вашей поддержки и вашего согласия на немедленные действия. Спасибо».

Но ни поддержки, ни согласия он не получил. Дума дважды не утвердила кандидатуру Черномырдина, и Ельцин вынужден был предложить кандидатуру Евгения Примакова. Эра Черномырдина закончилась.

Своеобразным утешением ЧВС стало сообщение из города Орска, где был отреставрирован его первый дом. В 1960 году молодой рабочий «Орскнефтеоргсинтеза» Витя Черномырдин, вернувшись из армии, получил от предприятия кусок земли на старой улице в северной части города — по соседству с домом старшего брата. Будучи человеком основательным, Виктор засучил рукава и построил здесь маленький домик. Помогали ему старший брат и близкие друзья. Дом вышел по тем временам справный, хотя и небольшой — 30 кв. м. Совсем скоро в доме появилась молодая хозяйка — Валентина, а спустя еще год

поселились там и родители Черномырдина, оставив свое жилище в селе Черный Отрог. После отъезда Черномырдиных в Оренбург дом опустел, а впоследствии был продан. Однако много лет спустя, уже будучи премьер-министром, во время кратких визитов в Орск Виктор Степанович обязательно приходил взглянуть на творение своих рук.

Весной 1998 года, в канун юбилея Черномырдина, городские власти и руководство «Орскнефтеоргсинтеза» решили сделать премьеру сюрприз — вернуть ему дом, который был так дорог его сердцу. Семье, которая обосновалась в легендарных стенах, сказочно повезло — им предоставили новую большую квартиру в престижном районе города и садовый участок. А дом отремонтировали общими усилиями близкие родственники Виктора Степановича — младшая сестра с зятем. Не обошлось без помощи администрации завода и городских властей. Старый дом преобразился. Стены выложили кирпичом, провели канализацию, заменили ворота. Однако планировку здания решено было сохранить. По городу пошли слухи, что в доме сделают нечто вроде музея, соберут экспонаты и будут устраивать экскурсии. Узнав об этом, Черномырдин долго смеялся: «Еще чего не хватало, при жизни себе памятник ставить». Теперь в легендарном доме живет с семьей сестра Черномырдина, работающая учительницей в одной из орских гимназий. В последний приезд в Орск Виктор Степанович останавливался у нее.

Глава 24
Спасение Путина
Конец политической карьеры

Падение НДР стало неизбежным, когда быстрый взлет Владимира Путина сделал фигуру Черномырдина нерелевантной в качестве возможного президента. Вскоре потеряли свой политический вес и губернаторы, составлявшие основу «Отечества — Всей России». Пережить потерю властных позиций не смогла ни одна из партий власти.

21 сентября 1998 года Виктора Черномырдина как публичного политика похоронили еще раз — когда он решил не участвовать в довыборах в Думу.

Победа Виктора Черномырдина должна была стать триумфальной. Для этого было сделано практически все. Самому кандидату ничего не надо было предпринимать.

Сначала подобрали площадку. Ямало-Ненецкий округ считается вотчиной самой близкой к Черномырдину корпорации — РАО «Газпром». Проиграть в этом округе человек, создавший «Газпром», просто не мог. Единственным серьезным препятствием на этом пути было то, что у округа уже был депутат — Владимир Гоман, избранный в 1995 году. Но проблему решили просто — Гомана назначили председателем Госкомитета по делам Севера в правительстве Сергея Кириенко. Таким образом, на Ямале появилась депутатская вакансия.

Чтобы совсем обезопасить Черномырдина от неожиданностей, местные власти отсекли от участия в выборах двух наиболее опасных конкурентов — местного предпринимателя Сергея Атрошенко, претендовавшего два года назад на пост губернатора Тюмени (Ямало-Ненецкий округ входит в состав области), и коммуниста Алексея Киселева.

Избирательная кампания проводилась с таким размахом, как будто выбирали президента. Впрочем, размах соответствовал задаче. Слоганом кампании было: «Ямал выбирает не депутата Госдумы, Ямал выбирает Виктора Черномырдина». Правда, сам Черномырдин за два месяца кампании только дважды побывал на

Ямале.

Уверенную поступь избирательной кампании не нарушило даже назначение экс-премьера и. о. премьера. В то время как он пытался добиться от Думы утверждения на пост председателя правительства, в Салехарде и Надыме расклеивались листовки, агитаторы ходили по квартирам, по местным телеканалам крутились рекламные ролики. Некоторая бессмысленность происходящего не смущала команду и. о. премьера. В штабе Виктора Черномырдина говорили: «Мы снимем кандидатуру через несколько часов после того, как Дума утвердит его премьером».

Предвыборная кампания Черномырдина на Ямале продолжалась и после того, как Дума проголосовала за Евгения Примакова. Однако работа шла уже по инерции. Потому что через несколько часов после того, как Борис Ельцин отказался от услуг Черномырдина, в окружении последнего ожесточенно заспорили о целесообразности избрания в Думу.

Впрочем, споры о целесообразности участия Черномырдина в парламентских довыборах в его окружении были всегда. Идея избрания Черномырдина депутатом с последующим выдвижением на пост лидера фракции НДР возникла через несколько дней после мартовской отставки Черномырдина с поста премьер-министра. За избрание выступали связанные с НДР функционеры — председатель исполкома НДР Владимир Бабичев, лидер фракции НДР Александр Шохин и первый вице-спикер Госдумы Владимир Рыжков.

Приход Черномырдина во фракцию был гарантией того, что он не откажется от движения и именно оно будет главной опорой экс-премьера. Противниками участия в довыборах и в принципе сближения Черномырдина с НДР было его аппаратное окружение — Геннадий Петелин, Никита Масленников, Сергей Колесников и Михаил Тренога. Они настаивали на необходимости создания вокруг Черномырдина широкой коалиции, в которой НДР было бы не основой, а лишь одной из составляющих. «Люди из Белого дома всегда с презрением относились к движению, считая, что оно ни на что не способно», — заметил сотрудник исполкома НДР.

Решающую роль в том, что Черномырдин все-таки рискнул баллотироваться, сыграл заместитель председателя правления РАО «Газпром» Сергей Зверев. В РАО он пришел из группы «Мост» вскоре после того, как Черномырдин перестал быть премьером. Зверев относился к движению так же, как и аппаратное окружение премьера, однако полагал, что в ходе избирательной кампании ему удастся оттеснить от Черномырдина и людей из НДР, и бывших правительственных советников и самому стать ключевой

фигурой при Черномырдине. Например, главой избирательного штаба по президентским выборам. Слово Зверева оказалось решающим.

Однако спустя полгода расклад сил кардинально изменился.

«Степаныч не мог идти на председателя фракции после того, что с ним сделали в Думе, когда отказывались утверждать на пост премьера, — рассказал сотрудник предвыборного штаба Виктора Черномырдина. — Общение с большинством депутатов, травивших его две недели подряд, стало бы для него настоящим мучением».

Согласно единодушному мнению других функционеров, работавших с Черномырдиным в правительстве и во время предыдущих предвыборных парламентских кампаний, «Степаныч был подавлен, неадекватен и нуждался в тайм-ауте».

Тайм-аут мог бы быть не таким плохим выходом для Виктора Черномырдина, если бы у него не имелось тяжелых политических последствий. Хотя сразу после отказа от участия в довыборах экс-премьер и заявил о готовности участвовать в парламентских выборах 1999 года и президентских 2000-го, отказ от поста лидера крупной фракции в пользу непонятного статуса «кандидата в президенты» был воспринят большинством так, будто Черномырдин намеревается отойти от дел.

Отказавшись от уже подготовленной победы, экс-премьер поссорился и с НДР, и с РАО «Газпром», и с властями Ямало-Ненецкого округа.

«Без Черномырдина и фракция, и движение развалятся, он был нашим единственным капиталом, — с горечью говорил высокопоставленный сотрудник исполкома НДР. — Зря он так с нами».

Движение «Наш дом — Россия», при всей своей слабости и зависимости от исполнительной власти, считалось серьезной силой, по крайней мере на парламентских выборах. Главным достоинством НДР была его преданность своему лидеру, который, впрочем, занимался делами организации от случая к случаю. Но до марта 1998 года невнимание Черномырдина компенсировалось его статусом.

РАО «Газпром» и Вяхирев тоже были обижены. Они очень рассчитывали на то, что Виктор Черномырдин окончательно уйдет в политику. Руководство корпорации было заинтересовано не столько в том, чтобы Черномырдин лоббировал ее интересы, сколько в том, чтобы навсегда закрыть тему возвращения Черномырдина в «Газпром». О возможности подобного развития событий ходили слухи и сразу после его отставки, и в конце июня, когда состоялась встреча Черномырдина с Борисом

Ельциным, и, наконец, в последние недели, после того как экс-премьер был изгнан во второй раз. «Мы очень уважаем Виктора Степановича и готовы ему помогать, однако возвращаться в РАО ему не надо, он перерос этот уровень», — заметил еще в марте один из заместителей Вяхирева.

«Газпром» не только взял на себя финансирование избирательной кампании в Ямало-Ненецком округе, но и стал поддерживать все движение. Оказалось, что эти деньги выброшены на ветер. А возобновление слухов о том, что Черномырдину отдадут «Газпром», лишило Вяхирева остатков лояльности к бывшему шефу.

Наконец, власти Ямало-Ненецкого округа и прежде всего губернатор Юрий Неелов рассчитывали, что в лице Виктора Черномырдина получат влиятельного лоббиста. Решение Черномырдина стало для них ударом. Запасного кандидата нет, и все, что удалось сделать, — отменить выборы, добившись того, чтобы два других претендента на депутатский мандат тоже отказались от участия.

Степень подавленности и неадекватности экс-премьера оказалась гораздо большей, чем предполагали его соратники. Черномырдин сделал ровно то, чего делать было категорически нельзя. Выяснилось, что ему просто не на кого опереться. Поэтому все считали, что тайм-аут Черномырдина, скорее всего, затянется и незаметно трансформируется в пенсию некогда самого влиятельного российского политика.

Но НДР ждала долгая агония. Для начала выявились противоречия между Черномырдиным и Шохиным, который в октябре 1998 года предложил экс-премьеру отказаться от президентских амбиций, чтобы привлечь к себе других кандидатов на пост главы государства — Александра Лебедя, Юрия Лужкова и Григория Явлинского. По мнению Шохина, Черномырдин мог бы стать координатором объединения этих политиков под знаменами «правоцентристской коалиции». Первой задачей этого объединения стала бы победа на выборах в Госдуму, и только после этого оно определилось бы со своим единым кандидатом в президенты.

Черномырдин согласился только с первой частью предложения Шохина. Он подтвердил, что «главным является подготовка к парламентским выборам 1999 года» и что он активно занимается идеей создания правоцентристской коалиции. Но отказаться от участия в президентской гонке Черномырдин не смог: «Я ни от чего не собираюсь отказываться, ни от каких намерений».

Ноябрьский политсовет движения «Наш дом — Россия»

продемонстрировал полный упадок НДР. Соратники Виктора Черномырдина думали больше не о спасении движения, а о собственной судьбе после его распада. Однако Виктор Черномырдин, казалось, этого не замечал. В своем докладе он заявил, что на парламентских выборах движение должно набрать не меньше «голосов избирателей в свою поддержку, чем на предыдущих выборах». «Страна болеет, болеет и НДР, но я надеюсь, что мы выздоровеем вместе», — сказал Черномырдин.

На пресс-конференции экс-премьер, вместо того чтобы подробно рассказать о путях спасения «Нашего дома», стал говорить о своем отношении к депутатам, от которых «всех тошнит». «И вас тошнит, я по глазам вижу!» — утверждал Черномырдин, обращаясь к журналистам. Впечатление это произвело, но никаких проблем не решило.

А в конце ноября 1998 года состоялся учредительный съезд лужковского «Отечества». И все стало ясно. Надежды лидеров НДР на то, что Кремль по старой дружбе возьмет под свое крыло терпящее бедствие движение, не оправдались. И Александр Шохин решился на отчаянный шаг — обратился к Юрию Лужкову с предложением об альянсе.

Эта встреча лишний раз подтвердила, что дела движения плохи. Шохин пришел к московскому мэру с программой из четырех пунктов: подписать соглашение о сотрудничестве, согласовать усилия по одномандатным округам, договориться о совместных акциях и оказать помощь в формировании «лужковской» фракции в Госдуме. Но мэр оборвал своего гостя на первом же пункте, заявив, что не видит необходимости в союзе с имеющим серьезные проблемы движением. На этом разговор и закончился.

23 декабря президиум политсовета движения «Наш дом — Россия» предложил депутатам от НДР обсудить вопрос о смещении Александра Шохина с поста лидера фракции. Сам Шохин на пресс-конференции в Москве заявил, что добровольно не уйдет, и пообещал «сражаться за свою партию до последнего патрона». Но дни его были сочтены.

Его рассказ о переговорах с Лужковым Виктор Черномырдин откомментировал кратко: «А кто тебя туда посылал?» И 24 декабря поздно вечером на закрытом заседании фракции «Наш дом — Россия» Александр Шохин был смещен с поста лидера фракции. Это уже походило на фарс, ибо экс-премьер, поначалу яростно и едко комментировавший в октябре 1998 года информацию о президентских амбициях московского мэра, к концу года сам начал искать к нему подходы. И всего через четыре дня после изгнания Шохина отправился на встречу со

столичным градоначальником. Причем накануне экс-премьер вдохновенно рассуждал о перспективах сотрудничества с «Отечеством» вплоть до выдвижения единых кандидатов в избирательных округах на парламентских выборах. Лужков был сдержаннее: «Каким-то образом мы оценим политическую ситуацию… Ну и, пожалуй, все».

Переубедить Лужкова Черномырдину не удалось. После двухчасовой беседы он угрюмо констатировал: «Мы посмотрели политические вопросы. И у нас есть чем заниматься, и у “Отечества” есть чем заниматься. Мы договорились чаще встречаться».

А еще Черномырдин сообщил, что готов уступить «Отечеству» звание «партия власти». И грустно добавил: если Юрий Лужков убережет возглавляемое им движение «Отечество» от этого звания, «это будет высший класс».

Впрочем, агония еще продолжалась. На пост руководителя фракции был назначен Владимир Рыжков, но политологи отводили ему роль «гламурного могильщика» партии. И все же НДР как более или менее самостоятельная политическая сила продержалась еще как минимум год (официально — аж до 26 мая 2006 года) и даже приняла участие в парламентских выборах 1999 года. А лидер партии обогатил политический лексикон еще одним афоризмом. «Нет такого дела!» — ответил Виктор Черномырдин на предложение «Правого дела» выступить на выборах единым блоком.

Но падение НДР стало неизбежным, когда быстрый взлет Владимира Путина сделал фигуру Черномырдина нерелевантной в качестве возможного президента. Вскоре потеряли свой политический вес и губернаторы, составлявшие основу «Отечества — Всей России». Пережить потерю властных позиций не смогла ни одна из партий власти.

Итогом существования НДР стала в меру гуманистическая государственническая консервативная программа. Ее авторы обещали «ставить пределы власти, но не ограничивать ее дееспособность» и создавать механизмы «влияния граждан и общественных институтов на государственную власть», одновременно соблюдая гарантии «невмешательства в находящуюся в соответствии с законом деятельность массовых общественных движений, организаций, политических партий, религиозных объединений». В то же время черномырдинцы были намерены обеспечить «политическую и экономическую свободу каждого».

Но в целом «Наш дом» все же шел в правильном направлении. Идея создать «демократическое гражданское

общество, создающее условия для творческой реализации свободной личности», оправдывалась клятвами «укрепить российскую государственность» и «отвергнуть проведение над страной экспериментов, противоречащих национальным интересам».

Другой политической новацией, введенной в широкий оборот именно авторами программы НДР, стало первое упоминание олигархов как силы, которой «не должен быть подконтролен демократический процесс», — что тоже в общем-то можно расценить как попытку уменьшить «роль личности в истории». Отчасти предвосхитили лидеры НДР и нынешнее понимание роли крупного бизнеса.

«Стержнем реформ» в программе движения была названа «идея национального накопления», воплощать которую в жизнь был призван «крупный концентрированный отечественный капитал», способный «реально укрепить государственность, поднять инвестиционную активность, увеличить количество рабочих мест, обеспечить устойчивый экономический рост». Бизнесменам было обещано: «то, что сделано в рамках приватизации, никогда не будет принудительно национализировано», а «собственность может быть изъята у собственника только в судебном порядке».

Мало кто из политиков мог бы похвастать такими стартовыми условиями, которые были у Виктора Черномырдина. Властный, аппаратный и финансовый ресурсы были к его услугам. Он с самого начала получил поддержку регионов и пользовался достаточным уважением среди «простых» избирателей.

Возможно, ему недоставало харизмы вождя, но харизма «своего парня» и одновременно «крепкого хозяйственника» у него наличествовала. Возможно, у него было мало опыта политической борьбы, но уж опыта аппаратной хватало за глаза. У него была даже международная поддержка.

Но особенности национальной политики нельзя сбрасывать со счетов.

С этим согласился и сам Виктор Черномырдин, мрачно оценив особенности российского партстроительства и итоги собственной карьеры публичного политика: «Какую партию ни строй, все равно КПСС получается».

Глава 25
Спасение албанцев
Миротворец

Кто-то должен был развеять иллюзии и честно сказать сербам: Россия воевать за сомнительные интересы Белграда не будет. В этом и состояла миссия Черномырдина, который не снискал лавров главного миротворца. Но он добился более важного: Россия не втянулась в конфронтацию с НАТО. И избежала мировой изоляции.

Весной 1999 года в судьбе Виктора Черномырдина произошел очередной резкий поворот, совпавший с разворотом самолета премьера Евгения Примакова над Атлантическим океаном. 23 марта, узнав о решении НАТО начать бомбардировки Югославии, Примаков отменил визит в США посреди полета и вернулся в Россию. На следующий день практически все российские СМИ охватила антинатовская истерия. МИД пообещал «адекватные меры», военные заговорили о возможности силового ответа.

25 марта президент Ельцин заявил, что никаких силовых мер Россия применять не будет. Глава администрации Александр Волошин на закрытой встрече с журналистами признал, что МИД «слишком заигрался с Милошевичем» и что это идет в ущерб национальным интересам. Тем временем Евгений Примаков призвал «максимально мобилизовать внутренние ресурсы». Около посольства США в Москве начались хулиганские акции.

28 марта Анатолий Чубайс организовал поездку лидеров коалиции «Правое дело» Бориса Немцова, Егора Гайдара и Бориса Федорова в Белград с миротворческой миссией. Ельцин в телефонном разговоре с Чубайсом одобрил это начинание. МИД поначалу выражал готовность помочь, но затем чуть ли не обвинил «Правое дело» во вредительстве. В тот же день посольство США обстреляли из автомата террористы.

С началом апреля антинатовский накал в СМИ несколько снизился — телевидение и газеты начали все чаще упоминать о расправах, проводившихся сербской армией в Косове.

Одновременно вдруг весьма востребованным оказался

остававшийся почти год не у дел отставной премьер-министр. Одна за другой последовали его встречи с премьером и президентом. Почему? За год Виктор Черномырдин потерял очень многое, но не репутацию человека, лояльного президенту и накопившего солидный багаж личных связей с влиятельными западными политиками. Прежде всего с Альбертом Гором, весьма вероятным (на тот момент) будущим президентом США. Именно это сочетание и потребовалось президенту, который чувствовал себя загнанным в угол, но вовсе не утратил вкус к неожиданным политическим ходам. И когда Черномырдин зачастил в Белый дом и Кремль, все вокруг стали гадать, что произойдет дальше.

А потом случилась перепалка Бориса Ельцина и Евгения Примакова — президент заявил, что Примаков пока полезен, а дальше будет видно. Премьер, обидевшись, ответил, что в президенты не рвется и за кресло не держится. Возможно, именно эта стычка окончательно убедила Ельцина активизировать фигуру Черномырдина.

14 апреля он был назначен спецпредставителем президента России по югославскому урегулированию. Если называть вещи своими именами, президент фактически назначил параллельного премьера, который еще в самом начале бомбардировок НАТО обозначил свою позицию, не совпадающую с примаковской. Заметив, что Москве не стоит «бряцать оружием», Черномырдин заявил о готовности к «любой посреднической деятельности», чтобы остановить этот «кровавый процесс».

Получив назначение, экс-премьер сразу взял быка за рога. Строго высказавшись в адрес Милошевича — посоветовав тому «умерить гонор» и не уповать на союзников, — он дал понять, что основной диалог будет вести не с Белградом, а с Вашингтоном. Первым делом он собирался в США на встречу с давним знакомым вицепрезидентом Гором (который, по некоторым данным, и хлопотал о назначении Черномырдина).

19 апреля Виктор Черномырдин уже участвовал в традиционном совещании у президента, посвященном ситуации в Косове. Борис Ельцин поставил ему задачу — остановить войну, пока НАТО не начало наземную операцию против Югославии. И объяснил, как ее решить: «Покрепче прижать Милошевича».

После совещания Борис Ельцин не скрывал, что именно с миссией своего спецпредставителя связывает особые надежды. Президент был уверен, что Черномырдин добьется успеха: «он знает Милошевича» и «может разговаривать с Милошевичем как никто другой». Ельцин ясно дал понять: Кремль рассчитывает, что Черномырдину удастся склонить упрямого сербского лидера к разумным уступкам.

Вероятность успеха миссии Черномырдина оценивалась весьма высоко. Запад воспринимал его как партнера и мог пойти на уступки, позволяющие России сохранить лицо. Черномырдин же имел рычаг воздействия на Белград — топливно-энергетический комплекс России. На Западе помнили, что Дейтонский мир пришел в Боснию с опозданием на два дня, лишь после того как «Газпром» возобновил поставки газа в Сараево. В ситуации, когда практически весь югославский нефтекомплекс был разрушен бомбардировками и страна находилась на грани энергетического голода, зависимость Белграда от российского газа резко возрастала. И поэтому аргументы отца-основателя «Газпрома» должны были прозвучать весьма убедительно.

Каких уступок ожидает Москва от Белграда, Ельцин сообщил на состоявшейся после совещания встрече в Кремле с руководителями ведущих российских СМИ. «Надо, чтобы Милошевич согласился на миротворческую операцию в Косове. Иначе, если НАТО решится на наземные боевые действия, будет много жертв». Столь откровенно из уст российских руководителей эта мысль до того момента не звучала.

С назначением Черномырдина подход Москвы к ситуации стал более прагматичным: Черномырдин в принципе поддержал инициативу Германии по урегулированию конфликта на Балканах. Немецкий план предусматривал прекращение бомбардировок Югославии на 24 часа, если президент Милошевич начнет вывод из Косова своих войск. Одновременно должно начаться разоружение Армии освобождения Косова. Но самое главное — в край должны были войти передовые отряды международного миротворческого контингента, призванные обеспечить возвращение беженцев.

После того как Черномырдин сделал первый шаг навстречу Западу, Ельцин дал наконец согласие на телефонный разговор с Биллом Клинтоном — ему было уже легче уговорить президента США не форсировать операцию против Югославии и дать возможность поработать своему спецпредставителю.

Миссия Виктора Черномырдина на Балканах сразу оценивалась в масштабе, несколько более широком, чем «просто» урегулирование регионального конфликта. Во-первых (точнее, во-вторых) — в общеевропейском масштабе. Почти сразу после назначения, комментируя обращение генсека НАТО Хавьера Соланы, Черномырдин заметил: «В Брюсселе, кажется, поняли, что это не югославский кризис, а общеевропейский. И без России сами страны НАТО из него не смогут выйти. Хорошо, что наконец-то Солана вспомнил о том, что Россия — член контактной группы по Югославии и Совета Безопасности ООН, и

теперь приглашает ее помочь выйти из балканского тупика. Мы… всегда считали, что такие проблемы надо решать не войной, а переговорами. Я готов говорить с кем угодно и где угодно, лишь бы остановить кровь».

В первую же очередь, считал экс-премьер, в необходимости начать переговоры надо убедить «американцев, в том числе руководство Демократической партии США, которая готовится к президентским выборам 2000 года».

Но к президентским выборам 2000 года готовились не только демократы в США, но и движение НДР в России. Став представителем президента по урегулированию балканского кризиса, лидер НДР получил бесплатную предвыборную рекламу: российские и мировые СМИ освещали каждый его шаг.

Более того, назначение Черномырдина было еще и тактическим ходом Ельцина в противостоянии с Примаковым. Тому был нанесен чувствительный удар на его излюбленном поле — во внешней политике. Тем более что миссия Примакова в Белграде оказалась безрезультатной. И сверхзадачей миссии ЧВС на Балканах было доказать Борису Ельцину, что именно он является лучшим преемником на президентском посту.

И он был уверен в себе. Отсутствие дипломатического опыта — о чем поминал чуть ли не каждый второй — отметал напрочь: «Должность премьер-министра РФ, которую я занимал больше пяти лет, подразумевает… наличие высшей дипломатической квалификации. В распорядке дня премьера… каждый день есть встречи, сложные, очень сложные, переговоры с первыми лицами государств, что само по себе требует дипломатического умения, прочных знаний и понимания как позиции России, так и позиций страны, с которой ведутся переговоры».

Позицию обозначал достаточно четко и при этом дипломатично — с учетом интересов многих сторон: «Надо глубоко вникать в проблему, думать, советоваться, ориентируясь на интересы России и ее народа. Единственным средством для достижения мира на Балканах и утихомиривания натовских генералов является переговорный процесс. Пусть утомительный, трудный, противоречивый, а не такие меры, как разного рода санкции, снабжение противоборствующих сторон оружием, направление добровольцев или тем более военное вмешательство со стороны вооруженных сил России. Переговоры, и только переговоры! Нужно набраться терпенья, зажать в кулак нервы. Правда, стискивать зубы не надо — надо разговаривать. Да и показывать их не стоит…»

И не уставал повторять, что «политический авторитет зарабатывают мирной созидательной работой».

Надежды на скорое мирное разрешение конфликта — если такие и были — оправдываться не собирались.

22 апреля Виктор Черномырдин весь день провел в переговорах со Слободаном Милошевичем в Белграде. Переговоры считались в Москве едва ли не последним шансом предотвратить наземную операцию НАТО в Югославии. С того момента СМИ каждую новую встречу переговорщиков по балканскому вопросу с участием Черномырдина спешили назвать решающей — и попадали впросак.

Визит Черномырдина в Белград начался на фоне драматических событий. Когда из аэропорта «Сурчин» он уже направлялся на встречу с Милошевичем в резиденцию «Белый двор», официальное белградское агентство ТАНЮГ передало сенсационное известие с пометкой «Молния»: НАТО нанесло удар по резиденции югославского президента. Мировые агентства новость подхватили: «За считаные минуты до встречи Милошевича с Черномырдиным НАТО разбомбило резиденцию президента СРЮ, Милошевич и Черномырдин не пострадали».

На самом деле все оказалось проще: НАТО разрушило не резиденцию, а личную виллу Милошевича, которая в документах альянса, правда, значилась как «президентский командный пункт». Одна из трех бомб, сброшенных на «пункт», угодила аккурат в спальню. Было три часа ночи, но Милошевича там не оказалось. Хотя удар был нанесен за шесть часов до прилета Черномырдина, Белград, похоже, приберег информацию о бомбардировке резиденции специально для московского гостя — пощекотать тому нервы.

Переговоры продолжались более восьми часов. Их не прервала даже объявленная в югославской столице (где-то на шестом часу переговоров) воздушная тревога. Милошевич и Черномырдин не покинули помещения, в котором проходили переговоры, и не стали спускаться в бомбоубежище.

Еще накануне поездки в Белград Черномырдин довел до сведения Милошевича, чего Москва от него хочет. Сделал он это через брата президента Бориславa, югославского посла в Москве. Суть российского подхода Черномырдин сформулировал так: «Должны быть компромиссы и со стороны НАТО, и со стороны Белграда». Детали плана, который привез спецпредставитель президента РФ в Белград, не разглашались, но в прессу все же попали. Суть предложений Черномырдина состояла в следующем. Россия готова убедить НАТО приостановить бомбардировки, если Белград начнет выводить свои войска и полицию из Косова и согласится на введение туда международных миротворческих сил. В них были бы широко представлены войска стран СНГ и

нейтральных европейских стран, не участвующих в нынешней акции НАТО.

Милошевич был непреклонен: иностранных солдат в Косове не будет никогда. Однако Москва исходила из того, что «без воинских контингентов невозможна ни реализация соглашения, ни нормальное сосуществование сербов и албанцев в Косове». Кроме того, ни на что иное Запад не согласился бы.

Однозначного ответа на предложения Черномырдина Милошевич не дал. Но позицию свою вроде бы смягчил. Тем не менее лидеры стран НАТО заметили, что российско-югославские договоренности — «это шаг вперед», однако уступки Милошевича явно недостаточны. С наиболее резкими заявлениями по этому поводу выступили Билл Клинтон, Тони Блэр и Жак Ширак. Правительство Германии предложило их «внимательно изучить».

Дело в том, что на бумаге уступки Милошевича были зафиксированы лишь в самом общем виде. Как заявил Черномырдин, Милошевич по сути согласился на «международное военное присутствие в Косове под эгидой ООН». Речь шла о формировании контингента из войск стран, не входящих в НАТО (страны СНГ с более-менее прозападной ориентацией, Польша и Чехия) или не участвовавших в военной акции против Югославии, а также России.

Другой уступкой Милошевича были согласие на «частичный» вывод сербских войск и полиции из Косова — возможно, их сокращение до уровня, согласованного с Хавьером Соланой в октябре 1998 года.

Теперь Черномырдину предстояло уламывать натовцев не отвергать с порога предложения Милошевича. А это было посложнее, чем договориться с югославским лидером.

27 апреля в Москву приехал первый заместитель госсекретаря США Строуб Тэлботт. После переговоров Тэлботт заявил: «Мы очень хорошо понимаем друг друга, мы очень откровенно, серьезно и конструктивно работаем друг с другом». «Совпадение или близость позиций по целому ряду вопросов» между Москвой и Вашингтоном подтвердил и глава российского МИДа Игорь Иванов, также встретившийся с Тэлботтом. Ничего подобного Россия и США не говорили друг другу с начала натовских бомбардировок Югославии.

После переговоров Тэлботта стало окончательно ясно, что Россия намерена отойти от жесткой линии в урегулировании на Балканах, которой придерживалось правительство Примакова. Любопытно, что Тэлботт общался не только с Черномырдиным и Ивановым, но и — по телефону — с самим премьером и с главой президентской администрации Волошиным. Источники в Кремле

объясняли это «желанием американцев убедиться, что именно линия, озвученная президентом и проводимая его спецпредставителем, является определяющей в политике России на Балканах».

30 апреля Виктор Черномырдин снова отправился в Белград на встречу со Слободаном Милошевичем. Он вез тому согласованный с Западом план урегулирования. По сути, он не сильно изменился. Белград должен дать согласие на ввод в Косово международного воинского контингента под эгидой ООН. В его составе будут российские миротворцы, представители нейтральных стран, а также тех стран НАТО, которые не слишком активно участвуют в нынешней операции против Югославии. После получения от Милошевича ясного сигнала о том, что он согласен на ввод войск, НАТО приостанавливает бомбардировки, а Белград начинает поэтапный вывод своих войск из Косова. Одновременно туда входит международный воинский контингент. После этого стартуют переговоры о статусе края.

Проблема была в том, что НАТО настаивало на главной роли в определении состава контингента, и к моменту поездки Черномырдина в Белград это противоречие не было снято. Однако спецпредставитель президента РФ считал, что главное в том, что Москве удалось добиться от НАТО согласия на приостановку ударов. «Важно, чтобы это понимала и Югославия», — заметил Черномырдин.

Но как раз в этом полной уверенности у него, похоже, не было. Особенно после решения Милошевича отправить в отставку вице-премьера СРЮ Вука Драшковича, который однозначно высказался в поддержку российского плана. Более того, за день до отъезда Черномырдина из Москвы старший брат президента Милошевича Борислав, посол СРЮ в Москве, заявил, что Югославия готова принять в Косове только гражданскую миссию под эгидой ООН, и то из представителей стран, не участвовавших в агрессии.

Это свидетельствовало о том, что Слободан Милошевич лишь на словах приветствовал миротворческие усилия Черномырдина и ждал «более влиятельного посредника» — своего старого друга Ричарда Холбрука.

Тем не менее через несколько дней после визита Виктора Черномырдина Слободан Милошевич резко сменил тон. С воинственной риторики он перешел на вполне миролюбивую и даже написал Биллу Клинтону письмо с просьбой о личной встрече.

Основная заслуга здесь принадлежала российскому посланнику, впрочем, никто не надеялся, что Милошевич это

когда-нибудь признает. Он вообще старался игнорировать шаги Москвы, направленные на политическое разрешение косовского кризиса. Сербский лидер не раз вовлекал Москву в неблагодарную борьбу за интересы Белграда, требовал военной помощи, просился в российско-белорусский союз, а когда дело дошло до мирных переговоров — повернулся к американцам.

Такое уже случалось. В последний год боснийской войны 1992–1995 годов тогдашний спецпредставитель президента России на Балканах Виталий Чуркин около тридцати (!) раз летал в Югославию, готовя мир в Боснии, а заодно выводя Белград из-под удара Запада. Но подписал Милошевич в конце концов договор, разработанный эмиссаром Клинтона Ричардом Холбруком. И, кстати, благословил американское присутствие в Боснии.

При этом миссия Черномырдина осложнялась не только тем, что Милошевич вел свою игру. Одной рукой пытаясь нащупать путь к миру, другой Москва сама подталкивала Белград к конфронтации. В частности, на вопрос: «Почему Милошевич решился воевать с НАТО?» — многие югославы отвечали так: «У Милошевича были мотивы спровоцировать натовские бомбардировки. Но окончательно его переход на жесткие позиции произошел после неудачно брошенной фразы президента Ельцина: “Сербов мы в обиду не дадим”. Эта фраза была понята в Белграде как готовность Москвы ввязаться в войну на стороне сербских братьев».

Милошевич говорил народу: неважно, что на нас падают бомбы, вот-вот придут русские со своими «С-300» и ядерными бомбами, и тогда НАТО не поздоровится. Этот тезис активно пропагандировало государственное телевидение Сербии. Вот, к примеру, его главные новости на протяжении пяти дней: «Россия приняла решение направить в Адриатику свой военный корабль», «Российский боевой корабль “Лиман” готов направиться к берегам Югославии», «“Лиман” вышел из бухты», «“Лиман” прошел черноморские проливы», «Боевой русский корабль — у наших берегов!»

При этом ни разу “Лиман” не был показан вблизи — иначе телезрители непременно увидели бы ржавчину на его не слишком внушительных бортах. И большинство сербов осталось уверено: российский “Лиман” — это почти что авианосец.

«Клятвенные обещания российских левых прийти на помощь братьям сербам сеяли ложную иллюзию о готовности России вступить в войну и продлевали агонию, приводя к новым бессмысленным жертвам», — заметил вице-премьер Черногории Драгиша Бурзан.

Кто-то должен был развеять иллюзии и честно сказать сербам: Россия воевать за сомнительные интересы Белграда не будет. В этом и состояла миссия Черномырдина.

Его откровения подействовали на сербов как холодный душ. Они, а не воинственные заявления генералов арбатского военного округа и патриотические призывы депутатов Думы побудили Белград пересмотреть свою позицию и начать искать компромисс.

В отличие от прежних российских эмиссаров, в изобилии наезжавших в Белград, в том числе Примакова, Черномырдин не спрашивал Милошевича, на какие уступки тот готов пойти. Он доходчиво, но жестко объяснил сербскому лидеру, какие уступки от него требуются. Только такой тактикой можно добиться результатов в переговорах с Милошевичем.

Уже в ходе первой встречи с югославским президентом, продолжавшейся более восьми часов, Черномырдин выбил из Милошевича самое главное — согласие на ввод международного военного контингента в Косово. Последовавшие затем невразумительные оговорки Белграда, что речь, дескать, шла лишь о гражданском присутствии в Косове, ничего не изменили. Они лишь подтвердили, что Милошевич запоздало спохватился: он выложил российскому представителю свой главный козырь, который надо было бы приберечь для торговли с американцами.

Имея такую карту, Черномырдин мог успешно нажимать на западных собеседников, подталкивая их к разумным компромиссам. И он это сделал. После беседы с Черномырдиным Клинтон впервые заговорил о возможном прекращении бомбардировок Югославии.

Так что усилия России оказались не напрасными.

Москва не могла себе позволить остаться в стороне от балканского миротворчества и по внутриполитическим соображениям. Югославская война стала едва ли не главной внутрироссийской проблемой. На волне антинатовских настроений КПРФ и ее союзники всерьез стали готовиться к реваншу. Призывы к защите сербских братьев должны были стать прологом к призывам свергнуть «прозападный режим Ельцина». В этом Зюганову активно подыгрывал официальный Белград.

На заседании Общества югославских граждан в Москве был сделан вывод, что «реальную поддержку борьбе сербского народа с натовскими агрессорами» в России оказывают только КПРФ и другие левые и патриотические партии, со стороны же официальных российских властей эта помощь практически не оказывается.

Инициатор создания Общества югославских граждан в Москве и главный координатор его деятельности — посольство СРЮ в

Москве. Так что фактически оно, а не просто группа каких-то граждан поблагодарило российских коммунистов за поддержку.

Впрочем, это было не сенсацией, а очередным подтверждением ставшего давно очевидным факта: главной целью белградского режима была не поддержка России, а содействие приходу к власти в нашей стране сил, готовых оказывать эту поддержку в любом виде и любой ценой.

Эту политику Милошевич проводил давно. 19 августа 1991 года, когда в Москве было объявлено о создании ГКЧП, в Белграде начался настоящий праздник. Окружение Милошевича славило московский путч. Параллельно писались приветствия Янаеву и компании. Милошевич продолжал верить в торжество коммуно-патриотизма в России и после провала путча.

В этой ситуации миссия Черномырдина стала костью в горле КПРФ. Зюганов не смог скрыть своего раздражения и даже опустился до оскорблений: «Черномырдина надо воспринимать не как спецпредставителя, а как спецразрушителя, спецагента или, если угодно, как своеобразную политическую ширму, за которой втихую идет сближение позиций Москвы и Вашингтона по отношению к ситуации на Балканах. Черномырдин, не внеся ни единого сколько-нибудь серьезного и конкретного предложения по прекращению войны против Югославии, ездит по миру, чтобы оправдать международный разбой в отношении этой страны».

В условиях, когда умеренная линия Кремля обозначила ясную перспективу балканского мира, когда Милошевич начал заигрывать с США, российские коммунисты поняли, что битву за Югославию (а стало быть, и за власть в России) они проигрывают.

Черномырдин не снискал России лавров главного миротворца. Но он добился более важного: Россия не втянулась в конфронтацию с НАТО. И избежала мировой изоляции.

А в конце мая Россия прочно закрепила за собой одну из главных ролей в разрешении косовского кризиса. В результате многочасовых переговоров определилась «тройка» в составе российского эмиссара Виктора Черномырдина, заместителя главы госдепартамента США Строуба Тэлботта и представителя Евросоюза, финского президента Мартти Ахтисаари. Именно на них была возложена задача остановить войну. Остальные оказались запасными.

Очередную встречу «тройки» в Москве 26 мая снова назвали решающей. Она должна была остановить наконец бомбежки. Переговоры, проходившие за плотно закрытыми дверями бывшей сталинской дачи в Кунцево, затянулись до позднего вечера. В очередной раз согласованную позицию Виктор Черномырдин

повез в Белград. Но окончательного ответа от Милошевича так и не получил. Бомбардировки продолжались.

В начале июня «тройка» провела двухдневные переговоры в Бонне при участии канцлера ФРГ Герхарда Шредера. Видимо, все-таки далеко не все позиции миротворцев были четко согласованы. Как заявил советник Черномырдина Валентин Сергеев, американская сторона сделала свои требования более суровыми, выдвинув «несколько жестких условий, нелогичных как с точки зрения военных, так и с точки зрения политических решений блока вопросов, связанных с выводом сербских войск». Хотя переговоры проходили за закрытыми дверями, очевидно, что главные споры развернулись вокруг условий прекращения бомбежек и состава миротворческих сил.

Лишь в пятом часу вечера по московскому времени появились сообщения, что сторонам удалось преодолеть принципиальные разногласия и выработать единый план. Вечером Черномырдин и Ахтисаари вылетели в Белград.

3 июня Югославия приняла международный план мирного урегулирования. После 72 дней бомбардировок Белград согласился на более тяжелые условия, чем те, которые он отверг накануне войны.

В течение первой половины дня из Белграда поступали весьма сдержанные сообщения. После завершения переговоров Черномырдина и Ахтисаари с Милошевичем никаких официальных комментариев от югославской стороны не поступало: Милошевич не собирался брать на себя ответственность за непопулярное решение. Все ждали завершения заседания скупщины (парламента) Сербии. Впрочем, было известно: о принятии плана скупщиной Черномырдин договорился с Милошевичем еще во время предыдущего посещения Белграда в конце прошлой недели.

Заседание проходило за закрытыми дверями. По словам участвовавших в нем парламентариев, шло оно весьма бурно, но после полуторачасового заседания из присутствовавших 214 депутатов 134 проголосовали «за» и лишь 76 — «против». Сразу же после голосования Воислав Шешель заявил о выходе радикалов из правительства.

Впрочем, НАТО не торопился принимать капитуляцию Белграда. Представители альянса заявили, что для немедленного прекращения бомбардировок одного решения скупщины недостаточно. Нужны более твердые гарантии того, что «в Белграде возобладал здравый смысл».

Перед вылетом из Белграда Виктор Черномырдин позвонил Строубу Тэлботту и призвал его как можно скорее направить в

Белград делегацию натовских генералов для детализации мирного соглашения. Черномырдин же вылетел в Хельсинки на очередную встречу с Ахтисаари и Тэлботтом. На ней он собирался добиться объявления паузы в бомбардировках Югославии сразу после подписания соглашения между Белградом и НАТО. Однако надежды на это было мало.

Тем более что российские военные практически сразу развили наступление на это соглашение. Первым против договора публично выступил генерал Леонид Ивашов. Потом военный атташе РФ в Белграде генерал-лейтенант Евгений Бармянцев по поручению министра обороны Игоря Сергеева и министра иностранных дел Игоря Иванова подключился к начавшимся 5 июня переговорам сербских и натовских генералов в воскресенье в 19.30 по московскому времени. Через полтора часа переговоры были приостановлены.

Линию Ивашова поддержал и МИД РФ. Игорь Иванов и его первый зам Александр Авдеев, избегая прямой критики Черномырдина, высказали целый ряд замечаний в адрес согласованного им вместе с ЕС и НАТО плана по Косову.

Формально Игорь Иванов, возможно, и прав, упрекая НАТО в излишней жесткости. Но еще более был прав Виктор Черномырдин, заочно ответивший своим критикам: «Надо бывать в Югославии и видеть, что там происходит. Люди на пределе — без воды, без света, без электроэнергии. Прекращение войны реально, если у себя не натворим чего-то. Тогда все будет поставлено под вопрос. Это недопустимо. Это будет преступно».

Вечером 7 июня по инициативе Вашингтона состоялся телефонный разговор Билла Клинтона и Бориса Ельцина. Президенты договорились. Они решили дать указания главам своих МИДов: прийти к соглашению как можно быстрее.

И на следующий день, после встречи с премьер-министром Сергеем Степашиным (Евгений Примаков был отправлен Ельциным в отставку еще 12 мая) Игорь Сергеев приказал журналистам: «Так и напишите: разногласий между военными и Черномырдиным нет». Маршал лукавил. Его подчиненный генерал Леонид Ивашов, критиковавший итоги миссии спецпредставителя президента РФ, вряд ли за пару дней изменил свои взгляды. Просто стало ясно, что генеральская атака на Черномырдина, а стало быть, и на линию президента в югославском урегулировании провалилась.

Она готовилась заранее, еще до того, как Виктор Черномырдин вместе с представителем Евросоюза Мартти Ахтисаари привез в Белград окончательный план по Косову. Основные положения этого плана эмиссар Ельцина, как известно,

согласовал с Милошевичем еще во время предыдущего приезда в Белград 28 мая. Вот тогда-то генералы и нанесли упреждающий удар. Со ссылкой на российские военные источники агентства распространили информацию, что Милошевич и Черномырдин якобы договорились о введении в Косово контингента, состоящего только из военнослужащих РФ, стран СНГ и нейтральных государств.

Это была фальшивка. Ее авторы знали, что истинные договоренности далеки от этого хоть и отвечающего интересам Москвы, но все же идеалистического плана, на который никогда бы не согласился НАТО. Фальшивку запустили для того, чтобы сыграть потом на противопоставлении ее истинному плану — когда его обнародуют. И заявить, что Черномырдин «сдал» российские интересы. Информация о несогласии военных с планом просочилась в прессу, еще когда Черномырдин вел переговоры в Белграде. Но главный удар был нанесен позже.

Близкий к Черномырдину человек рассказывал: «Возвращаясь из Белграда после решающих переговоров и принятия Милошевичем плана, мы прямо в самолете провели “разбор полетов”. Черномырдин еще раз напомнил всем четыре директивы президента: прекращение бомбардировок, целостность Югославии, широкая автономия Косова и главенство ООН в косовской операции. И спросил, отвечают ли они достигнутым договоренностям. Все члены делегации, включая генерала Леонида Ивашова, согласились, что директивы президента выполнены. Тогда же и было решено, что пресс-конференцию в аэропорту проведут вместе Черномырдин и Ивашов — чтобы устранить все кривотолки о расколе в делегации. Каково же было наше удивление, когда Ивашов перед телекамерами вдруг стал критиковать план».

Сам Ивашов впоследствии вспоминал о переговорах в Югославии так: «Ночью Тэлбот организовал Черномырдину телефонный разговор с Альбертом Гором, и утром Виктор Степанович… принял вариант американской стороны… Естественно, я заявил протест. Потом ходили слухи, будто мы с Черномырдиным даже подрались. Потом я получил достоверные сведения, о чем разговаривали ночью Гор и Черномырдин. Дело в том, что еще раньше они встречались на вилле Гора в Америке и будто бы договорились, что Альберт Гор будет выдвигаться кандидатом в президенты США, а Виктор Степанович — в президенты России. При этом Соединенные Штаты в лице действующего президента Билла Клинтона и его соратника по партии Альберта Гора обещали Черномырдину поддержку».

Как бы то ни было, в Бонне главе МИД Игорю Иванову так же,

как и ранее Виктору Черномырдину, не удалось достичь всего, чего хотелось бы России. И так же, как и спецпредставитель, министр оказался перед дилеммой: пойти на разумные уступки или завалить весь мирный процесс. Иванов взял тайм-аут и запросил у Москвы инструкции. Судя по тому, что уже во второй половине дня «восьмерка» согласовала проект резолюции СБ ООН по Косово, Москва приказала министру руководствоваться здравым смыслом и пойти на компромисс.

Дума (с подачи левых фракций) отреагировала проектом постановления, согласно которому вся деятельность экс-премьера на Балканах объявлялась «противоречащей национальным интересам России», и заданием бюджетному комитету подсчитать, «во что обошлись зарубежные вояжи президентского посланника». Лидер КПРФ Геннадий Зюганов назвал Черномырдина «не спецпредставителем, а спецпредателем». И даже член «Яблока» Владимир Лукин заявил о профессиональной некомпетентности Черномырдина.

А 10 июня в 17.30 по московскому времени генсек НАТО Хавьер Солана объявил о приостановке бомбардировок Югославии. Продолжавшаяся два с половиной месяца война НАТО против СРЮ закончилась. «Решающий вклад в разрешение косовского кризиса внесла Россия», — отметил заместитель госсекретаря США Строуб Тэлботт. Россия настояла на том, чтобы резолюция Совета безопасности ООН, которая подводит черту под югославской войной, была принята после прекращения натовских бомбардировок. Однако генсек НАТО отказывался отдать такой приказ до появления надежных доказательств того, что сербы начали отвод войск согласно утвержденному графику.

Объявление о прекращении бомбардировок первоначально ожидалось между 14.00 и 15.00 по московскому времени. Но всю первую половину дня официальные лица в НАТО заявляли, что пока не получили подтверждений того, что сербские генералы следуют ими же принятому плану. Этот план был подписан натовскими и югославскими генералами в ночь на 10 июня в приграничном македонском городке Куманово.

Первые неофициальные сообщения о том, что сербы начали отвод войск из северного сектора Косово, стали поступать лишь во второй половине дня. А в шестом часу вечера по московскому времени Солана объявил, что «несколько мгновений назад дал указания генералу Уэсли Кларку (главкому НАТО в Европе) приостановить воздушные операции против Югославии».

О приказе Соланы был тут же проинформирован генсек ООН Кофи Аннан. Прекращение бомбардировок дало «зеленую улицу» принятию специальной резолюции СБ ООН по Косово. И, уже

вооруженные мандатом ООН, в Косово должны войти первые части НАТО — американские морские пехотинцы, переброшенные накануне в Македонию.

В Москве же продолжались переговоры. Строуб Тэлботт совещался с Виктором Черномырдиным, а военная делегация США — с делегацией Минобороны во главе с начальником главного управления международного военного сотрудничества генерал-полковником Леонидом Ивашовым. Россияне держали «последний рубеж обороны» — добивались того, чтобы российские войска в составе миротворческого контингента не были подчинены объединенному (то есть натовскому) командованию…

Пока в российском МИДе проходили переговоры, в российском Генштабе шла напряженная работа: готовился план молниеносной передислокации 200 десантников из Боснии в Косово и упреждающее занятие аэродрома Слатина в столице края Приштине (НАТО не подвергал его бомбардировкам, рассчитывая использовать для своих военно-транспортных самолетов, а также для дислокации командования английских миротворцев). В дальнейшем здесь, по плану генералов, должны были приземлиться российские военно-транспортные «Ил-76» с несколькими тысячами десантников из Пскова, Рязани и Иванова.

Идея использовать миротворцев из Боснии принадлежала генерал-полковнику Виктору Заварзину (кстати, это очередное звание он получил за успешное проведение косовской операции), который представлял МО России при НАТО.

Планом Генштаба время «Ч» было назначено на 11.30 11 июня. В 11.00 начальник Генштаба генерал Анатолий Квашнин лично позвонил президенту, доложил о плане и попросил одобрения. Борис Ельцин план одобрил, расценив его как «правильный и сильный ход». Лишь после этого Квашнин сообщил министру обороны Игорю Сергееву о плане и доложил, что план одобрен президентом.

Ровно в 11.30 11 июня колонна российских военнослужащих — примерно 200 человек на пятнадцати БТР, тридцати грузовиках и пяти «УАЗах» (с сухим пайком на пять суток) — начала выдвижение из района постоянной дислокации российской миротворческой бригады (недалеко от боснийского города Тузла) в сторону югославской границы. Через час колонна российских десантников с эмблемами KFOR (солдаты намалевали их ночью перед выходом) пересекла границу и в сопровождении сербской полиции направилась в глубь страны.

В это время на аэродромах Рязани, Иванова, Пскова уже были сконцентрированы подразделения ВДВ общей численностью

тысяча человек и шесть самолетов военно-транспортной авиации ВВС «Ил-76МД», готовые через четыре часа после получения приказа вылететь на Балканы. Места приземления — аэродромы в городах Печ и Приштина.

Через четыре часа колонна проследовала через Белград. Маршрут через Белград удлинял путь на 100 км, но был выбран не случайно: сербы восторженно встретили «русских братьев», и это был отличный психологический момент. 12 июня в 4.30 российские десантники, пройдя через Приштину, где их встретил многотысячный митинг сербов с песнями и музыкой, прибыли на авиабазу «Сла-тина». Высокопоставленный чиновник Генштаба заявил: «Именно благодаря твердой позиции и практическим шагам, предпринятым Генштабом, в Косове сложилась новая обстановка, с которой вынуждены теперь считаться в НАТО. В Приштину мы пришли первыми, как когда-то в Берлин».

Однако второй этап плана — переброска подкрепления из России — оказался под угрозой срыва. Венгрия и Болгария отказались предоставить воздушный коридор. Эта загвоздка оказалась для Генштаба неожиданной. Дело в том, что разрешение на пролет самолетов с десантниками в Боснию уже имелось, но только для их плановой ротации. Этим и решили воспользоваться генералы. Но в Софии и Будапеште резонно заметили, что ситуация принципиально изменилась.

Российский МИД направил в Болгарию запрос 12 июня. Российский посол Леонид Керестеджиянц даже лично встретился с премьером страны Иваном Костовым. И тот дружески посоветовал Москве уладить вопрос с Вашингтоном. В противном случае болгары будут действовать в соответствии со своей конституцией — пролет российских самолетов без разрешения в Болгарии (и Венгрии тоже) будет расценен как вторжение в воздушное пространство страны.

Российские десантники в «Слатине», таким образом, оказались практически в ловушке. Запасов у них оставалось всего на два дня. А продержаться они должны были хотя бы до 18 июня, когда в Кельне начнется саммит «восьмерки».

С точки зрения внешней политики эта акция не принесла Москве никаких дивидендов. Если отбросить эмоции, то блистательный захват единственного аэродрома в Косове лишь на короткое время вызвал замешательство Запада. Принципиально на расстановке сил он не сказался.

Операция, которую российские генералы сравнивали чуть ли не со взятием Берлина в 1945 году, имела бы смысл, если бы вслед за передовым отрядом на удерживаемый плацдарм могли беспрепятственно прибыть основные силы. Однако Венгрия,

Болгария и Румыния отказались предоставить воздушный коридор российским военнотранспортным самолетам. А силы альянса вместо приштинского аэропорта стали использовать аэродромы Македонии. В результате двести десантников обороняли взлетную полосу непонятно от кого и непонятно для чего.

Запад, оправившись от шока, ни на йоту не смягчил позицию на переговорах с Москвой, вновь выдвинув прежние условия российского участия в операции: никакого отдельного сектора и подчинение общему командованию.

Никак не повлиял марш-бросок российских десантников и на положение сербов в крае. К 11 июня Косово покинули части сербской армии и полиции, а вслед за ними начался исход сербского населения.

Однако у российского десанта в Косово все же оказался иной немаловажный аспект — внутриполитический. Его значение нельзя недооценивать. Едва ли не впервые в истории России генералы тайно разработали и провели за пределами страны громкую акцию, о которой ничего не знали ни министр иностранных дел, ни глава правительства.

Поэтому вначале дипломаты подумали, что армия вышла из-под контроля и действует самостоятельно. В воздухе повис вопрос: «Военный переворот?» Но на следующий день президент присвоил очередное звание генерал-полковника Виктору Заварзину, командовавшему марш-броском десантников. И все встало на свои места.

Президентское ухо оказалось доступно не только олигархам. К нему наконец прорвались и генералы. И стало ясно, что в России появился новый полюс власти. Потому что президент не каждому подставляет ухо и не каждого слушает. А лишь того, кто обладает реальной силой.

И генералы выступили именно как единая сплоченная военно-политическая сила. О том, что в армейской среде недовольны политикой, которую проводили МИД и специальный представитель президента России по Югославии Виктор Черномырдин, в общем-то было известно. Регулярные жесткие заявления по Балканам генерала Леонида Ивашова, которые изрядно нервировали либеральную общественность и западных партнеров, воспринимались именно как отголосок этих настроений.

Но марш-бросок в Косово показал наличие в генеральской среде не только настроений, но и вполне дееспособной организации. В российских вооруженных силах нашлось как минимум два десятка достаточно молодых (средний возраст —

около пятидесяти лет), энергичных генералов-единомышленников, способных в обстановке максимальной секретности самостоятельно разработать и осуществить не только военный, но и военно-политический план.

Реакция значительной части общества на генеральскую инициативу оказалась как нельзя более благоприятной, если не сказать восторженной. А уж в армии эти генералы стали не только формальными, но и неформальными лидерами.

И сразу оказалось не так уж важно, чем обернется операция на Балканах, какими будут итоги переговоров Москвы и Запада, получит Россия свой сектор в Косово или нет, дадут нам кредит МВФ, реструктурируют ли долги. Все это осталось заботой и печалью дипломатов и правительства. Генералы же свое дело сделали. Косовский марш-бросок уже стал легендой. А еще своеобразным реваншем за Чечню.

В итоге югославская война и миротворческая миссия Виктора Черномырдина принесли России только возможность испытывать глубочайшее моральное удовлетворение от сделанного и рассчитывать на благодарность мирового сообщества. В какой-то мере это был политический выигрыш: добиться прекращения бомбардировок мирных городов всегда почетно. Но и почти в той же мере — проигрыш, потому что Россия показала, что на большее она просто не способна. Ни воинствующее правительство Примакова, ни более сдержанные Ельцин и Черномырдин не сумели продиктовать свою волю ни НАТО, ни Югославии. Они лишь добились того, в чем к этому моменту и без них были заинтересованы обе конфликтующие стороны, — прекращения войны.

Но печалиться по поводу этого поражения России явно не стоило. Потому что если бы Россия попыталась бы кому-нибудь что-нибудь продиктовать, это означало бы войну — более страшную, чем велась на Балканах.

Ненавидимый Думой Виктор Черномырдин неожиданно приобрел в России популярность, значительно большую, чем он имел в бытность премьер-министром (большинство россиян — согласно опросам «Левада-центра» — поддержали его миротворческие усилия). Зато левым здорово удалось испортить имидж России в глазах Запада — там поняли, что Россия действительно в любой момент может поставить диктаторскому режиму новейшее вооружение или вообще перенацелить свои ядерные боеголовки. Испортив впечатление о себе на Западе, Россия не приобрела друзей на Востоке, к чему так призывали коммунисты. В итоге же разрушенная двухмесячными бомбардировками Югославия оказалась ближе к Западу, чем к

России. В обращении к нации, посвященном окончанию войны, Милошевич ни разу не упомянул Россию.

В 1999 году Виктор Черномырдин за миротворческие усилия на Балканах и деятельность в сфере внешней политики был выдвинут на соискание Нобелевской премии мира. В 2003 году вышла в свет его книга «Вызов», в которой он излагал свою точку зрения на события балканского кризиса.

Для одних Черномырдин на Балканах показал себя мудрым стратегом, не поддавшимся на манипуляции циничного сербского лидера Милошевича и уберегшим Россию от заведомо проигрышной конфронтации с Западом. Для других Черномырдин стал предателем нации, цинично обманувшим «братьев-сербов», типичным проводником капитулянтской политики перед Западом (и, как уже было в 1995-м, в Буденновске, перед террористами).

Глава 26
Спасение Медведева
Прощание с «Газпромом»

15 июня 2000 года в Берлине Рем Вяхирев заявил, что определен его преемник на посту председателя правления компании. В том же месяце на собрании акционеров «Газпрома» был избран новый председатель совета директоров компании — Виктора Черномырдина на этом посту сменил заместитель главы президентской администрации Дмитрий Медведев.

Еще 10 февраля 1999 года Евгений Примаков предложил Виктору Черномырдину войти в совет директоров «Газпрома». Черномырдин сразу согласился. Хотя сразу же после отставки в марте 1998 года бывший премьер заявил: «Это исключено. Я не собираюсь возвращаться в “Газпром”. Мне это не нужно». И потом одиннадцать месяцев подряд упорно повторял это заявление, занимаясь, по его собственным словам, укреплением НДР и подготовкой к выборам. Разумеется, в том числе президентским.

Зачем? Версий было несколько. Черномырдину, говорили, нужны деньги на выборы. А Примакову, мол, нужны деньги МВФ, причем на МВФ может повлиять вице-президент США Гор, а Гора Черномырдин знает по работе в комиссии Гор — Черномырдин. А еще, говорили, Примакову зачем-то срочно понадобился НДР. Неясно одно — что мешало ЧВС войти в совет «Газпрома» и даже возглавить его сразу после отставки с поста премьера. Причем очень похоже, что он именно так и хотел сделать. Но никто ему этого не предлагал. Видимо, все дело в том, что самостоятельность Вяхирева и его нежелание платить налоги в конце концов вызвали раздражение Примакова. И оказалось, что орудий, которыми воевали с Вяхиревым прежние правительства (ограничение полномочий, арест газа прямо в трубе и т. п.), у Примакова нет. Вяхирев платил государству чуть более $200 млн в месяц (летом 1998 года заплатил $400 млн), а налоговый министр Георгий Боос только разводил руками, ссылаясь на профессионализм плановиков «Газпрома», а также на то, что

инфляция не догнала девальвацию. Может, оно и так, но денег больше не становилось. Примаков решил применить против Вяхирева абсолютное оружие. Вообще-то у премьера не было оснований делать подарки ЧВС, но если интересы совпадают — почему бы нет? Вот премьер и предложил Черномырдину войти в совет директоров «Газпрома» в качестве представителя государства.

Накал внутрироссийского политического противостояния постепенно нарастал. Летом 1999 года развернулась открытая борьба между «Газпромом» и Кремлем. «Газпром» объявил, что его убытки за прошлый год составили $1,8 млрд, поэтому никаких дивидендов своим акционерам, в том числе и государству, он платить не станет. Это означало отказ в финансировании операции «Преемник», проводимой Кремлем, и еще — что «Газпром» может поддерживать любого кандидата по своему усмотрению.

Одновременно на НТВ (акционерами которого являлись Гусинский и «Газпром») с каждым днем усиливалась критика Кремля и поддержка Лужкова и Примакова. В Кремле требовали, чтобы «Газпром» как крупный акционер и кредитор НТВ повлиял на телекомпанию — пусть та прекратит резкую критику Кремля. Но Вяхирев и палец о палец не ударил…

В августе ситуация ухудшилась. Движение Юрия Лужкова «Отечество» и губернаторский блок «Вся Россия» объединились. Грандиозность конструкции явно означала щедрое финансирование со стороны «Газпрома», председателем совета директоров которого был на тот момент Виктор Черномырдин.

Накануне объединения Сергею Степашину был предоставлен последний шанс. Александр Волошин провел 3 августа отчаянные переговоры с ведущими губернаторами из «Всей России», уговаривая их стать партией власти и сделать тогдашнего премьера Сергея Степашина своим первым номером. Но в последний момент сам Степашин вдруг заявил, что ни в какой политический блок не пойдет. Бегства с поля боя ему не простили: не прошло и недели, как его отправили в отставку. Чтобы окончательно убедить Бориса Ельцина в том, что Степашин слабый, ушло три дня: с 6 по 8 августа. Причем не последнюю роль сыграли и события на Северном Кавказе.

9 сентября 1999 года в телеобращении к народу, записанном в связи со вторжением ваххабитов из Чечни в Дагестан, Борис Ельцин назвал имя нового премьера — Владимира Путина — и сказал, что именно его он хотел бы видеть президентом в 2000 году. Остальные претенденты из шорт-листа выбыли.

Новому премьеру с ходу пришлось браться за Вяхирева. На

следующий день после назначения Путина в Кремль вызвали Виктора Черномырдина. Там председателю совета директоров «Газпрома» зачитали список обвинений в адрес Рема Вяхирева, начиная от бездействия в отношении НТВ и заканчивая финансированием Примакова и Лужкова. Черномырдину возразить было нечего. По окончании встречи Черномырдин с каменным лицом заявил, что президент «поддержал Рема Вяхирева». Но одного взгляда было достаточно, чтобы понять: Вяхирев находится на волосок от катастрофы. А уже на следующий день французская газета Le Monde опубликовала интервью Бориса Березовского, в котором тот говорил, что Вяхирев «ведет себя неприемлемо, поддерживая Лужкова», и что отставка Вяхирева неминуема, так как «ненормально, что этот финансовый потенциал используется против президента и правительства».

В Кремле активно обсуждались разные сценарии, в том числе устранение Вяхирева с поста председателя правления. Особенно рьяно на отставке Вяхирева настаивал Березовский. Пожалуй, самым остросюжетным был такой план. На 26 августа было назначено собрание акционеров, но 23-го Рем Вяхирев праздновал 65-летие. По этому случаю его планировалось пригласить к Ельцину — для поздравления и получения ордена. Но перед кабинетом президента Вяхирева должен был встретить лично Путин «в компании с руководителями силовых структур». Дальше они могли показать Вяхиреву папку с таким компроматом на него самого и на его детей, после которого от предложения уйти в отставку он не смог бы отказаться.

Подобных слухов об уготованной ему участи, подкрепленных сюжетами на ОРТ, не слишком смелому Вяхиреву хватило с лихвой. Весь день рождения он провел как на иголках — главы зарубежных государств засыпали его разнообразными дорогими подарками, но в Кремль его так и не позвали. Борис Ельцин ограничился поздравительной телеграммой, а Владимир Путин — почетной грамотой правительства «За заслуги перед государством в развитии отечественной газовой промышленности, обеспечение надежного газоснабжения экономики страны и многолетний добросовестный труд».

Кроме распространения тревожных слухов, правительство предприняло и ряд конкретных действий. В ряде подконтрольных «Газпрому» структур, в том числе в «Газсибконтракте» и «Сибуре», начались обыски.

26 августа собрание акционеров прошло как по маслу. В совет директоров были избраны пять представителей государства. Вяхирев сохранил должность. Министр Госимущества Фарит

Газизуллин заявил, что уже готовятся документы на продление с ним трастового договора.

«Я хочу провести выборы, и те и другие, и уже отгребать в другую сторону», — говорил Вяхирев незадолго до избрания второго совета директоров. После этого он уже никогда открыто не конфликтовал с властью. Впрочем, нельзя забывать о том, что за Вяхиревым и за его открытым столкновением с Кремлем стоял неизменной тенью Виктор Черномырдин. И ему закидонов Вяхирева не простили, хотя и «попросили» с поста не сразу, а лишь после того, как Путин стал новым президентом России.

15 июня 2000 года в Берлине Рем Вяхирев заявил, что определен его преемник на посту председателя правления компании. В том же месяце на собрании акционеров «Газпрома» был избран новый председатель совета директоров компании — Виктора Черномырдина на этом посту сменил заместитель главы президентской администрации Дмитрий Медведев.

Глава 27
Спасение Украины
Посол личной воли

В отличие от украинцев, воспринимавших Черномырдина — с его внушительной внешностью, грубоватым юмором и широтой натуры — в образе народного героя, у политического класса Украины фигура Черномырдина вызывала глухое раздражение. Виктор Степанович упрямо демонстрировал игнорирование идеологии, которая легла в основу украинской «незалежности». Он не желал замечать, что Украина — это не продолжение России, а другое государство. Причем государство, взявшее в качестве главного ориентира не идею сближения с Москвой, а идею отторжения.

10 мая 2001 года после встречи Владимира Путина с Виктором Черномырдиным президентская пресс-служба распространила сообщение о предстоящем назначении господина Черномырдина российским послом на Украине и одновременно спецпредставителем Владимира Путина «по развитию российско-украинских торгово-экономических связей». Задача курировать российско-украинские отношения в сфере ТЭКа в 2001 году делала Черномырдина фактически украинским премьером.

Вообще в роли премьера — что российского, что украинского — Виктор Черномырдин смотрелся куда лучше, чем в роли посла. Он заслуженно считался политическим тяжеловесом, к тому же являлся носителем уникальной речевой манеры, весьма далекой как от гладко-безликой дипломатической, так и от классически русской.

В условиях продолжающегося политического кризиса и резкого охлаждения отношений с Западом для Украины ориентация на Россию в 2001 году альтернативы не имела. Тем более что практически вся украинская экономика жила за счет

поставок российского газа и других энергоносителей. А раз так, то посол России на Украине — больше чем посол. Один из членов Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) прокомментировал происходящее так: «Виктора Степановича надо было сразу назначать вместо Виктора Ющенко. Хотя Ющенко жаль».

Виктор Черномырдин и в самом деле был особым послом. Он и дополнительный ранг спецпредставителя президента получил, и назначение его происходило не по мидовским канонам, а по личному решению Владимира Путина. Президент наверняка учел тот факт, что у Виктора Черномырдина сохранялись очень теплые, давние и доверительные отношения с Леонидом Кучмой — с ним они как раз говорили на одном языке бывших красных директоров. Путин заявил, что «вряд ли мы найдем человека, который лучше бы знал состояние отношений между двумя странами». Леонид Кучма выбор своего российского коллеги горячо поддержал. Совсем не чужим был Виктор Черномырдин и украинским предпринимателям, особенно связанным с машиностроением.

Сам же господин Черномырдин принял новое назначение, по оценке одного высокопоставленного кремлевского чиновника, «не кривляясь».

Реакция Киева не заставила себя ждать. Уже на следующий день вице-премьер Украины Олег Дубина заявил, что в самое ближайшее время энергосистемы России и Украины будут объединены. Такое ускорение реализации давнего проекта Анатолия Чубайса произошло во многом потому, что в окружении господина Кучмы поняли: к этому проекту в России относятся чрезвычайно серьезно — настолько, что следить за его осуществлением послали бывшего премьера Виктора Черномырдина.

28 мая министр иностранных дел Игорь Иванов и Виктор Черномырдин провели в пресс-центре МИД РФ совместную пресс-конференцию, хотя редко когда посол удостаивался такого представления. Господин Иванов заявил, что Россия заинтересована в преодолении кризисной ситуации в республике (на Украине больше месяца не могли утвердить кандидатуру премьера и, соответственно, сформировать правительство). «Чем быстрее Украина сможет преодолеть этот кризис, тем быстрее мы сможем совместно решать те важнейшие задачи, которые отвечают интересам наших двух народов, двух государств», — сказал глава МИДа. Назвав Виктора Черномырдина «больше чем дипломатом», министр заявил, что его «опыт и профессионализм помогут закрепить позитивные тенденции» в российско-

украинских отношениях.

Сам господин Черномырдин, взяв слово, по-своему повторил основные тезисы выступления своего начальника. Двусторонние отношения, по его словам, «будут развиваться на равных», несмотря на происки врагов, «которых мы знаем в лицо, правда, там не назовешь это лицом». Говоря о кризисной ситуации в республике, Виктор Черномырдин отметил, что «ни нам, ни Украине это не добавляет, а наоборот», и рекомендовал Верховной раде «сегодня же» утвердить кандидатуру нового премьера Анатолия Кинаха.

Перед отъездом в Киев Виктор Черномырдин получил аудиенцию у патриарха Алексия II, который благословил его на служение делу укрепления многовековой дружбы двух славянских единоверных народов, и сделал несколько программных заявлений.

В частности, он сказал: «Российско-украинские торгово-экономические связи — это улица не с односторонним, а с двусторонним движением. Надо открывать двери не только перед российским бизнесом на Украине, а и в России — перед украинским. Надо только ускорить и упрочить этот процесс. Взаимовыгодный, между прочим». Пообещал избегать в отношениях с независимым государством «ненужных обострений», сделать «все что можно и даже больше» для улучшения двусторонних торгово-экономических связей.

На довольно едкое замечание Daily Telegraph, назвавшей его вице-королем Украины, ЧВС отреагировал подчеркнуто спокойно: «Я уже столько разных высоких постов прошел, что пускай другие попробуют. Назначение послом и специальным представителем президента я воспринимаю как величайшую ответственность и доверие. Буду делать свою работу как никогда. А разговоры о Черномырдине — король он там или какой-то вице — напрасный труд. Меня трудно вышибить из седла».

Оба этих действия с точки зрения «обычной» дипломатии были ошибочными. Посол, дающий рекомендации парламенту независимой страны, рискует сразу получить обвинение во вмешательстве во внутренние дела. А то, что патриарх в беседе с Виктором Черномырдиным назвал Киевский патриархат и Автокефальную церковь «раскольническими организациями», подчеркнув, что «паства, верная Московскому патриархату, — самая многочисленная на Украине», многие напрямую расценили как вызов украинской независимости. Однако вполне возможно, что от Черномырдина и в Москве, и в Киеве ожидали именно такого образа действий.

Во всяком случае, верительные грамоты президенту Украины

Виктор Черномырдин 30 мая 2001 года вручил без каких-то проблем. И погрузился в рутинную посольскую работу.

Он обсуждал экономические проблемы (в основном касающиеся энергетики, а точнее — отбора российского газа украинской стороной и участия российских компаний в украинском бизнесе) с украинским премьером. Ему приходилось заниматься и более деликатными вопросами — курировать переговоры о сумме украинских компенсаций родственникам погибших в сбитом украинскими ПВО «Ту-154» над Черным морем. Но это был, пожалуй, единственный мрачный эпизод первого года работы Черномырдина-посла. В остальном все шло очень неплохо. В марте 2002 года в Киеве Виктору Черномырдину даже была вручена международная премия украинской общенациональной программы «Человек года—2001».

Премию вручал вице-премьер Украины, председатель высшего академического совета общенациональной программы «Человек года» Владимир Семиноженко. Отметив, что стать чрезвычайным и полномочным послом России на Украине можно, лишь имея опыт российского премьер-министра, он сказал, что после господина Черномырдина Украина ждет в качестве нового российского посла «человека минимум с президентской стажировкой».

Черномырдин ответил в своем стиле, переведя разговор на государственные аспекты российско-украинской дружбы: «В нашем правительстве — Матвиенко, Христенко, Швыдкой и так далее. А русские есть? В правительстве, — спросил он у притихшего зала. А затем, выдержав паузу, успокоил присутствующих: — Есть! И очень хорошо, когда такой командой мы слаженно работаем и делаем свое дело».

Возможно, работа послом на Украине, помимо всего прочего, приходилась Виктору Черномырдину просто очень по душе. Его ораторский талант на посту посла расцвел новыми красками. Так, отвечая в марте 2002 года на резолюции конгресса США о том, что дальнейшая американская помощь Украине будет зависеть от чистоты украинских выборов, он ехидно заметил, намекая на неоднозначный исход выборов в Соединенных Штатах в 2000 году: «А почему бы Украине не сделать сейчас заявление, что в США выбрали одного президента, а правит другой?»

Сами выборы в Верховную раду 31 марта 2002 года прошли достаточно спокойно, причем впервые на них практически не разыгрывалась «русская карта» — после отставки правительства Ющенко в апреле 2001 года процесс украинизации общества замедлился, а значит, спало напряжение в русскоязычной среде, уровень жизни в крупных городах несколько повысился, и

несколько упала популярность откровенно пророссийских партий.

К осени 2002 года украинская оппозиция всерьез проверила российского посла на прочность. Надо сказать, что его далеко не дипломатические высказывания всегда вызывали бурную реакцию местных политиков. И на этот раз на него ополчились все: от правых националистов до ультракоммунистов. Виктор Степанович в своей непосредственной манере комментировал языковую «проблему» и итоги парламентских выборов. Хвалил украинскую водку с перцем и ругал Вашингтон. Рассказывал украинскому МИДу, как себя нужно вести на внешней арене, и учил жизни лидера оппозиционной «Батькивщины» Юлию Тимошенко. А на выставке, посвященной украинским гетманам, говорил, что из всех экспонатов ему больше всего понравилась нагайка, которую и сейчас можно использовать по прямому назначению.

Наконец, российский дипломат в интервью агентству РБК высказался по поводу выступлений украинской оппозиции: «Я удивлен такой сдержанной реакцией правительства Украины на лозунги оппозиции, призывающие к государственному перевороту». Учитывая, что киевские власти силой ликвидировали палаточный лагерь возле президентской администрации, задержав около ста участников акции «Повстань, Украино!», можно было не сомневаться, что оценка дипломатом происходящего в стране найдет немедленный отклик. Как и весной, первыми возмутились крымчане — 16 общественных деятелей, представляющих Украинскую народную партию, «Собор», «Солидарность», Конгресс украинских националистов, общество «Просвита» и Симферопольский союз офицеров, направили открытое письмо Леониду Кучме, Верховной раде и правительству. В своем заявлении они снова потребовали не только «принять меры по недопущению вмешательства чрезвычайного и полномочного посла Российской Федерации в Украине Виктора Черномырдина во внутренние дела Украины», но и объявить его персоной нон грата.

Крымское начинание поддержала в Киеве социалистическая партия, ранее никогда не выступавшая против российского посла. А 3 октября представители еще нескольких политических организаций заявили о своей готовности начать акцию «Украина без Черномырдина». Надо признать: многие пассажи российского посла действительно были как минимум на грани фола. Вот некоторые из них.

О визитах западных политиков в Киев во время парламентских выборов:

«Уж больно много вояжеров с Запада, не простых, а

значительных, известных лиц. Не говоря, что и неизвестных много, и не только в Киеве, но и в регионах. Это — унижение и оскорбление для Украины» (март 2002 года).

О местной журналистике:

«Кто тут вопросы о демаркации границы Украины с Россией задает? Увольнять надо таких журналистов!» (апрель 2002 года).

О проблеме русского языка на Украине:

«Нужно уйти от унизительных проблем, когда люди не могут разговаривать на своем родном языке, в частности русском» (сентябрь 2002 года).

Об украинской многовекторной внешней политике: «У нас в России нет этого — мы не говорим ни о прозападных, ни проамериканских позициях. У нас есть своя позиция, пророссийская, и мы ее отстаиваем. Поэтому думаю, что и Украина сегодня переболеет этим, закончит эту многовекторность» (апрель 2002 года).

О тех, кто не разделяет на Украине любовь к России:

«Мы всех их знаем в лицо. Если это можно назвать лицом» (июнь 2001 года).

При этом за время работы в Киеве на новом для него поприще Виктор Степанович стал чуть ли не всенародным украинским любимцем. Массы воспринимали его самым позитивным образом. Его внушительная внешность, повелительные интонации, характерный выговор, грубоватый юмор и широта натуры вполне отвечали образу украинского народного героя, эдакого играющего булавой гарного запорожского казака, под которым прогибается конь.

Но вот в отличие от народа, воспринимающего того или иного деятеля на личностно-эмоциональном уровне, у политического класса Украины фигура Черномырдина вызывала глухое раздражение. В том, что оно вырвалось наружу, не было ничего необычного. Потому что всем своим поведением, призванным «сближать братские народы», Виктор Степанович упрямо демонстрировал игнорирование идеологии, которая легла в основу украинской «незалежности». Он не желал замечать, что Украина — это не продолжение России, а другое государство. Причем государство, взявшее в качестве главного ориентира идею не сближения с Москвой, а отторжения.

Возможно, поэтому идея международного газотранспортного консорциума, составлявшего едва ли не основное содержание российско-украинского сотрудничества, так и оставалась в 2002 году в виде деклараций президентов двух стран. Даже подписание межправительственных соглашений об образовании консорциума на саммите СНГ в Кишиневе 7 октября не развеяло иллюзий. Все

понимали, что Леонид Кучма скоро уйдет, а что сделает с консорциумом его преемник, украинцы уже не раз демонстрировали.

Подписание в конце октября в Киеве учредительных документов Международного консорциума по управлению и развитию газотранспортной системы Украины председателем правления РАО «Газпром» Алексеем Миллером и председателем правления «Нефтегаза Украины» Юрием Бойко вроде бы позволяло смотреть в будущее с оптимизмом. Но украинские депутаты тут же заявили, что намерены оспаривать правомочность договора в суде.

Подписанию учредительных документов консорциума предшествовала острая дискуссия между послами США и России на Украине, которая состоялась во время проходившей в Киеве международной конференции «Стратегия развития транзитных мощностей Украины». Тогда же Карлос Паскуаль призывал Киев «четко распределить роли участников консорциума» и сделать этот проект «прозрачным», а Виктор Черномырдин заявил, что «некоторых уже тошнит от этой прозрачности».

В конце декабря 2002 года украинские депутаты в очередной раз потребовали объявить российского посла персоной нон грата и сделали официальный запрос кабинету министров. Запрос поддержало большинство Верховной рады. В принятом документе депутаты потребовали от МИДа и правительства «рассмотреть вопрос о целесообразности пребывания Виктора Черномырдина на дипломатической работе в Украине». Копия документа была отправлена президенту Украины.

Поводом для депутатского обращения послужили заявления господина Черномырдина во время «круглого стола» 19 декабря. Тогда российский посол назвал украинского госсекретаря по вопросам европейской интеграции Александра Чалого «дремучим». Кроме того, как утверждали депутаты, посол РФ «в оскорбительной форме пытался давать указания украинскому МИДу относительно того, какими должны быть отношения Украины с США и европейскими странами». По мнению авторов запроса, господин Черномырдин фактически «призвал Украину ограничить контакты с Евросоюзом».

К положенному по закону сроку ответа на парламентский запрос глава украинского МИДа Анатолий Зленко сообщил, что оснований для выдворения российского посла нет.

Сам же Виктор Степанович никак не комментировал выпады в свой адрес. Он отстоял рождественскую службу в Киево-Печерской лавре, и в его спокойствии мог убедиться каждый, кто смотрел прямую трансляцию по центральному украинскому

телевидению.

А кто не смотрел, мог убедится в этом позже, на пресс-конференции 15 января по поводу переезда харьковского консульства РФ в новое здание. Под конец пресс-конференции ЧВС прошелся по актуальным вопросам международной политики: «Россия резко отрицательно относится к расширению НАТО на Восток, пока эта организация существует как военный блок с ядерным содержанием… Сама Россия никогда не вступит в НАТО… для чего ей туда вступать?» Свою речь Виктор Степанович закончил вопросом-предложением альянсу: «Я не понимаю, против кого они объединяются? Пусть они расширяются лучше на Запад!»

Завершение второго года дипломатической работы Виктора Черномырдина президент РФ Владимир Путин отметил 10 апреля 2003 года присвоением ему звания Чрезвычайного и Полномочного посла и наградил орденом Дружбы «за большой вклад в укрепление и развитие дружбы и сотрудничества между Российской Федерацией и Украиной». Но уже через полгода эта самая дружба подверглась тяжелейшему испытанию.

21 октября 2003 года украинский МИД заявил, что Киев «ни при каких условиях» не допустит соединения возводимой Россией дамбы в Керченском проливе с островом Коса Тузла и что Украина «готова к любому развитию событий». Посол России в Киеве Виктор Черномырдин попытался успокоить украинцев: по его словам, строительство дамбы остановится на российской территории (однако от прямого ответа на вопрос, считает ли он таковой саму Тузлу, посол уклонился). Но ему помешал руководитель администрации президента РФ Александр Волошин. Растиражированное киевской газетой «Столичные новости» заявление господина Волошина, якобы сделанное накануне в Кремле в присутствии украинских журналистов, еще больше накалило обстановку.

Газета процитировала Александра Волошина так: «Никогда Россия не оставит Украине Керченский пролив. Хватит того, что Крым сегодня украинский и мы еле успокоили людей по этому поводу. Хватит издеваться над нами. Если надо, мы сделаем все возможное и невозможное, чтобы отстоять свою позицию. Если надо, мы сбросим туда бомбу!»

Пытаясь сгладить нарождающийся скандал, в Кремле предположили, что украинские журналисты, видимо, страдают отсутствием чувства юмора. Между тем подразделения погранслужбы Украины, дислоцированные на Косе Тузла, были приведены в состояние «максимальной готовности». Солдаты были вооружены легким стрелковым оружием, резиновыми

дубинками, щитами, средствами громкоговорящей связи и усилены служебными собаками.

На следующий день в Киеве заговорили о необходимости вернуть стране ядерный статус и о готовности защищать свой суверенитет всеми средствами. К вечеру, правда, напряженность чуть спала: после телефонного разговора с украинским премьером Виктором Януковичем глава правительства РФ Михаил Касьянов связался с руководством Краснодарского края и предложил приостановить работы по строительству дамбы.

А Виктор Черномырдин вообще напрочь отмел возможность эскалации напряженности. «Как только язык поворачивается говорить о вооруженном конфликте?! — воскликнул он. — О каком?! Между кем?! Я не понимаю того, чтобы это можно было допустить. У меня даже нет в лексиконе таких слов, чтобы мы могли это допустить между Украиной и Россией. Зачем сразу подниматься на дыбы? Да кто сказал об этом? Что вы придумываете? Вы что, с ума сошли?!» Однако на вопрос о территориальной принадлежности острова Тузла господин Черномырдин снова ответил уклончиво: «А на чьей же еще территории? Как все было определено, так оно и есть. Разграничение было сделано еще в советское время».

«Проблема Тузлы» оставалась камнем преткновения еще три месяца, пока 24 декабря в Керчи президенты России и Украины Владимир Путин и Леонид Кучма не подписали договор о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива. При этом самого названия злополучного острова они не упомянули ни разу.

Так что 2004 год на Украине начался относительно спокойно. Виктор Черномырдин в конце марта привычно ядовито прокомментировал намечавшийся визит Джорджа Сороса на встрече с ветеранами Великой Отечественной войны в Киеве. «Там, где пахнет жареным, всегда присутствует Сорос! — сказал ветеранам господин Черномырдин. — Сорос везде успевает, он везде и всех комментирует. Всем дает оценки. Ну кто он такой?» После этих слов Виктор Степанович перевел дух и ответил на этот вопрос сам: «Ну, кто он такой, мы знаем. Он… мародер! Откуда его миллиарды, мы тоже приблизительно знаем. Но кто дал ему такое право? Или он сам присвоил себе право влезать во все?»

Но в конце 2004 года Украина взорвалась. 22 ноября в Киеве начались митинги протеста. Сотни тысяч людей на Майдане Незалежности потребовали пересмотра официальных результатов президентских выборов, согласно которым после подсчета 98 % бюллетеней Виктор Янукович получил 49,4 % голосов, а Виктор Ющенко — 46,7 %.Со-циологические исследования, проведенные

сторонниками Ющенко, давали кандидату Ющенко 53 %, а кандидату Януковичу 43 %. На Крещатике ставили палатки и жгли костры, в вузах прекратились лекции, страну призвали к всеобщей забастовке. Юлия Тимошенко заявила, что если Верховная рада не выразит недоверие избирательной комиссии, то демонстрантам не останется другого выхода, как самим брать власть, захватывая вокзалы, почты, телеграфы.

Чаша весов постепенно склонялась на сторону сторонников Ющенко. Они захватили Украинский дом на Европейской площади — здание, бывшее в ночь выборов пресс-центром сторонников Виктора Януковича. На втором этаже, где в ночь выборов мирно пили чай и беседовали спикер российского парламента Борис Грызлов и посол России Виктор Черномырдин, сейчас оборудовали кабинеты для Виктора Ющенко, Юлии Тимошенко, Александра Зинченко и других членов штаба Ющенко, называвших себя теперь Комитетом национального спасения.

25 ноября Верховный суд Украины запретил ЦИКу официально объявлять Виктора Януковича президентом вплоть до разбирательства, которое было назначено на 29 декабря. 26 ноября в Киев прибыли представитель ЕС по внешней политике и безопасности Хавьер Солана, а также президенты Польши Александр Квасьневский (пославший двумя днями ранее на Украину Леха Валенсу — лидера польского профсоюза «Солидарность», совершившего уже одну революцию — в Польше) и Литвы Валдас Адамкус. Они взяли на себя роль посредников между властями и оппозицией. Интернационализация кризиса сразу же дала результаты. Вечером за столом переговоров впервые после выборов встретились Виктор Ющенко и Виктор Янукович. Стороны договорились создать многостороннюю рабочую группу по разрешению кризиса.

Утром следующего дня глава МИД РФ Сергей Лавров выразил недовольство Москвы попытками интернационализировать украинский кризис. Россия надеется, сказал он, что европейские государства будут уважать выбор Украины и не станут решать за ее народ. Потом официальный представитель МИД РФ Александр Яковенко настолько же жестко предупредил: «Не следует превращать Украину в поле битвы времен холодной войны». Прошло совсем немного времени, и господин Яковенко сделал сенсационное заявление: «Россия не будет выступать против пересчета голосов и проведения повторных выборов на Украине». Вскоре стало известно, что посол России на Украине Виктор Черномырдин встретился с Виктором Ющенко, которого до этого Москва предпочитала не замечать.

После решения Верховного суда от 3 декабря о проведении переголосования второго тура выборов Леонид Кучма практически «сдал» своего протеже Виктора Януковича и приступил к прямой торговле с Виктором Ющенко. После нескольких суток переговоров Кучмы и Ющенко 8 декабря Верховная рада Украины приняла так называемый большой пакет: оппозиция поддержала конституционную реформу в обмен на корректировку закона о выборах президента и смену состава Центризбиркома. В тот же день Кучма подписал этот пакет.

Компромисс дался противоборствующим сторонам нелегко. Тем не менее и оппозиция, и власть праздновали победу. Эта победа определила тот двойственный характер украинской политической системы, который в конце концов привел в президентское кресло Виктора Януковича.

На работе же Виктора Черномырдина результаты украинских выборов если и сказались, то не очень сильно. Для начала, его, конечно, отправили в отставку СМИ — 16 февраля 2005 года официальное издание Верховной рады «Голос Украины» сообщило, что посол РФ на Украине Виктор Черномырдин, вероятно, будет отозван в Москву. Но, как и все предыдущие попытки избавиться от Черномырдина, эта также закончилась ничем.

И российский посол продолжил налаживать экономические связи между двумя странами. 10 апреля, накануне своего 67-летия, он принял участие в заседании Московского английского клуба в конференц-зале Александер-хауса. За рюмкой водки он дал членам клуба несколько ценных советов, как делать бизнес на Украине.

Для начала Виктор Черномырдин прокомментировал планы Украины по вступлению в ВТО. «Они хотят вступить и обязательно раньше, чем Россия, чтобы показать нам язык, — бодро отреагировал он. — Другое дело, что они, так же как и мы… Или мы — как они? Я здесь все время теперь путаюсь… не готовы соревноваться с западными технологиями и даже обертку для конфет сделать не могут». Услышав смех, Виктор Черномырдин продолжил: «А что вы смеетесь, карамель у них, кстати, ничего. Они нам: берите карамель. А мы: не возьмем. Я в свое время еще Касьянову (бывший премьер-министр РФ Михаил Касьянов. — Ред.) говорил: ну что вы, Михаил Михайлович, уперлись в эту карамель?»

Главный вопрос, интересовавший присутствующих, касался перспектив российского бизнеса на Украине. «Конечно, надо туда идти, — подбадривал собравшихся господин Черномырдин. — А то вот, например, из банков там только НРБ, “Альфа” и Андрей,

как его…» — «Костин, Внешторгбанк», — охотно подсказали слушатели. «Да, — обвел взглядом членов Английского клуба посол РФ на Украине, — а остальные спят». В этот момент взгляд его остановился на председателе Ассоциации российских банков Гарегине Тосуняне, действительно прикрывшем веки.

«Для нас обниматься и лобзаться — врожденное, — продолжал Виктор Черномырдин. — Но это к делу никакого отношения не имеет, главное — проникновение… в экономику, но только не в сельское хозяйство, — после небольшой паузы пояснил посол. — Это нужно приостановить: а то мы им покажем — они и то, что есть, потеряют». «А деприватизации бояться нечего, — успокаивал господин Черномырдин членов Английского клуба. — Ее не будет. Договориться-то с ними всегда можно. Мы их понимаем, потому что они такие, как и мы. Все вопросы решаются за столом. Не с первого раза, так со второго или третьего». Видимо, вспомнив о застолье, господин Черномырдин поинтересовался: «Ну что, все вопросы или…» — «Дайте Виктору Степановичу выпить», — осадил собравшихся бывший министр экономики Андрей Нечаев.

Однако расслабиться послу не дали и за стопкой водки. «А как там здоровье Ющенко, не надо ли ожидать досрочных выборов?» — волновались члены клуба. «Я с ним выпивал», — начал было экс-премьер. Его тут же перебили: «Ну, значит, все в порядке». Господин Черномырдин, однако, продолжил: «Его, конечно, отравили.

Все бывает. Но я ему всегда говорил: Виктор Андреевич, тебя — свои, наши травят до основания».

Период благодушия в отношениях с Украиной — если таковой и был — завершился к концу 2005 года. Начались «газовые войны». И Виктор Черномырдин, ушел в тень. Партию вели президенты, премьеры, главы энергетических ведомств, «Газпрома» и «Нафтогаза Украины». Почти три года российский посол ограничивался в основном озвучиванием официальной позиции Москвы, хотя и пытался помочь сторонам найти общий язык.

Так, в ноябре 2005 года глава Минпромэнерго РФ Виктор Христенко в ходе переговоров о поставках газа на Украину категорически отказался идти на уступки. Опираясь на соглашения с «Газпромом» о транзите среднеазиатского газа через Узбекистан и Казахстан, он отклонил предложение повысить цену на российский газ для Украины в 2006 году до $80 за тысячу кубометров, настаивая на росте цены до $160.

Министр топлива и энергетики Украины Иван Плачков в ответ пригрозил, что Украина применит к «Газпрому» принцип

«транспортируй или плати», по которому, независимо от реального объема прокачки газа, российский газовый монополист будет вынужден оплачивать весь заранее оговоренный объем. Однако Христенко был готов к такому повороту событий и предложил Украине оформить договор покупки газа с предварительной оплатой 50–75 % объема деньгами.

Российский и украинский министры не желали идти на компромисс. И только господин Черномырдин, отметив, что цену надо поднимать в любом случае, призывал участников переговоров повысить ее «хотя бы частично».

22 декабря российско-украинский газовый конфликт вышел на новый виток. Глава МИДа Украины Борис Тарасюк открыто обвинил Москву в газовом шантаже и намекнул на возможный выход из СНГ, назвав Содружество неэффективной организацией.

Пока украинские дипломаты атаковали Россию на восточном фронте, премьер Украины Юрий Еханурoв занялся обеспечением поддержки с Запада. Глава правительства встретился с послами стран — гарантов безопасности Украины: Великобритании, США, Германии и Франции. Эти страны, согласно меморандуму, подписанному в 1994 году, гарантировали независимость, суверенитет и существующие границы Украины и обязывались воздерживаться от любого, в том числе экономического, давления на нее. Кстати, меморандум подписывала и Россия, однако российского посла Виктора Черномырдина на встречу не пригласили.

В 2006 году Россия вернулась к старой тактике в газовых взаимоотношениях с Украиной. Для начала 1 января 2006 года, как и обещал в декабре 2005 года Алексей Миллер, газ Украине был перекрыт. Скандал разразился неимоверный. Три дня Киев отбирал из трубы газ, предназначенный для Европы. Три дня противники метали друг в друга громы и молнии, обвинения лились таким потоком горячей смолы, что было уже невозможно разобраться, кто прав и кто виноват. На четвертый день Ющенко отдал приказ договариваться на любых условиях.

На Украине тем временем обострялись противоречия между президентом Ющенко и премьером Януковичем. Их противостояние самым прямым образом влияло на российско-украинские отношения. В итоге визит Виктора Ющенко в Москву в марте 2007 года сорвался из-за подозрений в том, что приезд в Россию господину Ющенко нужен не столько для укрепления двусторонних отношений, сколько для усиления собственных позиций в обострившемся противоборстве с премьером.

Более того, Виктор Ющенко настаивал, чтобы его пребывание в российской столице было максимально насыщено встречами на

самом высоком уровне. Помимо переговоров с Владимиром Путиным, президент Украины выразил пожелание встретиться еще и с премьером Михаилом Фрадковым, а также со спикерами верхней и нижней палат российского парламента Сергеем Мироновым и Борисом Грызловым. Кроме того, украинская сторона настаивала, чтобы Виктор Ющенко пообщался с главными редакторами ведущих российских СМИ, выступил в МГУ и даже посетил Соловецкий монастырь. В состав украинской делегации был включен не утвержденный Радой и. о. министра иностранных дел Украины Владимир Огрызко.

Получалось, что Москва должна была косвенно выступить в поддержку протеже Виктора Ющенко. Это само по себе не входило ни в чьи планы. Более того, Владимир Огрызко считался в целом таким же антироссийски настроенным политиком, как его бывший шеф, экс-глава украинского МИДа Борис Тарасюк. «В ходе одной из рабочих консультаций господин Огрызко демонстративно требовал предоставить ему переводчика с русского на украинский, хотя русским владеет в совершенстве», — припоминали в Москве.

Это обстоятельство, а также то, что Виктор Ющенко добивался именно полномасштабного визита в Россию при отсутствии его реального наполнения, породило в Кремле подозрения, что приезд в Москву президенту Украины нужен в первую очередь для того, чтобы набрать важные очки в борьбе с премьером.

Подыгрывать Виктору Ющенко в противостоянии с более близким Москве Виктором Януковичем Кремлю явно не хотелось. И потому было принято решение существенно сократить список пожеланий украинского президента, придав его визиту исключительно рабочий характер.

Это предложение стало для Киева не просто неожиданным, оно вызвало шок. Тем более что передовая украинская группа уже находилась в Москве и утрясала последние детали визита. В администрацию президента Украины срочно вызвали Виктора Черномырдина. Разговор президента Украины с послом РФ состоялся уже после девяти вечера (до того времени господин Ющенко был занят). Общались Виктор Андреевич и Виктор Степанович за плотно закрытыми дверями. Известно только, что едва ли не единственная договоренность, достигнутая на встрече, состояла в том, чтобы отложить решение о сроках визита президента Украины в Москву до его телефонного разговора с Владимиром Путиным на следующий день.

Но уже к полудню 20 марта стало точно известно: намеченный на 21–22 марта визит Виктора Ющенко в Москву не

состоится. Поздно вечером телефонный разговор Виктора Ющенко и Владимира Путина все же произошел. И сразу после него пресс-служба главы Украины сообщила, что президент внесет в Раду новую кандидатуру на пост главы МИДа — первого заместителя главы своего секретариата Арсения Яценюка. То есть Виктор Ющенко все же «сдал» раздражавшего Москву Владимира Огрызко.

В декабре 2007 года Верховная рада освободила Виктора Януковича от обязанностей премьер-министра, назначив на этот пост Юлию Тимошенко. Политические баталии вокруг российско-украинских отношений разгорелись с новой силой. Ключевым стал вопрос о вступлении Украины в НАТО.

15 января 2008 года Виктор Ющенко, Юлия Тимошенко и спикер верховной рады Арсений Яценюк направили генсеку НАТО Яапу де Хоопу Схефферу обращение о желании Киева присоединиться к Плану действий по членству в НАТО (ПДЧ) уже на апрельском саммите альянса. Это вызвало жесткую критику со стороны оппозиции.

«Подписание президентом, премьер-министром и главой Верховной рады заявления относительно возможности присоединения Украины к Плану действий по получению членства в НАТО является свидетельством того, что нынешняя власть не соблюдает положения конституции Украины. Для нее мнение украинского народа в принятии судьбоносных решений не является определяющим фактором», — говорилось в опубликованном на следующий день заявлении Партии регионов.

Еще более жесткую реакцию это послание вызвало в России. На обращение к Яапу де Хоопу Схефферу на сайте Виктора Ющенко посольство РФ ответило, поместив на своем сайте выдержки из интервью Виктора Черномырдина журналу «Украина». «У нас слишком тесные связи, в частности и в “чувствительных” технологиях, политических делах, чтобы так просто отнестись к тому, что Украина станет членом НАТО, — заявил российский посол. — Куда Украина хочет вступить, с кем она хочет дружить, кого она хочет любить — это ее внутреннее дело. Мы просто объясняем: вступаете в НАТО — мы будем вынуждены пересмотреть наши отношения».

Замглавы департамента информации и печати МИДа Андрей Кривцов подтвердил, что предупреждение Виктора Черномырдина является выражением официальной позиции Москвы. «Вступать в альянс или не вступать — это их дело. Но если Украина действительно вступит в НАТО, нам предстоит пересмотреть свою внешнюю политику с учетом этого факта», — заявил дипломат.

К политическому давлению Россия добавила газовое —

припомнив Украине ее газовый долг и пригрозив ограничить поставки газа на Украину. 12 февраля Владимир Путин и Виктор Ющенко заявили в Москве, что проблема газового долга Украины перед Россией полностью урегулирована. В переговорах участвовал и Виктор Черномырдин, который был — что для него абсолютно нехарактерно — взбудоражен.

«А? Как с газом? — переспрашивал он члена украинской делегации Владимира Литвина. — С газом хорошо! Без газа плохо!.. Как решили? Ну как… А вот сейчас и узнаете! Они уже идут!»

Ему было чем заняться и помимо газа. Демонстративные политические акции на Украине явно антироссийского характера — открытие памятника жертвам голодомора или идея установки в Полтавской области памятников королю Карлу XII и гетману Мазепе явно раздражали его и провоцировали на новые резкие высказывания: «Ну представьте, что сейчас мы Гитлеру поставим памятник в Сталинграде. Как это будет выглядеть?» — вопрошал посол.

В конце 2008 года Виктор Черномырдин подал прошение об отставке президенту Дмитрию Медведеву в связи с ухудшением здоровья после перенесенной операции. О том, кто придет ему на смену, заговорили не только на Украине, но и в России. В преемники ему прочили губернатора Московской области Бориса Громова, но российское руководство, столкнувшись с поиском замены самому Громову, вынуждено было просьбу Черномырдина об отставке отклонить.

К тому же отставке помешал очередной российско-украинский скандал, вспыхнувший из-за высказывания самого Черномырдина. Поводом послужило его интервью газете «Комсомольская правда», в котором он изложил свое отношение к украинскому руководству. 17 февраля 2009 года его вызвали в МИД Украины и обвинили в «недружественных» и «крайне недипломатичных» высказываниях. При этом глава украинского МИДа назвал действия посла «несовместимыми со статусом главы дипмиссии», пригрозив ему статьей 9 Венской конвенции о дипломатических сношениях, дающей стране пребывания право без объяснения причин объявить любого дипломата персоной нон грата.

В интервью, вызвавшем столь резкое недовольство украинского МИДа, посол РФ присущим ему доступным языком комментировал российско-украинские отношения и внутриполитическую ситуацию на Украине, а также давал характеристики руководителям этой страны. Так, коснувшись состояния отношений Москвы и Киева, господин Черномырдин

заявил: «С этим украинским руководством договориться нельзя. Придут другие люди — посмотрим. Обязательно трезвые придут, нормальные». Комментируя разлад между президентом Украины Виктором Ющенко и премьером Юлией Тимошенко из-за газовых соглашений с Москвой, российский посол сказал: «Да, собачатся между собой, кроют друг друга… Она подписала нужное же для Украины, а он сейчас придирается: где деньги, Зин?» При этом господина Ющенко Виктор Черномырдин охарактеризовал так: «С виду-то вроде нормальный мужик. Рисует, черепки собирает. Он может вокруг какого-то пенька часа три ходить, рассматривать его, фантазировать. И этот человек вдруг проявил себя вот таким. Никак на него не похоже. Ну никак, вот убейте меня, не способен он на такое. Однако он делает. Кто-то помогает».

Между тем в МИД РФ в интервью посла не углядели ничего крамольного. «Интервью, которое дал Виктор Черномырдин, не является вмешательством во внутренние дела Украины. А то, что он высказал, отражает ситуацию в высших эшелонах украинской власти, — заявили в департаменте информации и печати российского МИДа. — Возможно, он несколько грубовато, но все же верно дал оценку политической ситуации на Украине».

В интервью телеканалу «Россия» сам Черномырдин заявил, что угроза украинского МИДа объявить его персоной нон грата — лишь повод, чтобы устроить очередной скандал с Москвой. «Не Черномырдин — значит, был бы кто-то другой», — подчеркнул он. Посол назвал действия украинских властей «мелкотравчатыми придирками». По его словам, на Украине «в отношении всего, что связано с Россией, у некоторых шерсть дыбом встает». Свой вызов в украинский МИД он прокомментировал так: «Напугали бабу туфлями с высоким каблуком».

В итоге Партия регионов Украины потребовала отправить в отставку самого главу МИДа Украины Владимира Огрызко. И 3 марта Верховная рада сделала именно это. Формальным поводом стала плохая работа МИДа при отстаивании украинской позиции в суде ООН, где рассматривался вопрос о разделе Черноморского шельфа с Румынией. Но по сути Огрызко пал жертвой борьбы между украинскими президентом, премьером и Радой.

В конечном счете просьба Виктора Черномырдина об отставке была принята. Отзывая Черномырдина из Киева, президент России Дмитрий Медведев назначил его своим советником по вопросам экономического сотрудничества с государствами — участниками СНГ. Это было что-то вроде почетной пенсии.

Прощаясь с Украиной, дуайен дипломатического корпуса еще раз высказался о руководителях страны.

Он назвал президента Виктора Ющенко «романтиком». «Я с

уважением отношусь к нему как к человеку, — признался бывший посол. — Мы и раньше были знакомы. Он романтик, он рисует, это хорошие качества. Я не рисую, не могу рисовать, а если нарисую, то мало не покажется». О премьере Юлии Тимошенко господин Черномырдин высказался иначе: «Я уже говорил и сегодня хочу добавить: ей двое брюк надо носить, чтоб не продувало… Нельзя поступать так, личностное должно быть на втором плане. Нельзя это выпячивать, такова природа политика».

Сложно судить о результатах работы Черномырдина-посла. Вынужденный в силу объективных обстоятельств играть как минимум «вторую скрипку» (от чего он в свое время явно успел отвыкнуть, а привыкнуть обратно до конца дней так, пожалуй, и не смог), он запомнился больше яркими репликами, чем какими-то конкретными успехами. Его главная проблема на Украине, возможно, была не в том, что он не устраивал украинских политиков, а в том, что он устраивал Кремль.

Виктор Черномырдин никогда не был, что называется, «карьерным дипломатом». В сфере международных отношений он оставался тем же, кем был в роли премьер-министра, — дипломатом инстинктивным. И в этом, возможно, заключалась его сила. Он строил новые модели взаимодействий там, где их не было, но строил их «под себя», так, что с его уходом воспроизвести их оказывалось почти невозможно.

Глава 28
Спасение языка
Разговорная речь

«Иногда скажешь два крепких слова — и сразу все понятно, а литературным языком это объяснение может две страницы занять. Но направо-налево я никогда не матерился. И главное, мой мат никого не обижал».

В. С. Черномырдин

У меня к русскому языку вопросов нет.

Что говорить о Черномырдине и обо мне?

Если я еврей — чего я буду стесняться! Я, правда, не еврей.

На любом языке я умею говорить со всеми, но этим инструментом я стараюсь не пользоваться.

Но я не хочу здесь все так, наскоком: сегодня с одним обнялся, завтра с другим, потом опять — и пошло, и поехало.

Я готов и буду объединяться. И со всеми. Нельзя, извините за выражение, все время врастопырку.

Все мы вышли, образно говоря, из старой шинели имперской государственности. И сегодня у многих велик соблазн снова надеть эту шинель, да еще и застегнуть ее на все пуговицы.

Мы прошли большой путь, пришли к новой хозяйственной реальности, когда уже виден выход из экономического Зазеркалья, путь к новым политическим реалиям. Итоги выборов показали, что граждане России выступают за новую Россию, за политическую стабильность, за реформы и демократию.

Если кто-то из членов правительства будет высказываться вразрез с линией правительства — пусть лучше ищет себе другую работу.

Программа непростая. Первая часть снимает все проблемы, вторая — ставит всех в жесткие условия.

Не могу привести пример, чтобы приватизация предприятий имела плохие результаты. Будем поправлять, если надо, но останавливаться не будем.

И кто бы сегодня нас ни провоцировал, кто бы нам ни подкидывал какие-то там Ираны, Ираки и еще многое что — не будет никаких. Никаких не будет даже поползновений. Наоборот, вся работа будет строиться для того, чтобы уничтожить то, что накопили за многие годы.

У нас ведь беда не в том, чтобы объединиться, а в том, кто главный.

Нам никто не мешает перевыполнить наши законы.

Раньше полстраны работало, а пол — не работало. А теперь все наоборот.

Курс у нас один — правильный.

Мы продолжаем то, что мы уже много наделали.

У нас еще есть люди, которые очень плохо живут. Мы это видим, ездим, слышим, читаем.

На весах истории великие деяния перевешивают жестокость.

Конечно, Ельцин не ангел. Но ангелы и не могут управлять государством.

О Борисе Ельцине

Заболел, кашляет еще раз по-всякому. Но президент есть президент.

О Юрии Лужкове

Все его вот высказывания, вот его взбрыкивания там… еще

даже пенсионером обозвал. Я не слышал. Но если я пенсионер, то он-то кто? Дед тогда обычный.

О Евгении Примакове

Его реакция — она всегда. Увидим, будет этот или не будет. Если не будет — значит, такая реакция. Если будет — то никакая реакция.

О Константине Титове

Константин Алексеевич, видите мои залысины? Это оттого, что вы их так долго вылизывали!

О Геннадии Зюганове

Я не хуже вас. Естественные монополии не расчленяли, и никто никуда не расчленит.

О Борисе Немцове

Не могу я молчать. Вы слышали, что только что сказал мой бывший первый заместитель. Он сказал, что украинцы не глупее евреев. Как ему только такое в голову могло прийти.

О Викторе Ющенко

Он романтик, он рисует, это хорошие качества. Я не рисую, не могу рисовать, а если нарисую, то мало не покажется.

О Юлии Тимошенко

Ей двое брюк надо носить, чтоб не продувало. Нельзя поступать так, личностное должно быть на втором плане. Нельзя это выпячивать, такова природа политика.

О Джордже Сorосе

Он — мародер! Откуда его миллиарды, мы тоже приблизительно знаем.

О рекламе на телевидении

Вот как у нас раньше на северах бывало, идет буровик на буровую, одевает резиновые сапоги со стельками, работает по восемь-десять часов в тундре, возвращается, снимает сапоги — вонь стоит такая! Жена уже его терпеть не может, дети кричат, семьи разрушаются. То ли дело сейчас — идет буровик на буровую, берет с собой пару упаковок прокладок и каждый час меняет стельки в сапогах. Возвращается домой — жена довольна, дети рады, семья счастливая. Так что… рекламировали прокладки, рекламируем и будем рекламировать.

Иногда скажешь два крепких слова — и сразу все понятно, а литературным языком это объяснение может две страницы занять. Но направо-налево я никогда не матерился. И главное, мой мат никого не обижал.

Это глупость вообще, но это мне знакомая песня.

Надо всем лечь на это и получить то, что мы должны иметь.

Мы помним, когда масло было вредно. Только сказали — масла не стало. Потом яйца нажали так, что их тоже не стало.

Чем мы провинились перед Богом, Аллахом и другими?

Отродясь не бывало, и вот опять!

Какую партию ни строй, все равно КПСС получается.

Лучше водки хуже нету.

Мы так жить будем, что наши внуки нам завидовать будут.

Хотели как лучше, а получилось как всегда.

Мы выполнили все пункты: от А до Б.

Приложения

Точка, абзац. Черномырдин о Черномырдине

Буквально за несколько дней до смерти Виктор Черномырдин поставил точку в книге своих мемуаров, которые написаны в форме диалога с Евгением Белоглазовым и Петром Катериничевым. Отрывок из мемуаров был опубликован в журнале «Огонек» издательского дома «Коммерсантъ». Книга планируется к выходу до конца 2010 года в издательстве «Художественная литература».

— …Как война началась — отца в конце сорок первого и призвали. В семье уже четверо детей, я — младший. И сразу — в тяжелые бои попал, подо Ржевом. О войне мало рассказывал: он вообще скуп был на слова, но как скажет — метко, точно. Он был шофером, его и призвали шофером; но первый год войны ни машин не было, да что полуторок — винтовок на всех не хватало, патронов… Рассказывал, выстроили их, полубезоружных, и повели на запад: закрывать прорыв подо Ржевом… Отца тогда и ранило крепко. О чем он думал, что вспоминал, когда лежал, истекая кровью, в придорожном кювете среди убитых и умирающих?.. Он не рассказывал. Может, не помнил, а может, и не хотел вспоминать.

Отцу тогда повезло. Через несколько часов пришли санитары, подобрали. Пробило, прошило ему бок и руку, осколки он так и носил в себе до конца жизни; покалеченная рука висела плетью, не действовала совсем, пришлось долго разрабатывать ее, больше года, чтобы смог снова на работу пойти: нас, детей, поднимать нужно было.

Он так и проработал всю жизнь шофером. Я как-то предложил ему: давай, ляжешь в клинику, осколки удалят, сейчас научились… А он ответил: «Всю жизнь ношу их, с ними и в землю пойду».

…Стоило осколкам попасть чуть выше, и мама осталась бы вдовой, мы с братьями и сестрой — сиротами, а младшая, Катюша, и не родилась бы.

— А как отец вернулся, помните?

— Смутно, но помню. Мне было лет пять. Мы ждали его, знали, что он ранен и почти год пробыл в госпиталях Москвы. Так что знали главное: жив, ждали, что вернется, не ведали лишь, когда точно. И вот зимой, кажется, в середине января, мимо окон промелькнула солдатская фигура! Дедушка, бабушка, мама, все, кто находился в доме, бросились к двери. Слезы, море слез!..

— Много мужчин вернулось?

— Единицы. А из парней 23-24-го годов рождения, которые ушли на фронт с нашей улицы, ни один не вернулся. Ни один!

Для меня все погибшие на той войне — герои. И все выжившие — герои. Для них не настало легкой жизни после победы, они поднимали из руин страну, поднимали детей. Без их отваги и самоотверженности не было бы России. Совсем не было.

— Виктор Степанович, после войны трудно жили?

— Трудно. Землей жили. Отца редко видели — на работе пропадал; весь дом вела мама. У всех у нас свои обязанности. Наташа — по дому, я — воду таскать. В пойме огород высаживали, воду из реки приходилось носить, поливать. И дрова на мне. Из леса дрова не возьмешь — только с выделенной делянки. Пилили сами, кололи. Еще можно было сучья подбирать. Сено заготавливали, корову держали, кур. За скотиной ухаживать — тоже моя работа. Коней я особенно любил, верхами — без седла… А по зимним вечерам пух козий обрабатывали — это все вместе. Одевалась-обувалась семья за счет продажи пуховых платков… Не возникало никогда у нас, детей, такого вопроса: делать или не делать. А кому делать?

…рямо скажу — никогда я особо робким не был, не монашествовал… Влюблялся часто, еще в школе… Меня потом спрашивали: а как жена, к бывшим не ревнует? А что ревновать? Что было — то было.

— С Валентиной Федоровной когда познакомились?

— Да тогда же, на ноябрьские праздники в 1960 году, у товарища моего Шипилова Ивана. Мы с ним вместе и в училище учились, и на заводе в одной смене работали. Сложились, девушек пригласили… на Валю я сразу внимание обратил — она всем распоряжалась, все готовила, да и девушка была видная и, чувствовалось, с характером. Так получилось, за столом рядом сели… Поговорили, посмеялись, песни попели — пела она замечательно, душу трогало…

А тогда до дома проводил… Ну и все.

Признаюсь, была у меня уже симпатия, тоже Валя; еще до армии с ней встречался, она потом техникум закончила, распределилась в Домбаровку, где я служил; часто, а иногда и в самоволки, к ней бегал. И из Орска как выходной — тоже к ней.

С Валентиной, хотя понравились мы друг другу сразу, встречались поначалу довольно редко, потом чаще… А в Домбаровку я ездил все реже, потом все стало ясно. Выбор был сделан. Это жизнь.

А мы с Валей не то что встречаться часто стали — поняли, жить друг без друга не можем! Валентина Федоровна была из

доброй семьи, рабочей, казачьей. Мама ее, Анна Алексеевна Шепелева, одна четверых детей поднимала, отец еще в войну умер. Сама Валя работала мастером по пошиву легкого женского платья. Она к труду приучена с детства. Сделал ей предложение. Пока я служил в армии, брат Александр взял участок земли под строительство своего дома и мне — рядом, тогда это очень поощрялось, и предприятия всячески этому содействовали — для закрепления кадров. В то время вокруг Орска выросли целые поселки индивидуальной застройки.

Взял и я ссуду на заводе, и вместе с братом Александром сами и строили вечерами, да в выходные друзья-заводчане помогали. Конечно, тяжело было, но уже через год дом был готов, небольшой, но для нас тогда он был роскошный. Попросторнее хотел бы, да нельзя было: раньше ведь все регламентировалось.

Родителей к себе перевез. Отец в автоколонне шофером сразу начал работать.

А в Новый год и свадьбу сыграли. Мама нас старинной иконой благословила, как положено. Потом той же иконой Валя нашего сына Виталия со Светой благословляла.

В самых разных местах страны люди принимали Виктора Степановича за своего. В этом был один из феноменов Черномырдина.

— А детей чему пытались учить?

— Да ничему особенному, просто видели они, что отец и мать работают по совести — так и им надо. Правда, на старшего, Виталия, пришлось влиять при выборе профессии. Он после школы задумал идти в военное училище…

— Строго указали?

— Приказывать, указывать в таком деле бесполезно, я-то его характер знаю. Позвонил своему другу, командиру полка (его часть рядом с заводом в Оренбурге стояла, когда я был еще директором; сын у него того же возраста был, с теми же стремлениями, что и мой) и говорю:

«Толя, приеду к тебе на майские праздники с Виталей. Жить будем в части. Но с условием: ребят переоденем в форму, в сапоги и чтобы как все — по распорядку, без поблажек!»

Три дня они и жили — по режиму. Не знаю, насколько повлияло это на Виталия, но призадумался он точно. А потом поступил на нефтяной факультет в Институт имени Губкина.

Андрей, младший, потом его же закончил. Нормальные у меня ребята, дружные; никогда не злоупотребляли ни фамилией, ни положением отца.

Случай даже был курьезный. Будучи студентом, Виталий ехал на практику в Западную Сибирь, в Уренгой. Позвонил мне перед

отъездом из Москвы:

«Папа, не вздумай поручать кому-нибудь, чтобы меня встречали, и вообще, чтоб без лишнего. Я сам там буду с ребятами, в общежитии».

Ну сам так сам. Единственно, я спросил: «Когда самолет прилетает?» Я был тогда в Тюмени и все же не удержался, знаю, как у нас бывает, позвонил в Уренгой, своему заму:

«Там Виталий мой прилетает, ты понаблюдай за ним, только аккуратно, издали, чтобы он тебя не видел».

Он в лицо сына не знал да и понял все по-своему… Хотел как лучше… Как только «Ту-154» приземлился, вошел и начал спрашивать у всех, кто примерно по возрасту подходил:

«Ты не Черномырдин? А ты не Черномырдин?»

Первого, оказалось, как раз Витальку спросил. Тот ответил: «Нет», — и уехал вместе со всеми в автобусе.

Заместитель набирает меня, говорит:

«Степаныч, нет его!»

Но я-то понял, что Виталий «проскочил».

— Знаем, что ваш старший сын Виталий не только практику проходил в Уренгое, но и несколько лет работал там после учебы. Как складывалась дальше его жизнь?

— Когда закончил институт, его распределили на Север, начал с рабочего. Его пытались поставить на инженерную должность — он сам сказал: «Нет». И я его поддержал. Хочешь профессию знать — начинай с азов, с людей.

А женился Виталий на Светлане, дочери моей учительницы из Черного Отрога, Марии Гавриловны Трофимовой, она у нас в школе географию преподавала. Кажется, случайно познакомились, а чем дольше живу, тем больше понимаю: в жизни случайного не бывает.

…Виталий Свету в Уренгой увез. Маша родилась, внучка; сначала она с бабушкой, Валентиной Федоровной, в Москве оставалась, а потом Виталий и Свету, и Машу увез.

Это ж целый концерт был! Они обосновались в «бамовском» щитовом домике, щели сплошные, зимой все насквозь продувается; стены и окна одеялами завесили и в углу кроватку поставили. У Маши огромные глазищи были, когда увидела, как те одеяла колышутся! Я тогда говорю Витале: «Да если б мать на все это только глянула — тут бы тебе и конец!» А он смеялся только: «Привыкнем».

Время идет… Маша уже взрослая, недавно вышла замуж. Она закончила лицей при Университете экономики и статистики и поступила в этот же вуз сразу на третий курс; три языка знает, итальянский — как родной: Виталий со Светой, ну и с Машей,

понятно, три года в Милане жили; Виталий там Международную школу менеджеров заканчивал, а Маша и в детский сад там ходила, и в школу; школа местная, традиционная, католическая, потому Маша некоторые молитвы по-итальянски до сих пор помнит!

К чему я это? А к тому, что прадед ее, мой отец, всего четыре класса закончил, мама моя — два… Но как они тянулись, как экономили на всем, чтобы нам, детям, образование дать! Ведь тогда десятилетка — девятый и десятый классы — платные были; по копейкам собирать приходилось родителям моим!

— А с Андреем как?

— Об Андрее, младшем, я вообще не говорю: тот еще больше сдержанный и щепетильный, чтобы попросить или еще что. Он в 70-м родился, я уже в горкоме работал; потом — завод, ЦК, освоение Сибири… Андрея Валя опекала больше; и школой занималась, и всем. И рос он тихий, домашний. Поступил в Институт нефти и газа, отучился год и, помню, звонит мне на работу.

«Папа, ты когда будешь?»

«Поздно».

«У меня к тебе разговор».

«С мамой поговори».

«Нет, мне нужно с тобой, без мамы».

По тону понял: настроен серьезно. Говорю:

«Хорошо, приезжай ко мне на работу».

Приехал. Заходит, говорит:

«Пап, мне повестка пришла в армию».

«Ну и что?»

«Я хочу сразу предупредить — не вздумай ничего предпринимать, я все равно пойду служить. Я решил».

«Ну, решил и решил. А с чего ты взял, что я буду что-то делать? У нас все служили — дед, отец, мои и мамины братья, я. Иди. Маме говорил?»

«Пап, может, лучше ты?»

«Нет. Решил сам и говори сам».

Сказал. Она, конечно, в слезы! Но потом мы с Валей долго проговорили; решили не вмешиваться. Да и я понимал: Андрею как раз нужно послужить — «пообтесаться», жизни хлебнуть. Крепче будет!

Направили его в часть ПВО, в Калининскую область. Первые месяцы — учебка; в письмах повторял: «Не вздумайте приехать!»

Перед присягой вырвался позвонить. Говорит:

— На присягу пусть лучше Виталий приедет.

Он как раз в отпуске был, он и поехал. И это хорошо.

Присяга, как крещение, — раз в жизни и навсегда!

Мы решили съездить в другой раз. Но Андрей по телефону предупредил:

— Только не вздумайте на «чайке»! И к КПП не подъезжайте!

Приехали, машину в лесу оставили, до части пешком…

После армии Андрей вернулся в институт, закончил, оставили его на кафедре. Потом в Институте высоких температур работал, потом свое дело открыл, да дефолт 98-го все съел. Пришлось сызнова все начинать.

— С детьми часто видитесь?

— Да как выпадает. У меня же работа, у них тоже. Теперь у детей своя жизнь, семьи, дети. У Виталия со Светой — трое: Маша, Андрей и Витя. У Андрея с женой Наташей дочка Настенька.

— Братья вместе работают?

— И вместе, и свои проекты у каждого есть; в их дела стараюсь не вмешиваться: мужчины. Мужчина должен быть самостоятельным, сам принимать решения. За него никто не сможет. Только если сами позвонят и попросят совета. Валя, конечно, как любая мать, могла что-то сказать им, но вмешиваться, мы считали, нельзя. Скоро и внуки самостоятельную жизнь начнут. А жизнь… (Виктор Степанович на время задумался, вздохнул.) Человеку временами только кажется, что он жизнь выбирает. Чаще жизнь его выбирает, испытывает в деле. Почему так? Нам неведомо. Бог знает.

Когда серьезно заболел Борис Николаевич Ельцин и потребовалось хирургическое вмешательство, это освещалось всеми СМИ. А вот то, что такую же операцию на сердце сделали Черномырдину, только восемью годами раньше, и сделали советские врачи, в советской клинике — никто не знал. Когда мы спросили Виктора Степановича об этом, он задумался, погрустнел, а потом начал рассказ. Как всегда, неторопливо, а потом обстоятельно, в лицах: он это умеет.

— Вечерами стал чувствовать усталость, бессонницу. Решил: курить надо бросить — и бросил.

Тут мой юбилей приближался — 50 лет, апрель 1988 года. Ну, думаю, начнется: чествования, речи… Взял отпуск и уехал в Минводы, чтобы смотаться ото всего. В санаторий «Красные камни»…Похудел, в норму пришел, ничего не болело. Славный сложился отпуск. Хотя и короткий.

Вернулся — снова дела бесконечные, дела. Но это как раз мне всегда было в радость. Работа, если нравится, если получается конкретный результат, — это же счастье! Не зря живешь.

В один из выходных в августе 88-го сын Виталий прилетел в

отпуск из Уренгоя. Жили мы тогда на госдаче в Петрово-Дальнем. Вставать я привык рано. Проснулся, все спят еще, сел на велосипед, поехал к реке, окунуться. Тишина, туман по реке, красота, дух захватывает… Искупался, проплыл чуток, а потом, дай, думаю, на ту сторону… Поплыл.

И где-то на середине сжало грудь, скрутило так, что и не продохнуть, в глазах потемнело… Ну, я кое-как по течению одной рукой погреб и — к берегу. Посидел. В груди по-прежнему спазм; но ничего, перетерпел, отпустило.

Сел на велосипед, обратно к дому… А сам подумал: мало ли, бывает… Виталий проснулся, а я ему:

«Пойдем, искупаемся! Вода замечательная!»

Не сказал ему ничего, а у самого внутри упрямство какое-то засело. То ли проверить для себя решил, то ли что… Приехали на велосипедах к реке, на то же место, я и говорю:

«Давай на ту сторону!»

Поплыли. И снова… Боль, сжало грудь, вдохнуть не могу…

Виталий на меня глянул, говорит испуганно:

«Пап, ты белый весь… Тебе плохо?»

А мне и правда плохо. Так, что ответить ничего не могу.

Ну, и снова к берегу; Виталий меня страховал теперь, поддерживал. Вышли. Он спрашивает:

«Ты идти сможешь? Может, машину вызвать?»

«Да прекрати!»

А внутри злость и грусть какая-то… Никогда же ничего особенно не болело, всю жизнь как двужильный пахал, а тут…

Ну, мысли пронеслись и прошли. И боль вроде отпустила. Сели на велосипеды, обратно… А Виталий, замечаю, нет-нет да и поглядывает на меня. Беспокоится.

Утром в понедельник поехал на работу, а не люблю непонятного! Дай, думаю, заеду на Мичуринский, там больница, к которой я был прикреплен. Захожу к лечащему врачу, Цукановой Клавдии Яковлевне, толковая такая, рассказываю. Она послушала сердце, сделала кардиограмму, нахмурилась, звонит Дмитрию Нечаеву, он кардиолог был по специальности:

«Дмитрий Дмитриевич, зайдите, пожалуйста, тут у меня пациент, нужна ваша консультация».

Приходит, Клавдия Яковлевна что-то ему сказала на латыни, он кивнул, присел и мне:

«Рассказывайте, что случилось?»

Пересказываю снова. Он посерьезнел, кивает сам себе, с Цукановой переглянулся, подытожил:

«Все понятно. Хрестоматийный случай. Вам нужно немедленно ложиться к нам в отделение кардиологии».

«Как ложиться! У меня работа, министерство! Вы же понимаете, что сейчас… Вы мне какие-нибудь пилюли выпишите — и ладно».

«Вы что, хотите умереть!?»

«Все так серьезно?»

«Более чем!»

Признаюсь, я растерялся:

«Да я никогда даже к врачам не ходил! Понятно, зубы лечил или простуда, да и то…»

«Вы работали на износ. Многие годы. Нервотрепка, перелеты, смены часовых поясов, — не так?! У вас был приступ острой сердечной недостаточности! Износили вы сердце, Виктор Степанович! Вы можете умереть через минуту! Через день! В течение месяца! Никаких гарантий я вам дать не могу! И никто из серьезных врачей не даст!»

Помолчал, добавил:

«Мы обычно пациентам вот так вот все не выкладываем, но вам, я вижу, не только можно, но и нужно это сказать!»

«И что с этим делать?»

«Точный диагноз и меры, которые нужно предпринять, мы скажем после обследования. Согласны?»

«Хорошо», — говорю.

Позвонил в министерство, сказал, что дней на пять лег на обследование. Да и по большому счету за свое министерство я был спокоен. Заместители и начальники департаментов, главков толковые. Да и грош цена руководителю, без которого работа его предприятия — не важно, завод, фирма, министерство — встанет.

Назначили обследование. Провели коронарографию и потом записали все на кассету, ее в видеомагнитофон — на мониторе мне самому и показали. Ну, мне сразу все понятно стало: я же с трубами в «Газпроме» работаю, система иногда забивалась, что-то могло попасть в газопровод, и он сбрасывает производительность, и резко повышается давление, и сразу же приходилось останавливать работу и принимать кардинальные меры.

И тут все сразу ясно: сужение основной артерии. Сердце снабжается плохо, любой спазм и — будьте любезны.

На консультацию приехал Ренат Сулейманович Акчурин, теперь он всем известен, тогда — мало кому. Один из первых в СССР начал делать операции по аортокоронарному шунтированию. Вместе с другими прошел в Штатах стажировку у доктора Дебейки, который эти операции и разработал.

А я про Акчурина уже знал! Так получилось, был до этого в командировке в Техасе, изучал американский опыт газонефтедобычи и переработки. Переводчиком ко мне был

приставлен наш парень, из Краснодара, он тогда в США жил; так вот, разговорились с ним, он рассказал, что до меня вел, тоже переводчиком, советскую делегацию врачей, которая стажировались у Дебейки в клинике.

«Дебейки наших врачей, — рассказывал он, — очень хвалил, особенно татарина одного, Акчурина, — руки золотые, голова золотая, умнейший, талант — от Бога. И рука легкая, как у хирургов говорят!»

…Сидим мы с Нечаевым и Акчуриным; они говорят:

«Нужно делать операцию на сердце».

«А если не делать?»

«Пенсия немедленная, не перенапрягаться, режим… Но гарантий никаких. В любой момент может “выстрелить”».

Но и стопроцентной гарантии, что операция будет успешна, тоже нет. Ребята честно сказали: стопроцентную гарантию дает только Господь Бог, а они не боги.

Вот так. Попала собака в колесо — пищи, а беги!

Задумался я. Но думал недолго. Попробовал представить себя пенсионером с удочкой… Не могу и все! Да без работы я через месяц точно в ящик сыграю — это без вариантов! Не могу, не мое! И еще…

Поговорил с этими ребятами и — как-то поверил им! Поверил как профессионалам, как специалистам, как людям! Прислушивался, как они говорят, что говорят; нет, не лукавят, не успокаивают, не убаюкивают — все честно. Весь опыт мой прежний говорил за то, что таким людям доверять можно. Поверил я им. Смогут.

Принял решение. Но своим ничего не говорил — ни жене, ни детям. Думал, ничего и говорить им вообще не стану до самой операции. Но тут приехали и академик Чазов, начальник 4-го Управления Минздрава, и главный хирург Малиновский, говорят:

«Виктор Степанович, сказать придется. Нам одного вашего согласия на операцию мало. Обязательно нужно согласие родственников».

Вот так.

Начали готовить к операции. А я вспоминал свои многочасовые походы по горам — может, не надо было вот так вот, резко? Или, напротив, надо? Все проявилось, а то жил бы и не ведал, что по краю хожу, живу “под честное слово”… Всякие были мысли.

А тут еще буквально за день до операции заходит ко мне в палату один наш сотрудник, начальник главка; он в том же отделении, в кардиологии, лежал, с той же проблемой. Узнал, что и я здесь, пришел пообщаться.

«Виктор Степанович, ты чего?»

«Сердце. Предлагают операцию».

Разговорились. Он:

«Да мне то же самое предлагают! Уговаривают!»

«И что? Соглашайся».

«Да что я — идиот? Они же в этом не понимают ничего! Им бы только резать! Нее-ет, я лучше на микстурах… Операции… Я тут больше месяца лежу, вижу: каждый день пациентов через одного в морг уносят!»

Короче, “взбодрил” он меня — дальше некуда!

— А как домашние отнеслись?

— Валя, Валентина Федоровна, очень тяжело переживала. Я, конечно, в общих чертах ей рассказал, но она сразу все поняла, потом еще с кардиологами говорила… Очень ей благодарен. И надежда на нее большая была — если что, дети на ней; хоть и большие уже, а для нас они всегда маленькие…

Лежал ночью, жизнь свою вспоминал… И то, что сделал, и то, что не сумел, не успел, не смог…

Лег на операцию. Потом — период реабилитации, когда выхаживать нужно было и не все еще было понятно… Все это трудно сейчас вспоминать…

Но еще раз скажу — была у меня вера, доверие к этим ребятам: Диме Нечаеву, Ренату Акчурину; до сих пор благодарен им безмерно, как и старшей медсестре Ирине Селезневой — она тогда как ангел-хранитель для меня была, выхаживала… Даже сейчас, когда встречаю ее, сердце сжимается от воспоминаний…

И семья, дети, Валя, они верили очень, поддерживали. Когда кому-то нужен, когда без тебя одного… нужно карабкаться. И победить.

— Когда у Бориса Николаевича возникла подобная проблема, он с вами советовался?

— Да, я с ним долго разговаривал. Убеждал. Он ведь сначала и слышать ни о какой операции не хотел, ни в какую! Врачам не особенно доверял, обижался на них. Мы с ним разговаривали тогда часами. Часами! Я ему все, как было, по жизни рассказывал — как это, что потом. И честно сказал — если бы не доктора… Борис Николаевич слушал внимательно. Одно дело — рекомендации, другое — живой человек, который сам через это прошел. Вот так было.

Биография
Виктор Степанович Черномырдин

Родился 9 апреля 1938 г. в селе Черный Отрог Саракташского района Оренбургской области. Умер 3 ноября 2010 г.

В 1957–1960 гг. проходил срочную службу в Советской армии.

В 1966 г. окончил Куйбышевский политехнический институт, в 1972 г. — Всесоюзный заочный политехнический институт. Кандидат технических наук.

В 1967–1973 гг. — инструктор, заместитель заведующего отделом, заведующий отделом Орского городского комитета КПСС.

В 1973–1978 гг. — заместитель главного инженера, директор Оренбургского газоперерабатывающего завода.

В 1978–1982 гг. — инструктор отдела тяжелой промышленности ЦК КПСС.

В 1982–1985 гг. — заместитель министра газовой промышленности СССР. Одновременно с 1983 г. — начальник ВПО «Тюменьгазпром».

В 1985–1989 гг. — министр газовой промышленности СССР.

В 1984–1989 гг. — депутат Верховного Совета СССР.

В 1985–1990 гг. — депутат Верховного Совета РСФСР.

В 1989–1992 гг. — председатель правления государственного газового концерна «Газпром».

В 1992–1998 гг. — председатель правительства РФ.

В 1998 г. — исполняющий обязанности председателя правительства РФ.

В 1999 г. — специальный представитель Президента РФ по урегулированию ситуации вокруг Союзной Республики Югославия.

В 1999–2000 гг. — председатель совета директоров ОАО «Газпром».

Май 2001 г. — июнь 2009 г. — Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в Украине, специальный представитель Президента РФ по развитию торгово-экономических отношений с Украиной.

Июнь 2009 г. — октябрь 2010 г. — советник Президента РФ, специальный представитель Президента РФ по вопросам экономического сотрудничества с государствами — участниками Содружества Независимых Государств.

Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» I, II и III степеней, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени,

«Знак Почета», Дружбы.

Источники

Виктор Серов. Виктор Черномырдин — новый глава правительства России // Газета «Коммерсантъ». 1992. 15 дек.

Кто что сказал и что это значит? // Газета «Коммерсантъ». 1992. 19 дек.

Виктор Черномырдин — премьер всерьез и надолго // Газета «Коммерсантъ». 1992. 22 дек.

Владислав Бородулин. Определен состав нового кабинета. Виктор Черномырдин сформировал свое правительство // Газета «Коммерсантъ». 1992. 22 дек.

Виктор Черномырдин в Москве и в Давосе // Газета «Коммерсантъ». 1993. 2 фев.

Павел Попов. Черномырдин покинул Швейцарию «достойным преемником Гайдара» // Газета «Коммерсантъ». 1993. 2 фев.

Черномырдин не хочет быть камикадзе — он хочет быть нормальным премьером // Газета «Коммерсантъ». 1993. 16 фев.

Наталья Калашникова, Валерия Сычева. Запад расценил новую программу как победу реформаторов // Газета «Коммерсантъ». 1993. 12 авг. Наталья Калашникова. Америка встретила премьера России штормовым ветром // Коммерсантъ-Daily. 1993. 31 авг.

Наталья Калашникова. Космос и «Джексон-Вэник» как этапы большого пути // Коммерсантъ-Daily. 1993. 31 авг.

Наталья Калашникова. Виктор Черномырдин и Эл Гор обсудили перспективы сотрудничества в космосе // Коммерсантъ-Daily. 1993. 2 сент.

Светлана Сухова. Америка пообещала торговать с Россией на равных // Коммерсантъ-Daily. 1993. 3 сент.

Виктор Замятин. Альберт Гор призвал Запад проснуться // Коммерсантъ-Daily. 1993. 17 дек.

Из выступления Виктора Черномырдина в Госдуме // Газета «Коммерсантъ». 1994. 12 янв.

Анастасия Ромашкевич. В Давосе премьер-министр России выступил как реформатор // Газета «Коммерсантъ». 1994. 1 фев.

Игорь Николаев, Александр Привалов, Наталья Калиниченко. Никогда не нарушайте закон по мелочам! // Журнал «Коммерсантъ». 1994. 8 фев. Алена Галан. Черномырдин предложил сократить число заместителей. Премьер-министр намерен и дальше реформировать кабинет // Газета «Коммерсантъ». 1994. 12 фев.

Георгий Бовт. Роз без шипов не бывает даже в Америке // Коммерсантъ-Daily. 1994. 24 июн.

Отчет правительства в Госдуме. Оценка экспертами «Ъ» итогов 22-месячной работы кабинета Виктора Черномырдина // Газета «Коммерсантъ». 1994. 28 окт.

Владислав Бородулин. Субботник в Мраморном зале // Газета «Коммерсантъ». 1994. 29 ноя.

Экономическое совещание в Кремле // Газета «Коммерсантъ». 1994. 29 ноя.

Наталья Архангельская. Политическая элита России // Коммерсантъ-Daily. 1995. 14 апр.

Максим Соколов. Ленин и Поппер — близнецы-братья // Коммерсантъ-Власть. 1995. 24 апр.

Наталья Архангельская. Три лидера — два блока // Газета «Коммерсантъ». 1995. 26 апр.

Георгий Бовт, Наталья Калашникова. Рыбкин и Черномырдин — это Джефферсон и Гамильтон сегодня // Коммерсантъ-Daily. 1995. 27 апр.

Георгий Бовт, Вероника Куцылло. В лучах любви президента можно и обгореть // Коммерсантъ-Daily. 1995. 28 апр.

Наталья Архангельская. Власти надоело быть беспартийной // Коммерсантъ-Daily. 1995. 29 апр.

Сергей Цехмистренко, Михаил Лащ. «Верхи», оказывается, могут… // Коммерсантъ-Власть. 1995. 2 мая

Евгений Юрьев. «Наш дом — Россия»: кто в доме хозяин? // Коммерсантъ-Daily. 1995. 3 мая.

Дмитрий Камышев. Премьер нашел у губернаторов всенародную поддержку // Коммерсантъ-Daily. 1995. 6 мая.

Максим Соколов. Из жизни слонов и ослов // Коммерсантъ-Власть. 1995. 9 мая.

Наталья Архангельская. «Наш дом» начинают строить с крыши // Коммерсантъ-Daily. 1995. 13 мая.

Андрей Галиев, Ольга Тарасова, Сергей Цехмистренко. Осторожно: «серая зона»! // Коммерсантъ-Власть. 1995. 16 мая.

Дмитрий Камышев. Традиционная война превращается в террористическую // Коммерсантъ-Daily. 1995. 15 июн.

Нападавшие требовали прекратить войну в Чечне // Коммерсантъ-Daily. 1995. 15 июн.

Дмитрий Камышев. Буденновск как пролог // Коммерсантъ-Daily. 1995. 16 июн.

Сергей Тополь. В ожидании штурма // Коммерсантъ-Daily. 1995. 16 июн.

Дмитрий Камышев. Чеченский цугцванг: бить или не бить? // Коммерсантъ-Daily. 1995. 17 июн.

Георгий Бовт, Дмитрий Камышев. Черномырдин взял инициативу на себя // Коммерсантъ-Daily. 1995. 20 июн.

Георгий Бовт, Наталья Калашникова. Политические террористы и политические заложники // Коммерсантъ-Daily. 1995. 21 июн.

Сергей Тополь. Путь домой // Коммерсантъ-Daily. 1995.

Евгений Юрьев. Поражение правительства не означает победы Думы // Коммерсантъ-Daily. 1995. 22 июн.

История событий в Буденновске неоднозначна // Коммерсантъ-Daily. 1995. 22 июн.

Евгений Юрьев. Между двумя лужами // Коммерсантъ-Daily. 1995. 24 июн.

Максим Соколов. Закон Кориолиса в действии // Коммерсантъ-Daily. 1995. 24 июн.

Дмитрий Камышев. Москва готова к компромиссам, Басаев готов к террору // Коммерсантъ-Daily. 1995. 27 июн.

Александр Карецкий. Все самое интересное — впереди // Коммерсантъ-Daily. 1995. 30 июн.

Политический вектор // Журнал «Коммерсантъ». 1995. 4 июл.

Политический вектор // Журнал «Коммерсантъ». 1995. 11 июл.

Роман Артемьев. Промежуточный финиш // Газета «Коммерсантъ». 1995. 18 июл.

Виктор Черномырдин: «Сейчас мы будем делать именно то, что реально можем себе позволить» // Журнал «Коммерсантъ». 1995. 18 июл.

Пленарное заседание Государственной думы // Газета «Коммерсантъ». 1995. 20 июл.

Владислав Бородулин. Экономический курс НДР: 90 градусов от Белого дома // Газета «Коммерсантъ». 1995. 15 авг.

Партийная жизнь России. Из доклада Виктора Черномырдина на съезде // Газета «Коммерсантъ». 1995. 15 авг.

Георгий Бовт, Лилия Демина, Сергей Жихарев, Наталья Калашникова. Власти не стесняются — за нее борются // Коммерсантъ-Daily. 1995. 16 авг.

Сергей Горнов. Российская космическая промышленность нашла работу // Коммерсантъ-Daily. 1995. 17 авг.

Центр наступает на периферию // Коммерсантъ-Власть. 1995. 22 авг.

Виктор Черномырдин борется с раздвоением сознания // Газета «Коммерсантъ». 1995. 30 авг.

Максим Соколов. Удалося премьеру добиться. // Коммерсантъ-Власть. 1995. 5 сент.

Максим Соколов. Черномырдин решил стать и. о. Столыпина // Коммерсантъ-Власть. 1995. 12 сент.

Георгий Бовт, Наталья Калашникова. Двуглавая партийная

система: орла не получилось // Коммерсантъ-Daily. 1995. 19 сент.

Ельцин хочет стать как червонец — любезен всем // Коммерсантъ-Власть. 1995. 19 сент.

Наталья Архангельская. Три недели до выборов: беспорядочное безмолвие // Коммерсантъ-Власть. 1995. 28 ноя. Выборы в Думу: цена обещаний // Коммерсантъ-Власть. 1995. 12 дек.

Борис Бойко. Виктор Черномырдин: Мы прекратили отступать! // Газета «Коммерсантъ». 1995. 14 дек.

Дмитрий Камышев. Дудаевцы сделали свой выбор // Коммерсантъ-Daily. 1995. 15 дек.

Кабинет министров Черномырдина // Журнал «Коммерсантъ». 1996. 23 янв.

Государственная дума: нижняя палата № 6 // Коммерсантъ-Власть. 1996. 30 янв.

Некоторые итоги работы комиссии Гор-Черномырдин // Коммерсантъ-Daily. 1996. 1 фев.

Михаил Умаров. Через тернии к большим космическим деньгам // Коммерсантъ-Daily. 1996. 1 фев.

Частные лица выдвигают в президенты лицо государственное // Коммерсантъ-Daily. 1996. 2 фев.

Георгий Бовт, Наталья Калашникова. Отпуск как лекарство от предвыборной лихорадки // Коммерсантъ-Daily.

1996. 6 фев.

Максим Соколов. Избыточная устойчивость премьера // Коммерсантъ-Власть. 1996. 13 фев.

Все для победы // Коммерсантъ-Власть. 1996. 30 апр. Леонид Сборов. Власть если закладывает, то надолго // Журнал «Коммерсантъ». 1996. 10 сент.

Азер Мурсалиев. Шашки наголо! // Коммерсантъ-Власть. 1996. 17 сент.

Делу мира послужат Гор и Черномырдин // Коммерсантъ-Daily. 1996. 31 окт.

Вероника Куцылло. Один день Виктора Степановича // Газета «Коммерсантъ». 1996. 6 ноя.

Георгий Бовт. Погоду компьютер не улучшит, но поможет ее предсказать // Коммерсантъ-Daily. 1996. 16 ноя.

Борис Глебов. Русский медведь и свобода печати // Газета «Коммерсантъ». 1997. 4 фев.

Умный к Гору просто так не пойдет // Коммерсантъ-Власть. 1997. 4 фев.

Алексей Пушков. Энергоносители и энергоносильщики // Коммерсантъ-Власть. 1997. 4 фев.

Давос: Ясин пугал, Черномырдин успокаивал // Деньги. 1997.

5 фев.

Ростислав Неверов. Черномырдин поехал агитировать американцев против НАТО // Коммерсантъ-Daily. 1997. 6 фев.

Александр Малютин. Le Monde о Черномырдине — эти слова можно отнести в банк // Журнал «Коммерсантъ». 1997. 1 апр.

Куда девались деньги? // Деньги. 1997. 2 апр.

Виктор Черномырдин: «За нас с вами и за Бог с ними!» // Журнал «Коммерсантъ». 1997. 15 апр.

Вопрос недели. Что желают Черномырдину в день рождения? // Журнал «Коммерсантъ». 1997. 15 апр.

Виктор Островский. Правительство: время собирать кадры // Журнал «Коммерсантъ». 1997. 22 апр.

Геннадий Рудерман, Михаил Зеленфройнд. «Газпром» бессмертен // Журнал «Деньги». 1997. 7 мая.

Александр Малютин. Правда о пяти миллиардах // Журнал «Коммерсантъ». 1997. 20 мая.

У заложников лучше не брать интервью // Коммерсантъ-Daily. 1997. 20 мая.

Александр Новиков. Гор-Черномырдин: не гнутся, не ломаются, а только кувыркаются // Коммерсантъ-Власть. 1997. 1 июл.

Алексей Алексеев, Владимир Гендлин. Самые богатые // Деньги. 1997. 23 июл.

Константин Смирнов, Владислав Дорофеев. Сказано: ЕС! // Журнал «Коммерсантъ». 1997. 29 июл.

Глеб Черкасов. Не все дома // Коммерсантъ-Власть. 1997. 9 сент.

Геннадий Смыслов. Тайны «Бора» // Коммерсантъ-Власть. 1997. 30 сент.

Никита Астахов. Премьер кивает на Петра // Журнал «Коммерсантъ». 1997. 7 окт.

Мария Парфанович. Скажи-ка, вотум ведь не даром? // Коммерсантъ-Власть. 1997. 21 окт.

Владислав Дорофеев. Борисом больше, Борисом меньше… // Коммерсантъ-Власть. 1997. 11 ноя.

Вера Петрова. Драма в трех терактах // Коммерсантъ-Власть. 1997. 18 ноя.

Александр Сергеев. Премьер для подражания // Власть. 1997. 23 дек.

Андрей Багоров, Алексей Макурин. Четверо смелых // Власть. 1997. 23 дек.

Леонид Сборов. Постоянное переменное // Власть. 1997. 23 дек.

Роман Костиков. Черномырдин и медвежонок. Русский

медведь не задул «Огонек» // Газета «Коммерсантъ». 1998. 4 фев.

Илья Булавинов. Оружие избирательного поражения // Коммерсантъ-Власть. 1998. 10 мар.

Константин Левин. Виктор Черномырдин сделал силиконовую операцию // Коммерсантъ-Daily. 1998. 14 мар.

Иван Шварц. Американские суперкомпьютеры в обмен на российские недра // Коммерсантъ-Daily. 1998. 19 мар.

Константин Смирнов. Двусторонние президентские выборы // Коммерсантъ-Власть. 1998. 24 мар.

Андрей Багров. Ельцин нуждается в уходе правительства // Газета «Коммерсантъ». 1998. 24 мар.

Глеб Черкасов. Черномырдин уходит в оппозицию // Коммерсантъ-Daily. 1998. 26 мар.

Глеб Черкасов. Пока все дома // Коммерсантъ-Власть. 1998. 31 мар.

Черномырдин исключил свое возвращение в «Газпром» // Газета «Коммерсантъ». 1998. 4 апр.

Le Monde не доказала, что Черномырдин «стоит» $5 млрд // Газета «Коммерсантъ». 1998. 8 апр.

За год доходы Черномырдина выросли в 31 раз // Деньги. 1998. 8 апр.

Юрий Калашнов. Нефтяные горки // Деньги. 1998. 8 апр.

Евгений Говоров. Виктор Черномырдин — новый миллионер. И скрывать это не собирается // Газета «Коммерсантъ». 1998. 8 апр.

Федор Сполохов. Экс-премьера все-таки поздравят // Газета «Коммерсантъ». 1998. 9 апр.

Константин Левин. Юбилей простого человека // Газета «Коммерсантъ». 1998. 10 апр.

Виктор Черномырдин: я никогда не позволял выставить себя дураком // Газета «Коммерсантъ». 1998. 21 апр.

Глеб Черкасов. Черномырдин держится особняком // Коммерсантъ-Власть. 1998. 19 мая.

«Его не испортили ни власть, ни отставка». Текст телеобращения президента Бориса Ельцина // Газета «Коммерсантъ». 1998. 25 авг.

Наталья Тимакова. И. О. // Газета «Коммерсантъ». 1998. 25 авг.

Алексей Рябов. Встреча галстуков // Коммерсантъ-Власть. 1998. 1 сент.

Константин Левин. Черномырдин утвердил себя премьером и без одобрения Госдумы // Газета «Коммерсантъ». 1998. 2 сент.

Виктор Черномырдин: не до игрищ сегодня. Выступление и. о. премьера на заседании Совета Федерации 4 сентября // Газета

«Коммерсантъ». 1998. 5 сент.

Черномырдин раздает характеристики // Газета «Коммерсантъ». 1998. 5 сент.

Наталья Тимакова. Прогнали, но не прогнули // Коммерсантъ-Власть. 1998. 8 сент.

Константин Смирнов. Диктатор-хозяйственник // Деньги. 1998. 9 сент.

Лариса Мурашова. Черномырдину есть куда вернуться // Газета «Коммерсантъ». 1998. 11 сент.

Петр Смирнов. Виктор Черномырдин: я мало ненецкий // Коммерсантъ-Власть. 1998. 29 сент.

Сергей Сергеевич. Черномырдин все еще хочет в президенты // Коммерсантъ-Daily. 1998. 10 окт.

Андрей Синицин, Ольга Пестреева. Виктор Черномырдин оказался горным инженером // Газета «Коммерсантъ». 1998. 4 ноя.

Сергей Сергеевич. «Когда вожак болен, стая начинает искать другого» // Коммерсантъ-Daily. 1998. 17 ноя.

Виктор Черномырдин: нельзя все время врастопырку! // Газета «Коммерсантъ». 1998. 26 ноя.

Дмитрий Камышев. Юмашев не захотел спасать «Наш дом» // Коммерсантъ-Daily. 1998. 5 дек.

Дмитрий Камышев. Шохин пообещал сражаться до последнего патрона // Коммерсантъ-Daily. 1998. 24 дек.

Александр Шохин пострадал за «Отечество» // Коммерсантъ-Daily. 1998. 25 дек.

Леонид Заварский. Ил-96 столкнулся с американским банком // Коммерсантъ-Daily. 1999. 23 янв.

Дмитрий Камышев. Владимир Рыжков: очарованием у нас не пахнет // Коммерсантъ-Власть. 1999. 26 янв.

Дмитрий Камышев. Анекдот про Вовочку // Коммерсантъ-Власть. 1999. 26 янв.

Алексей Белов. Дума отказалась от $4 млрд // Коммерсантъ-Daily. 1999. 25 мар.

Леонид Панин. Наш человек в Косово // Коммерсантъ-Daily. 1999. 15 апр.

Ирина Нагорных. «Стискивать зубы не надо. Да и показывать их не стоит» // Коммерсантъ-Daily. 1999. 15 апр.

Виктор Черномырдин: «Я готов говорить с кем угодно и где угодно» // Коммерсантъ-Daily. 1999. 16 апр.

Николай Вардуль. Черномырдин вернулся, чтобы остаться // Коммерсантъ-Деньги. 1999. 21 апр.

Геннадий Сысоев. «Покрепче прижать Милошевича» // Коммерсантъ-Daily. 1999. 20 апр.

Геннадий Сысоев. Черномырдин привез Сербии мир // Коммерсантъ-Daily. 1999. 23 апр.

Леонид Афанасьев Юрий Чубченко. План Черномырдина // Коммерсантъ-Daily. 1999. 24 апр.

Геннадий Сысоев. Тэлботт приехал в Москву за помощью // Коммерсантъ-Daily. 1999. 28 апр.

Геннадий Сысоев. НАТО прекратит бомбить Югославию // Коммерсантъ-Daily. 1999. 28 апр.

Геннадий Сысоев. Переговоры вокруг да около // Коммерсантъ-Власть. 1999. 11 мая.

Геннадий Сысоев. Россия, Америка и Европа договорились // Коммерсантъ-Daily. 1999. 22 мая.

Геннадий Сысоев. Черномырдин повез в Югославию мир // Коммерсантъ-Daily. 1999. 27 мая.

Борис Волхонский. Мир придуман // Коммерсантъ-Daily. 1999. 3 июн.

Борис Волхонский, Геннадий Сысоев. Белград выбросил белый флаг // Коммерсантъ-Daily. 1999. 4 июн.

Геннадий Сысоев. Ельцин и Клинтон договорились // Коммерсантъ-Daily. 1999. 8 июн.

Геннадий Сысоев. Россия договорилась с «семеркой» // Коммерсантъ-Daily. 1999. 9 июн.

Максим Жуков. Дума опять хочет уволить Черномырдина // Коммерсантъ-Daily. 1999. 10 июн.

Борис Волхонский, Геннадий Сысоев. Война кончилась // Коммерсантъ-Daily. 1999. 11 июн.

Андрей Багров. Война, которую пора забыть // Коммерсантъ-Власть. 1999. 15 июн.

Иван Сафонов. Геннадий Сысоев. Продержаться до восемнадцатого // Коммерсантъ-Daily. 1999. 15 июн.

Россия в балканской войне // Коммерсантъ-Власть. 1999. 15 июн.

Игорь Федоров. Генералов тянет на дело // Коммерсантъ-Власть. 1999. 22 июн.

Премьер на выезде // Коммерсантъ-Власть. 1999. 3 авг.

Есть такое дело? // Коммерсантъ-Власть. 1999. 31 авг.

Алексей Малаховский. «Ножки Буша» не скроются под чужим именем // Газета «Коммерсантъ». 2000. 20 июн.

Путь России к коррупции. Как администрация Клинтона экспортировала бюрократические структуры вместо свободного предпринимательства и подвела российский народ. Доклад экспертной группы по России палаты представителей 106-го конгресса США (резюме) // Газета «Коммерсантъ». 2000. 22 сент.

Борис Волхонский. Соглашение Гора и Черномырдина

лопнуло // Газета «Коммерсантъ». 2000. 24 ноя.

Андрей Багров, Кирилл Разумовский. Бывшему премьеру нашли правительство // Газета «Коммерсантъ». 2001. 11 мая.

Константин Смирнов. Виктор Черномырдин присоединит Украину // Газета «Коммерсантъ». 2001. 12 мая.

Антон Черных. «Больше чем дипломат» // Газета «Коммерсантъ». 2001. 29 мая.

Григорий Руденко. Посол Черномырдин начал с ошибок // Газета «Коммерсантъ». 2001. 31 мая.

Константин Смирнов. «Буду делать свою работу как никогда» // Газета «Коммерсантъ». 2001. 31 мая.

Кирилл Разумовский. Виктор Черномырдин проявил себя дипломатом // Газета «Коммерсантъ». 2001. 15 июн.

Кирилл Разумовский. Посла Черномырдина испытали кнутом и водкой // Газета «Коммерсантъ». 2001. 31 авг.

Григорий Руденко. Виктор Черномырдин получил запорожский орден // Газета «Коммерсантъ». 2001. 23 ноя.

Виктор Воронюк. Украина оттягивает расплату // Газета «Коммерсантъ». 2002. 6 мар.

Виктор Воронюк. «Куда послали, там и человек года» // Газета «Коммерсантъ». 2002. 18 мар.

No comment // Газета «Коммерсантъ». 2002. 27 мар.

Виталий Коваленко. Торжество хохлократии // Коммерсантъ-Власть. 2002. 9 апр.

Антон Черных. Виктор Черномырдин назвал следующего президента Украины // Газета «Коммерсантъ». 2002. 12 апр.

Виктора Черномырдина в Крыму не любят // Газета «Коммерсантъ». 2002. 6 мая.

Григорий Руденко. Чрезвычайно полномочный посол // Газета «Коммерсантъ». 2002. 4 окт.

Сергей Строкань. Цена вопроса // Газета «Коммерсантъ». 2002. 4 окт.

Посол России Виктор Черномырдин высказывается // Газета «Коммерсантъ». 2002. 4 окт.

Константин Смирнов. Газовая петля // «Коммерсантъ-Деньги». 2002. 15 окт.

Кирилл Разумовский… и вошел в украинскую газовую систему // Газета «Коммерсантъ». 2002. 31 окт.

Григорий Руденко. Язык из Киева уведет // Газета «Коммерсантъ». 2003. 11 янв.

Григорий Руденко. Виктор Черномырдин опять разговорился // Газета «Коммерсантъ». 2003. 26 янв.

Документы // Газета «Коммерсантъ». 2003. 10 апр.

Кирилл Разумовский, Афанасий Сборов. На Украину

сброшена атомная шутка // Газета «Коммерсантъ». 2003. 22 окт.

Геннадий Сысоев. Россия и Украина мутят воду // Газета «Коммерсантъ». 2003. 23 окт.

Михаил Зыгарь. Керченский сговор // Газета «Коммерсантъ». 2003. 25 янв.

Григорий Руденко. «Кто он такой, мы знаем. Он — мародер!» // Газета «Коммерсантъ». 2004. 31 мар.

Сергей Тополь. Разыскивается генерал // Коммерсантъ-Власть. 2004. 14 июн.

Валерий Панюшкин. Киевская грусть // Газета «Коммерсантъ». 2004. 23 ноя.

Валерий Панюшкин. Незалежность с элементами солидарности // Газета «Коммерсантъ». 2004. 26 ноя.

Геннадий Сысоев, Павел Белов. Посреднические заслуги // Газета «Коммерсантъ». 2004. 27 ноя.

Сергей Строкань, Афанасий Сборов. Разводной апельсин // Коммерсантъ-Власть. 2004. 23 дек.

Официальное мнение // Газета «Коммерсантъ». 2005. 17 фев.

Анна Субботина. Застолье переговоров // Газета «Коммерсантъ». 2005. 11 апр.

Наталия Гриб, Олег Гавриш. Виктор Христенко не сдал позиций «Газпрома» // Газета «Коммерсантъ». 2005. 15 ноя.

Владимир Соловьев, Сергей Сидоренко. Противогазовая атака // Газета «Коммерсантъ». 2005. 23 дек.

Петр Нетреба. Украина переосмыслила цену российского газа // Газета «Коммерсантъ». 2006. 17 авг.

Вечный ребрэндинг // Газета «Коммерсантъ». 2006. 30 авг.

Дмитрий Камышев, Виктор Хамраев. Планы партии против планов народа // Коммерсантъ-Власть. 2006. 9 окт.

Наталия Гриб, Олег Гавриш. Цена опроса // Газета «Коммерсантъ». 2006. 20 окт.

Сергей Сидоренко, Геннадий Сысоев. Дипломатические жертвоприношения // Газета «Коммерсантъ». 2007. 21 мар.

Александр Габуев, Сергей Сидоренко. Не дай блок // Газета «Коммерсантъ». 2008. 17 янв.

«“Газпром” активно играл против нас» // Власть. 2008. 28 янв.

Андрей Колесников. Президенты переговорились // Газета «Коммерсантъ». 2008. 13 фев.

Николай Злобин. Цена вопроса // Газета «Коммерсантъ». 2008. 7 окт.

Афанасий Сборов, Сергей Сидоренко. Бориса Громова списывают на Украину // Газета «Коммерсантъ». 2008. 16 дек.

Валерий Панюшкин, Михаил Зыгарь. Газпром. Новое русское

оружие. М.: Захаров, 2008.

Владимир Соловьев, Валерий Кучерук. Украина ловит на слове Виктора Черномырдина // Газета «Коммерсантъ». 2009. 18 фев.

Галина Дудина. Виктор Черномырдин поздравил президента Ющенко // Газета «Коммерсантъ». 2009. 24 фев.

Валерий Калынш. Президенту Украины поставили на МИД // Газета «Коммерсантъ». 2009. 4 мар.

Сергей Сидоренко, Михаил Зыгарь. Виктору Черномырдину ищут замену // Газета «Коммерсантъ». 2009. 15 июн.

Олег Зорин. Официальное мнение // Газета «Коммерсантъ». 2009. 20 июн.

Борис Борисов. Веселый вор // Новые хроники. 2010. 3 ноя.

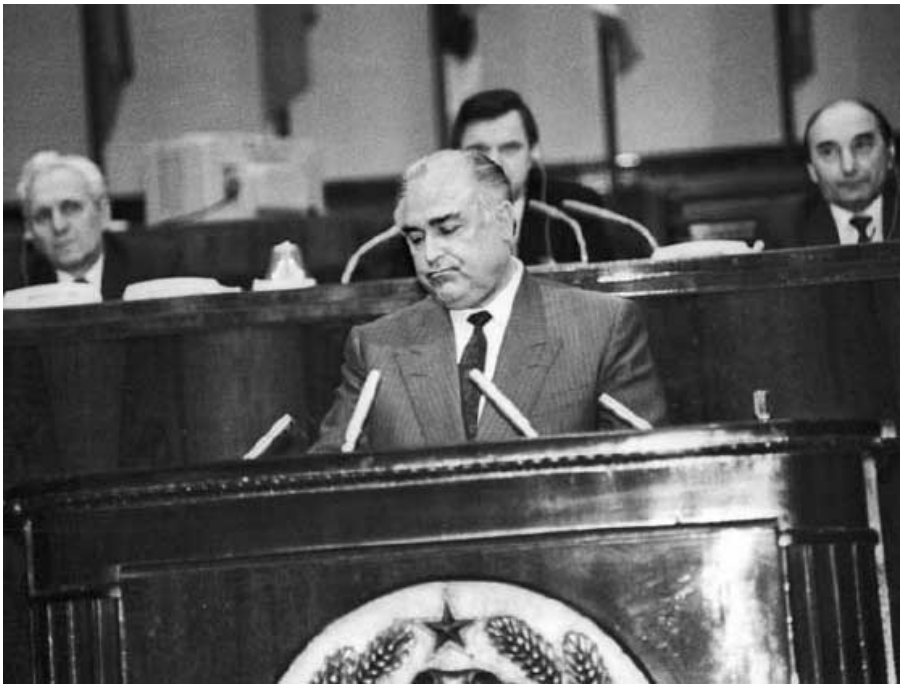
Афанасий Сборов. Умер Виктор Черномырдин // Власть. 2010. 8 ноя.

«Мы всегда могли на него рассчитывать» // Огонёк. 2010. 8 ноя.

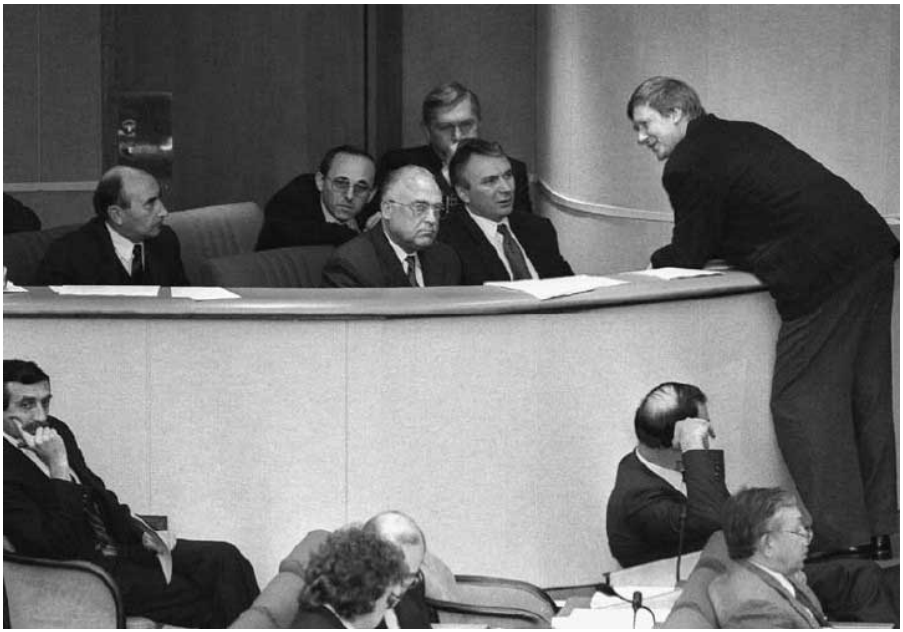
Хотел как лучше // Огонёк. 2010. 8 ноя.

Иллюстрации

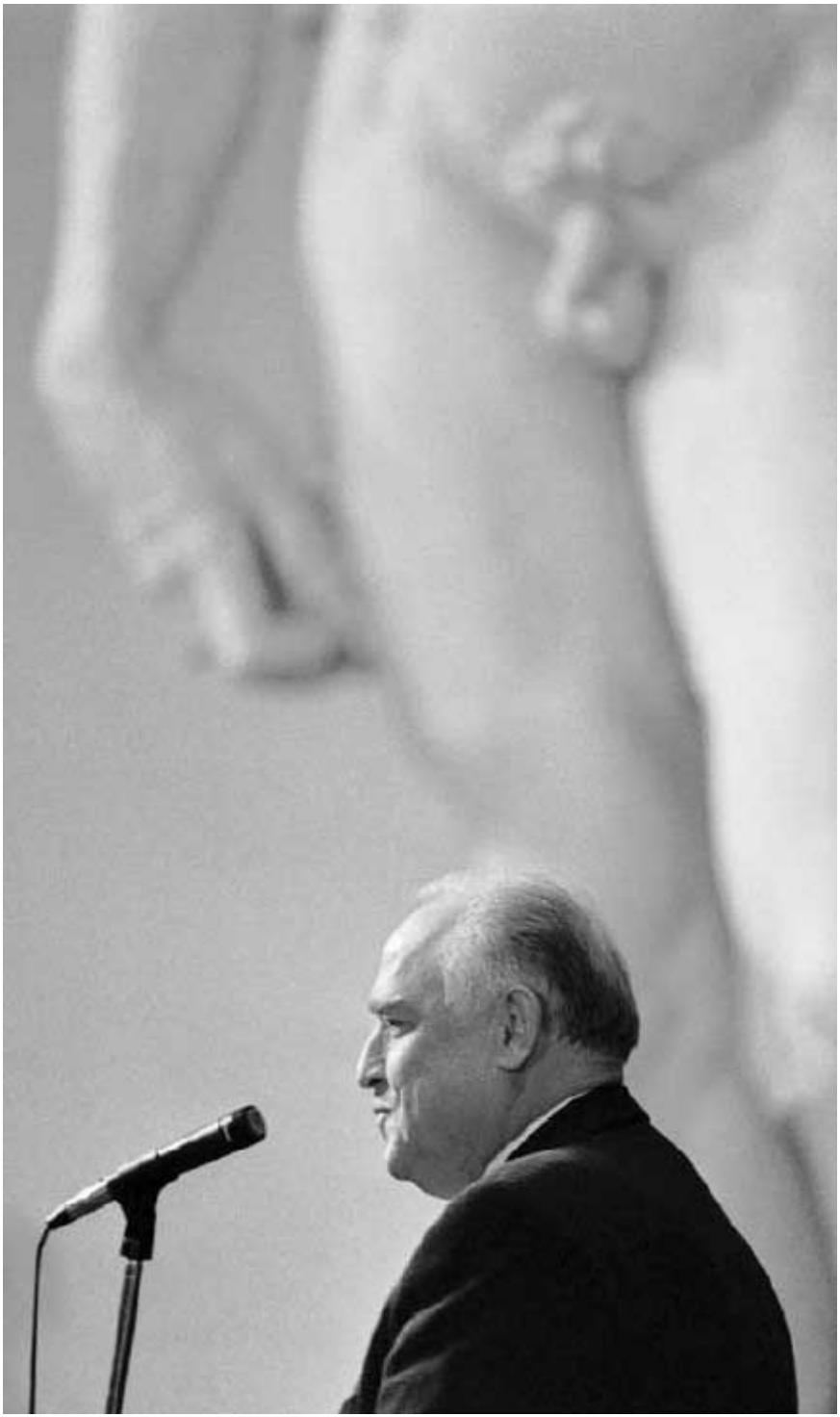
Виктор Черномырдин всегда обладал невероятным, каким-то звериным чутьем на перемены. В конце 80-х Черномырдин придумал, как ради сохранения любимой им газовой отрасли заставлять людей работать не силой, а из интереса. Так появилась крупнейшая в мире газовая корпорация ОАО «Газпром».



14 декабря 1992 года на VII съезде народных депутатов РСФСР в результате рейтингового голосования кандидатур, представленных на пост председателя правительства России, Виктор Черномырдин стал во главе кабинета. Тем самым борьба, которую вели представители промышленного директората и руководители-аграрники против «правительства ученых-теоретиков» Егора Гайдара, закончилась победой практиков. Именно тогда, в декабре 1992 года, впервые заработала схема «президент на кнопке» (имеется в виду ядерная кнопка. — Ред.) — премьер на вентиле».



После нападения отряда Басаева на Буденновск и убийства десятков и десятков безоружных людей Государственная дума вынесла в июне 1995 года вотум недоверия правительству. В ответ Виктор Черномырдин поставил в нижней палате вопрос о доверии своему кабинету. Тем самым перехватил инициативу у депутатов. И в итоге сохранил и себя и правительство.



Черномырдин обладал прирожденным чувством юмора. Любил посмеяться и над собой и над окружающими. Но делал это чаще беззлобно. Вот, например, как он однажды высказался

на счет Бориса Немцова — «Не могу я молчать. Вы слышали, что только что сказал мой бывший первый заместитель. Он сказал, что украинцы не глупее евреев. Как ему только такое в голову могло прийти».

Черномырдин всегда и во всем поддерживал своего преемника Рема Вяхирева (сидит справа) на посту председателя правления «Газпрома». До поры до времени довольно успешно уберегал и от нападок из Кремля и налоговиков.

Президентом ЧВС так и не стал. Но исполнять обязанности президента ему все-таки довелось. С 7.00 5 ноября до 6.00 6 ноября 1996 года. Дело в том, что согласно указу № 1378 «О временном исполнении обязанностей президента Российской Федерации» от 19 сентября 1996 года, председатель правительства должен был временно исполнять эти самые обязанности, пока президенту Ельцину делали операцию на сердце.

В январе 1997 года журнал «Огонек» опубликовал статью «Подлинные особенности национальной охоты», где было рассказано об охоте Виктора Черномырдина на медведя в Ярославской области. В статье безо всякого ерничества и ехидства было изложено, как и при каких обстоятельствах в область прибыл (12 января) премьер Черномырдин и, «уложив» своего медведя, отбыл в тот же день восвояси.

В 1993 году на ванкуверской встрече американского президента Билла Клинтона (стоит с цветами) и российского президента Бориса Ельцина была образована Межправительственная российско-американская комиссия по экономическому и технологическому сотрудничеству, позднее получившая название комиссии Гора — Черномырдина. За время работы комиссии Черномырдин и Альберт Гор (вице-президент США) стали настолько неразлучными, что уже слились в одну — нечто вроде Гей-Люссака или Сквозник-Дмухановского. И было отчего: возглавляемая ими комиссия — едва ли не единственное, что придавало стабильность расшатавшимся российско-американским связям.

Очевидцы рассказывают, что Черномырдин симпатизировал своему двойнику на телеэкране.

В народе Виктор Степанович Черномырдин остался "тем премьером", который любил играть на баяне и рулить комбайном. Его называли "Степаныч» и, наверное, даже любили за его неподражаемые, ставшие крылатыми, фразы, — «хотели, как лучше, а получилось как всегда», «какую партию ни строй, все

равно КПСС получается», «отродясь не бывало, и вот опять», «лучше водки хуже нету»…

В августе 1998 года, отправив в отставку Сергея Кириенко, Борис Ельцин назначил Черномырдина и. о. премьера.

В его последующем провале при голосовании в Госдуме за его кандидатуру на должность председателя правительства, есть и участие Юрия Лужкова. Московский мэр раньше всех осознал, сколько выгод сулит премьерский пост умному человеку незадолго до президентских выборов.

В 1999 году быстрый политический взлет Владимира Путина сделал Виктора Черномырдина нерелевантной фигурой в качестве возможного кандидата в президенты. И Черномырдин это понял раньше всех.

У представителей украинской элиты (размахивает рукой бывший президент Украины Виктор Ющенко) посол Черномырдин вызывал глухое раздражение. Виктор Степанович упрямо демонстрировал игнорирование идеологии, которая легла в основу украинской «незалежности». Он не желал замечать, что Украина — это государство, взявшее в качестве главного ориентира не идею сближения с Москвой, а идею отторжения.

В июне 2000 года на собрании акционеров «Газпрома» Виктор Черномырдин был отправлен в отставку с поста председателя совета директоров компании, на этом посту его сменил заместитель главы президентской администрации, будущий президент России Дмитрий Медведев.

Виктору Степановичу Черномырдину принадлежит удивительное по простоте и внутренней силе высказывание: «Мы так жить будем, что наши внуки нам завидовать будут».

© ЗАО «Коммерсантъ. Издательский дом», 2011
© Оформление. ЗАО «Коммерсантъ. Издательский дом», 2011
©ООО «Издательство «Эксмо», 2011

notes

Примечания

1

Rote Armee Fraktion (нем.) — Фракция «Красной армии», немецкая леворадикальная террористическая организация городских партизан, действовавшая в ФРГ и Западном Берлине. Основана в 1968 Андреасом Баадером, Гудрун Энслин, Хорстом Малером, Ульрикой Майнхоф, Ирмгард Мёллер и др. Была названа в честь революционных армий России, Китая и Кубы. Организована по образцу южноамериканских партизанских групп, таких как Тупамарос (Уругвай). Ее участники рассматривали свою деятельность как городскую партизанскую войну, направленную против государственного аппарата и класса буржуазии. Ответственна за совершение 34 убийств, серии банковских налетов, взрывов военных и гражданских учреждений и покушений на высокопоставленных лиц. История организации, которую также называют объединением (нем. Vereinigung), насчитывает 4 поколения. В 1998 году она официально заявила о самороспуске.

2

Brigate Rosse (итал., часто использовалась аббревиатура BR, — подпольная леворадикальная организация, действовавшая в Италии. Была основана в 1970 году. Сочетала методы городской партизанской войны с ненасильственными методами — пропагандой, созданием полулегальных организаций на заводах и в университетах. «Красные бригады» ставили своей целью создание революционного государства в результате вооруженной борьбы и отсоединение Италии от альянса западных государств, в том числе от блока НАТО. Численность «Красных бригад» доходила до 25 тыс. человек, занятых различной деятельностью, как партизанской, так и полулегальной, обеспечивавшей функционирование боевых групп. В 1980-х годах группа была практически полностью разгромлена усилиями итальянских правоохранительных органов, существенную помощь которым оказали арестованные члены группировки, содействовавшие розыску остающихся на свободе товарищей в обмен на снисхождение при привлечении к ответственности.

3

Stockholm Syndrome (англ.) — взаимная или односторонняя симпатия, возникающая между жертвой и агрессором в процессе захвата и применения, или угрозы применения, насилия. Под воздействием сильного шока заложники начинают сочувствовать своим захватчикам, оправдывать их действия и в конечном итоге отождествлять себя с ними, перенимая их идеи и считая свою жертву необходимой для достижения «общей» цели. Вследствие видимой парадоксальности психологического феномена, термин «стокгольмский синдром» стал широко популярен и приобрел много синонимов: известны такие наименования как «синдром идентификации заложника» (Hostage Identification Syndrome), «синдром здравого смысла» (Common Sense Syndrome), «стокгольмский фактор» (Stockholm Factor), «синдром выживания заложника» (Hostage Survival Syndrome) и др. Авторство термина «стокгольмский синдром» приписывают криминалисту Нильсу Бейероту (Nils Bejerot), который ввел его во время анализа ситуации, возникшей в Стокгольме во время захвата заложников в августе 1973 года. Механизм психологической защиты, лежащий в основе стокгольмского синдрома, был впервые описан Анной Фрейд (Anna Freud) в 1936 году, когда и получил название «идентификация с агрессором».